

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

41
ЧАСТЬ II
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (592) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Шарль Луи де Монтескье* (1689–1755), французский философ, правовед и писатель эпохи Просвещения, один из зачинателей идеологии либерализма.

Местом рождения Шарля Монтескье был замок Ла-Бред, расположенный недалеко от Бордо и принадлежавший отцу мальчика Жаку де Секонда, обладавшему титулом барона де Лабреда. Малыш, получивший двойное имя Шарль Луи, родился 18 января 1689 года. Когда он достиг соответствующего возраста, то, как представитель парламентского «дворянства мантии» был принят в коллеж ораторианцев. Это учебное заведение располагалось в Жюи вблизи Парижа. Свое обучение Шарль Луи де Секонда продолжил в Бордоском университете. Изучив в нем право, он в 1708 году получил статус адвоката.

Когда спустя пять лет умер его отец, юный де Лабред стал советником (судьей) Бордоского парламента. Вскоре в его жизни произошло еще много событий: женитьба, избрание членом академии Бордо, а после смерти дяди в 1716 году — получение титула барона де Монтескье одновременно с наследственной должностью заместителя председателя Бордоского парламента.

Но очень скоро новоиспеченный барон де Монтескье разочаровался в карьере профессионального юриста. Его занимали глобальные вопросы, вытекающие из существующих законов, и их решения. Поэтому спустя десятилетие после вступления в должность Шарль Луи продал ее, чтобы заняться более интересными вещами.

Еще в юности Шарль Луи увлекся естественнонаучными исследованиями. Результаты проведенных экспериментов были представлены им в академии. Наблюдение за расширением и сокращением тканей под действием высоких и низких температур позднее послужило основой для философских размышлений о влиянии климата на отдельных личностей и в целом на общественные институты.

Очень интересно было Шарлю Луи и литераторство, особенно сатирические произведения, высмеивающие негативные стороны французского общества. В 1728 году его литературная и научная деятельность позволила Шарлю Луи де Монтескье попасть во Французскую академию.

Написанные им в 1721 году «Персидские письма» были по достоинству оценены читающей публикой. Писателя привлек восточный антураж, легкий в основу произведения. Персидский путешественник рассказывает о своих впечатлениях от Франции и ее обычаях, включая религиозные и политические злоупотребления. Что самим французам кажется совершенно обычным, у иностранного путешественника вызывает глубокое недоумение. «Персидские письма» полны остroго юмора, иногда переходящего в злую сатиру. Автор высмеивает и религиозные

войны, и абсолютную монархию, и инквизицию, и даже Папу Римского.

«Размышления о причинах величия и падения римлян» были написаны в 1734 году. В этой небольшой книге де Монтескье разбирает причины возвышения Рима и его упадка. Их знание позволит в будущем избежать ошибок предков.

«О духе законов» (1748) — главный труд Шарля Луи де Монтескье — итог двадцатилетних размышлений, изысканий, литературной работы, позволивший облечь социальную и политическую науку в художественную форму, понятную широким массам. В этой работе ученый исследует природу законов и их связь с типом правления, особенностями стран (климатом, количеством населения, рельефом местности и т. д.). Здесь же нашли отражение и идеи о принципе разделения исполнительной, судебной и законодательной власти, привезенные автором из Англии. Эту книгу тремя годами позже внесли в «Индекс запрещенных книг», поскольку она подрывала устои французской монархии. Ею часто интересовались первые лидеры Французской революции; огромной популярностью она пользовалась и в США.

Любознательный ум де Монтескье требовал новой информации об устройстве мира. Сразу после принятия в академию Шарль Луи отправился путешествовать по разным странам. Он побывал в Италии, Австрии, Голландии, княжествах Германии, полтора года провел в Англии, где присутствовал на сессиях палаты общин. Его поразила правовая система, при которой была разрешена критика правительственной политики, что было невозможно в монархической Франции.

Монтескье очень много времени уделял размышлению и написанию своих трудов. Его можно было часто видеть в Лабредской библиотеке, где он либо читал, либо диктовал секретарю наброски своей работы. Хотя по характеру де Монтескье был немного замкнут, он все же иногда посещал парижские салоны, позволявшие ему наблюдать за поведением представителей различных сословий.

Монтескье считается основателем количественной теории денег, которую развивали Дэвид Юм, Джон Кейнс, Ирвинг Фишер, Милтон Фридман, Артур Пигу и другие экономисты.

Незадолго перед смертью в 1752 году Монтескье закончил «Опыт о вкусе», посмертно опубликованный в седьмом томе «Энциклопедии» (1757). Успев завоевать славу и завершить свой многолетний труд, почти ослепший из-за катаракты Шарль-Луи де Монтескье умер в Париже в 1755 году.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бавина Е. М.

Машино-место: новый объект недвижимости, его особенности и защита права собственности 67

Бороздина К. А.

Особенности правового регулирования договора социального найма 71

Виноградов Д. В.

Необоснованная налоговая выгода в сфере добывающих предприятий Российской Федерации 74

Волкова М. М.

Правовой статус наружной рекламы: от закона к практике 76

Воронкова М. М.

Комплаенс в сфере кибербезопасности: обязательства бизнес-структур и правовые последствия их нарушения 78

Галашина Е. А.

Мошенничество с применением информационных технологий: уголовно-правовая оценка 80

Герасимова А. А.

Актуальные проблемы допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства 82

Герасимова А. А.

Проблемные аспекты договоров мены и купли-продажи жилых помещений в Российской Федерации 85

Давиденко Н. А.

Превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи при оказании платных медицинских услуг: правовые риски и способ их минимизации 89

Денисов В. А.

Конституционно-правовые основы регулирования вахтовой миграции в Российской Федерации: прозрачность, целевой характер и запрет на семейный переезд 91

Дорофеева С. В.

Эволюция норм освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности 95

Дяговец И. Р.

Актуальные проблемы защиты трудовых прав работников 98

Жаландаускайтė В. З.

Особенности алиментных обязательств, осложненных иностранным элементом 100

Железнов Е. Д.

Основы валютного контроля в Российской Федерации (по материалам УФНС России по г. Москве) 102

Железнов Е. Д.

Валютный контроль: теоретико-правовые и практические аспекты (по материалам УФНС России по г. Москве) 104

Жукова В. О.

Понятие и классификация экспертных ошибок 106

Иванова Е. А.

Основополагающие положения и некоторые проблемы взаимодействия следователей и экспертов в уголовном процессе на досудебной стадии 108

Иващенко Д. С.

Незаконная налоговая оптимизация в предпринимательской деятельности: квалификация налоговых правонарушений и юридическая ответственность 111

Калиниченко А. Г.

Правовой статус апартаментов в Российской Федерации: проблемы и перспективы законодательного регулирования 115

Киселев К. В.

Криминологический анализ личности лидера и рядовых членов организованной преступной группы 117

Климов А. В.

Уголовная ответственность за нарушения правил пожарной безопасности 118

Козик Ю. Е.

Особенности судебных расходов
участников споров по договорам долевого
строительства 121

Костоян А. А., Дробот С. А.

Вопросы квалификации хищения
путем использования информационных
технологий 124

Кутенкова П. В.

Понятие государственных и муниципальных
нужд при изъятии земельных участков
в российском законодательстве 127

Лаптев П. А.

Уголовно-правовая характеристика
освобождения от уголовной ответственности
в связи с возмещением ущерба 129

Леонтьева А. Ю.

Пробелы защиты прав потребителей
медицинских услуг 134

Лой Д. И.

Понятие и основные черты судебного
следствия 136

Малый А. М.

Становление и развитие учения
о продолжаемом преступлении
в отечественной уголовно-правовой
доктрине 137

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Машино-место: новый объект недвижимости, его особенности и защита права собственности

Бавина Елена Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Вронская Мария Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

Машино-место выступает относительно новым самостоятельным объектом недвижимости, предусмотренным российским гражданским законодательством, при этом нормы о машино-месте, признавшие его отдельным недвижимым объектом, не внесли принципиальных изменений в реалии гражданского оборота, а лишь легализовали машино-место в системе объектов гражданских прав, поскольку фактически обособленные места для хранения автотранспорта в многоквартирных домах, деловых центрах существовали задолго до того, как в 2016-м году ст. 130 ГК РФ «Недвижимые и движимые вещи» была дополнена нормой о машино-месте. При этом в отсутствии специальных норм, придававших машино-месту статус недвижимого объекта, гражданский оборот таких мест был затруднен. Вместе с тем, нормы о машино-месте не решили многие теоретические и практические проблемы, присущие данному объекту, поскольку самого по себе признания машино-места объектом недвижимости еще недостаточно — необходимы также нормы, детально регулирующие гражданский оборот машино-мест. Цель научного исследования — проанализировать юридические ситуации, возникающие в связи с созданием и включением в гражданский оборот объекта недвижимости — машино-места, проанализировать судебную практику споров по регистрации и использованию нового объекта недвижимости.

Ключевые слова: объект недвижимости, машино-место, транспортное средство, здание, сооружение, ограждающая конструкция, объект государственного кадастрового учета, объект государственной регистрации, участники общедолевой собственности.

Parking space: a new real estate object, its features and protection of property rights

Bavina Elena Mikhaylovna, master's student

Scientific advisor: Vronskaya Maria Vladimirovna, phd in law, associate professor
Vladivostok State University

The parking space is a relatively new independent object of real estate provided for by Russian civil legislation, while the norms on parking spaces, which recognized it as a separate immovable object, did not fundamentally change the realities of civil turnover, but only legalized parking spaces in the system of objects of civil rights, since they are actually separate places for storing vehicles in apartment buildings. business centers existed long before, in 2016, Article 130 of the Civil Code of the Russian Federation «Immovable and movable things» was supplemented by the parking space rule. At the same time, in the absence of special regulations that gave the parking space the status of an immovable object, the civil turnover of such places was difficult. At the same time, regulations on parking spaces have not solved many of the theoretical and practical problems inherent in this facility, since recognizing a parking space as a real estate object is not enough by itself — regulations governing the civil turnover of parking spaces are also needed. The purpose of the scientific research is to analyze the legal situations arising in connection with the creation and inclusion in the civil turnover of a real estate object — a parking space, to analyze the judicial practice of disputes over the registration and use of a new real estate object.

Keywords: real estate object, parking space, vehicle, building, structure, enclosing structure, object of state cadastral registration, object of state registration, participants in communal ownership.

Машино-места были признаны отдельными объектами недвижимости в 2016 году (абзац третий пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса РФ [1]). К не-

движимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, переме-

щение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке [2].

Пункт 29 статьи 1 Градостроительного кодекса России дает определение машино-месту: это предназначена исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке [2].

В российском законодательстве отсутствует четкое пространственное понимание машино-места — является ли оно частью объема здания или же частью его поверхности (соответственно, вправе ли, например, владелец здания уменьшить пространство, расположенное над машино-местами, создав «второй потолок» для организации еще одного ряда машино-мест, или вправе ли сам владелец машино-места по своему усмотрению «углубиться» вниз по вертикали и сделать нечто вроде смотровой ямы, если машино-место, расположено на цокольном этаже).

Кроме того, в гражданском законодательстве явно недостаточно урегулирован оборот машино-мест (порядок и процедура их купли-продажи, сдачи в аренду, использование в качестве предмета залога).

Определенной проблематикой характеризуется и защита интересов собственников машино-мест в случае сноса или повреждения здания или сооружения, а также смены собственника здания или сооружения, либо же в случае передачи здания или сооружения в аренду (во многом такие проблемы обусловлены тем, что машино-место как недвижимый объект характеризуется сложной правовой природой, обусловленной, помимо прочего, существенной юридической и фактической «зависимостью» от здания или сооружения, в котором расположено машино-место).

Иными словами, машино-место связано с землей опосредованно, через здание или сооружение, в котором оно находится, тем самым усложняется гражданско-правовая природа машино-места, что обуславливает определенную проблематику оборота исследуемого объекта.

Слабо урегулировано и содержание прав собственников машино-мест (например, какие именно транспортные средства могут быть размещены на машино-месте — только ли автомобильный транспорт, или же допустимо хранить небольшие лодки, перемещаемые на прицепах) и др.

Отсутствует и четкое нормативно-правовое регулирование объединения нескольких машино-мест в единое, поскольку на нормативном уровне установлены предельные

размеры машино-места, без учета возможности их соединения, поскольку при соединении нескольких машино-мест образуется одно крупное, его размеры будут превышать нормативные пределы, соответственно, получается достаточно нелогичная ситуация, когда собственник вправе объединить несколько земельных участков или жилых помещений, но не вправе объединить несколько машино-мест. Иными словами, данная проблема связана с отсутствием в отечественном законодательстве такой категории, как составное машино-место, образованное вследствие объединения нескольких.

Право собственности на машино-место может возникнуть из договора купли-продажи (например, при приобретении у застройщика), договора дарения (наследования) или выдела в натуре из общей долевой собственности на помещение, здание или сооружение.

Важным нововведением является Федеральный закон № 403-ФЗ от 23.11.2024 [4], который должен был упростить выдел машино-места в натуре без согласия всех собственников на помещение, здание или сооружение. Однако, процедуру выдела своей доли в натуре все-таки сложно назвать быстрой и простой. Участник общей долевой собственности, претендующий на выдел доли в натуре обязан привлечь кадастрового инженера для подготовки технического плана образуемого машино-места. Для этого кадастровый инженер должен согласовать местоположение такого машино-места с участниками общей долевой собственности во избежание нарушения прав других участников. Кадастровый инженер обязан опубликовать извещение о предстоящем выделе доли в натуре вправе общей долевой собственности в официальных источниках опубликования соответствующего муниципального образования, а также разместить извещение на досках объявлений участников общедолевой собственности помещений, зданий и сооружений частью которых является машино-место. Указанный закон устанавливает требования к перечню обязательных сведений, составляющих извещение. Например, извещение должно содержать обязательно ФИО, телефон и адрес электронной почты участника долевой собственности осуществляющего выдел доли в натуре. Встает вопрос для каких целей и насколько это безопасно распространять персональные данные участника долевой собственности без его согласия?

Кадастровый инженер должен обеспечить ознакомление заинтересованных участников с проектом технического плана, дать разъяснения и проверить полномочия участников. После чего, участники могут направить письменные возражения кадастровому инженеру по почте (электронной почте, указанной в извещении), а также в орган регистрации прав в срок не менее 30 календарных дней со дня опубликования извещения. Письменные возражения участника долевой собственности должны также содержать персональные данные, а именно ФИО, реквизиты документа, удостоверяющего личность, правоустанавливающие документы на долю в общедолевой собственности с указанием причин и обстоятельств, пре-

пятствующих согласованию местоположению машино-места. Встает вопрос, как соотносится обработка персональных данных полученных от третьих лиц кадастровым инженером с требованиями ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [5], согласно которого обработка данных осуществляется только с согласия на это субъекта персональных данных. Абсолютно не ясно как будут защищены персональные данные возражавших участников долевой собственности, полученные кадастровым инженером.

Только при отсутствии возражений участников долевой собственности местоположение машино-места считается согласованным по истечении 30 дневного срока после опубликования извещения. А при наличии возражений выдел своей доли в натуре будет осуществляться только в судебном порядке.

Права собственности на объект недвижимости как машино-место по своей природе должны давать правообладателю защищенность и спокойствие как от посягательств иных лиц, так и от уничтожения. Эта защита по идеи включает запрет на нарушение владения, захвата, уничтожения, загрязнения, затопление, несогласованное использование, присвоение и другое. Но на практике собственник встречается все чаще с нарушениями своих прав. Судебная практика по защите прав на машино-места по спорам, связанным с машино-местами, продолжает формироваться и отличается разнообразием. В этой статье приведены ключевые примеры из судебной практики, иллюстрирующие основные подходы судов к разрешению споров о машино-местах.

1. Споры о регистрации права собственности на машино-место:

Дело № А40-163923/2016 (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 сентября 2017 г. № Ф05-12550/17) [6].

Суть спора: Собственник машино-места обратился в суд с требованием обязать Росреестр зарегистрировать право собственности на машино-место, которому было отказано из-за отсутствия четких границ объекта.

Решение суда: Суд удовлетворил требование истца, указав, что границы машино-места могут быть обозначены не только строительными конструкциями, но и разметкой, если она позволяет идентифицировать объект. Суд подчеркнул, что ключевым критерием является возможность определения границ в соответствии с требованиями законодательства о кадастровом учете.

2. Споры о включении машино-мест в состав общего имущества многоквартирного дома (далее — МКД):

Дело № 309-ЭС22-13217 (Определение Верховного суда РФ от 15 августа 2022 г.)

Дело № АПЛ23-488(Апелляционное определение Верховного суда РФ от 25 января 2024 г.) [7]

Суть спора: Управляющая компания требовала взыскания долга за содержание общего имущества МКД с собственника машино-мест. Собственник оспаривал требование, указывая, что машино-места не входят в со-

став общего имущества и он не должен оплачивать такое содержание.

Перечень общего имущества в многоквартирном доме, которое на праве общей долевой собственности принадлежит собственникам его помещений, определён частью 1 статьи 36 ЖК РФ [3]. Согласно пункту 1 к нему относятся помещения в многоквартирном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы).

Правилами [8] указанный перечень конкретизирован. В соответствии с подпунктом «а» пункта 2 Правил в состав общего имущества включаются помещения в многоквартирном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного жилого и (или) нежилого помещения в этом многоквартирном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, колясочные, чердаки, технические этажи (включая построенные за счёт средств собственников помещений встроенные гаражи и площадки для автомобильного транспорта, мастерские, технические чердаки) и технические подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, мусороприёмные камеры, мусоропроводы, иное обслуживающее более одного жилого и (или) нежилого помещения в многоквартирном доме оборудование (включая котельные, бойлерные, элеваторные узлы и другое инженерное оборудование).

При этом в силу пункта 2 части 1 статьи 36 ЖК РФ [3] к общему имуществу в многоквартирном доме отнесены также иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий, а также не принадлежащие отдельным собственникам машино-места.

Необходимо отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях неоднократно указывал на то, что помимо нежилых помещений, относящихся к общему имуществу в многоквартирном доме, в нём могут быть и иные нежилые помещения, которые предназначены для самостоятельного использования, являются недвижимыми вещами как самостоятельными объектами гражданских прав, в силу чего их правовой режим отличается от правового режима помещений, установленного в пункте 1 статьи 290 ГК РФ и части 1 статьи 36 ЖК РФ (определения от 19 мая 2009 г. № 489-0-0, от 25 сентября 2014 г. № 2110-О, от 26 апреля 2016 г. № 786-0, от 27 декабря 2022 г. № 3406-О).

Решение суда: ВС РФ подтвердил, что машино-места не входят в состав общего имущества МКД, если они являются самостоятельными объектами недвижимости. Суд указал, что собственник машино-места обязан оплачивать только услуги, непосредственно связанные с использованием его объекта.

3. Споры о коммунальных услугах для машино-мест

Суть спора: Собственник машино-места отказался оплачивать коммунальные услуги (электроснабжение, водоснабжение), аргументируя, что они не предоставлялись. Управляющая компания требовала взыскания задолженности.

Решение суда: Суд отказал в удовлетворении требований УК, указав, что машино-места не являются жилыми помещениями и не подпадают под действие Правил предоставления коммунальных услуг в том же объеме, что и жилые помещения. Суд подчеркнул, что УК должна доказать фактическое предоставление услуг.

4. Споры о качестве и гарантийных обязательствах

Дело о протечках в паркинге (Определение Верховного суда РФ, 2023 г.)

Суть спора: Покупатель машино-места обнаружил пропечки потолка в паркинге и потребовал от застройщика возврата уплаченной суммы, указав, что недостатки были выявлены в гарантийный срок. Застройщик отказался, так как на момент обращения гарантийный срок истек.

Решение суда: ВС РФ встал на сторону покупателя, указав, что гарантийный срок исчисляется с момента передачи объекта покупателю, а не с момента ввода дома в эксплуатацию. Суд обязал застройщика вернуть уплаченную сумму и компенсировать убытки.

5. Споры о перепланировке и установке ограждений

Дело о запрете установки перегородок между машино-местами

Суть спора: Собственник машино-места установил перегородки для обозначения границ своего объекта. Управляющая компания потребовала демонтировать их, указав, что это нарушает противопожарные нормы и правила использования общего имущества.

Решение суда: Суд обязал собственника демонтировать перегородки, ссылаясь на нарушение противопожарных норм (Свод правил № 154.13130.2013). Суд указал, что для

обозначения границ машино-места допустимо использовать только разметку или сетчатые ограждения из негорючих материалов.

6. Споры о признании машино-места объектом недвижимости

Дело о кадастровом учете машино-места без строительных конструкций

Суть спора: Росреестр отказал в кадастровом учете машино-места, аргументировав, что оно не имеет строительных конструкций (стен) и не может быть признано объектом недвижимости.

Решение суда: Суд обязал Росреестр провести кадастровый учет, указав, что машино-место может быть ограничено не только строительными конструкциями, но и разметкой, если она позволяет идентифицировать объект. Суд сослался на п. 29 ст. 1 ГрК РФ, который не требует обязательного наличия ограждающих конструкций.

В заключении можно сказать, судебная практика по спорам, связанным с машино-местами, продолжает развиваться и уточняться.

Ключевые тенденции включают:

– Признание машино-места самостоятельным объектом недвижимости даже при отсутствии ограждающих конструкций, если его границы можно идентифицировать.

– Исключение машино-мест из состава общего имущества МКД, что освобождает собственников от оплаты услуг по содержанию общего имущества.

– Защита прав покупателей на качественные объекты и возможность возврата средств при обнаружении недостатков в гарантийный срок.

– Соблюдение противопожарных норм при использовании машино-мест, включая запрет на установку сплошных перегородок.

Несмотря на прогресс в законодательстве, некоторые вопросы остаются дискуссионными, и единобразие судебной практики еще не достигнуто. Собственникам машино-мест рекомендуется тщательно проверять документы перед покупкой, заключать договоры на обслуживание с управляющими компаниями и обращаться в суд при нарушении их прав.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. — 08.12.1994. — № 238–239// СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=508490&cacheid=41B3EF3185095D666E1C1AB35B8D7B8E&mode=rubr&rnd=8H67Mw#i7s62xUlgOSnW5e4> (дата обращения 17.09.2025).
2. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Российская газета», N 290, 30.12.2004 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=511394&cacheid=925AAAAF6E4B54E44725D267C684D196&mode=rubr&rnd=8H67Mw#HEPA2xUmy1AI9zeJ1> (дата обращения 17.09.2025)
3. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14, <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=507296&dst=100910&edition=etD&rnd=WA4LQxUrlaJEPrAQ#fDoLQxUKaYrOo3pq>

4. Федеральный закон № 403-ФЗ от 23.11.2024 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»// «Собрание законодательства РФ», 25.11.2024, N 48, ст. 7210// <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=491334&cacheid=17D30DC8431EECECD1AEDF600DFC29D2&mode=splus&rnd=WA4LQxUrlaJEPrAQ#rkIVQxUEMSTLFBXQ>
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных»//«Российская газета», N 165, 29.07.2006, // СПС «КонсультантПлюс». — <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=0&edition=etD&rnd=WA4LQxUrlaJEPrAQ#ZVELQxUpoqj8yFa8>
6. https://sudact.ru/arbitral/doc/TGDFTPbdCoQm/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A40-163923 %2F2016+&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=06.09.2017&arbitral-date_to=07.09.2017&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1758089667922
7. https://sudact.ru/vsrf/doc/HCTrP6LoiyJp/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=АПЛ23-488&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=31.01.2024&vsrf-date_to=31.01.2024&vsrf-judge=&_=1758449064617
8. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 N 491 (ред. от 07.03.2025) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность»// «Собрание законодательства Российской Федерации» от 22 августа 2006, № 34, ст. 3680// <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500914&cacheid=AC8DD2E0A3246E19DCD05DC536EF67A5&mode=splus&rnd=WA4LQxUrlaJEPrAQ#LX8UQxUh8YoXYWY2>
9. Кириченко О. В., Накушнова Е. В. Права и обязанности граждан — собственников жилых помещений в многоквартирных домах: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2019. 636 с.// <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=EA70A83A8A87E45B93CBE793500F9067&mode=backrefs&base=CMB&n=18773&BASENODE=IiIiMSwzMjc5OSwzMjc5OShLCIiMiw0LENNVCIiIg&rnd=8H67Mw#VQoA2xUaB8REpGv81>

Особенности правового регулирования договора социального найма

Бороздина Кристина Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Договор аренды и договор найма жилого помещения в соответствии с положениями действующего законодательства разделяются на определенные виды. В рамках настоящей работы интерес представляет дифференциация договоров найма жилого помещения на виды: социальный и коммерческий найм.

Ключевые слова: договор найма жилого помещения, договор коммерческого найма, договор социального найма.

Разграничение гражданско-правовых договоров, возникающих по поводу установления правомочий по владению и пользованию жилыми помещениями, проводится современным законодателем в зависимости от правового статуса субъекта нанимателя (арендатора) жилого помещения. В свою очередь, указанный подход не исключает возможности участия в правоотношениях на стороне наймодателя по договорам найма жилого помещения юридических лиц.

Договор аренды и договор найма жилого помещения в соответствии с положениями действующего законодательства разделяются на определенные виды. В рамках настоящей работы интерес представляет дифференциация договоров найма жилого помещения на виды: социальный и коммерческий найм.

В юридической литературе встречаются различные точки зрения исследователей на правовую природу раз-

новидностей договора найма жилого помещения. Одни авторы в этом случае исходят из необходимости рассмотрения социального и коммерческого найма как разновидностей одного договора, а другие — как самостоятельных гражданско-правовых договоров, возникающих в жилищной сфере.

Так, Н. Н. Далбаева отмечает, что договор найма и договор социального найма не могут рассматриваться в качестве типовых, о чем свидетельствуют положения действующего гражданского законодательства. Закрепленные в главе 35 ГК РФ правовые нормы не содержат в себе отдельных положений, в которых нашли бы свое отражение вопросы урегулирования отношений в рамках конкретного вида договора. Соответственно, придерживаясь позиции о том, что договор найма имеет несколько разновидностей, современный законодатель закрепил бы указанные договорные типы. В подтверждение своей по-

зиции исследователь ссылается на положения гражданского законодательства, регламентирующего рентные отношения, их разновидности [5, с. 94].

В свою очередь, А. В. Пушкина придерживается противоположной точки зрения. По мнению автора, в главе 35 ГК РФ закреплены лишь общие положения, которые следует рассматривать в качестве «отправной» точки для детализации, развития действующего законодательства [11, с. 343]. При наличии такого подхода вполне обоснованной признается подход современного законодателя, отнесшего соответствующие правовые нормы об использовании жилых помещений в качестве предмета договорных отношений, в сферу жилищного права.

Легальное определение понятия «договор социального найма жилого помещения» закреплено в ст. 672 ГК РФ. В положениях обозначенной правовой нормы нашел свое отражение принципиально новый подход законодателя к регулированию рассматриваемых отношений. Ранее действовавшее гражданское законодательство не выделяло договор, предметом которого являлось жилое помещение, права пользования, владения таким помещением, в отдельный договор. Возникающие в связи с этим правоотношения подлежали урегулированию на основе положений о договоре аренды [4, с. 15].

Принятие ГК РФ ознаменовало собой выделение договора найма жилого помещения в самостоятельный гражданско-правовой договор. Вместе с тем, в юридической литературе исследователями высказываются мнения о том, что помещения, входящие в государственные и муниципальные жилищные фонды могут предоставляться не только на условиях договора социального использования, но и коммерческого найма, аренды [9, с. 234].

Действующая редакция гражданского законодательства содержит в себе специальный раздел, в котором сгруппированы нормы о договоре найма жилого помещения — гл. 35 ГК РФ.

Следует отметить, что положения о договоре найма закреплены и в нормах ЖК РФ. Однако нормы указанного нормативно-правового акта регулируют отношения, возникающие на основе договора социального найма жилого помещения. Соответственно, при наличии такого подхода законодателем закрепляется легальная классификация договоров найма жилого помещения — коммерческий и социальный найм.

В нормах гражданского законодательства не содержится легального определения понятия «договор коммерческого найма жилого помещения». В основе рассматриваемой правовой категории лежит понятие «коммерческий», а потому следует рассматривать такую разновидность гражданско-правовых договоров, как договоры, позволяющие извлечь заинтересованному лицу выгоду, доход от участия в соответствующих правоотношениях.

В этом случае предполагается, что действия по сдаче лицом жилого помещения по договору найма направлены на извлечение прибыли. Однако при наличии такого под-

хода исключается установление второй составляющей рассматриваемого договора — возможность использования конкретным лицом жилого помещения для удовлетворения своих личных потребностей.

Вместе с тем, в гл. 35 ГК РФ находят свое отражение общие правила, которые распространяются равным образом на случаи сдачи жилья в наем, в том числе и в случаях социального найма. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что по своей правовой природе разновидности договора найма жилого помещения — социальный и коммерческий найм — должны рассматриваться в качестве договоров, имеющих коммерческую направленность [10, с. 31]. Указанный подход не представляется верным, поскольку иное установлено в нормах действующего законодательства, что будет рассмотрено далее.

Наряду с обозначенными разновидностями договора найма жилого помещения в юридической литературе находят свое отражение подходы исследователей к выделению иных видов обозначенного гражданско-правового договора. Так, выделяется наем жилого помещения в доме жилищного или жилищно-строительного кооператива и наем служебного жилого помещения и общежития [47, с. 38]. На сегодняшний день указанные виды договоров найма жилого помещения не получают своего широкого распространения, а потому необходимость в их детальном рассмотрении отсутствует.

Таким образом, учитывая уровень развития гражданско-правовых отношений, современный законодатель выделяет две основные разновидности договоров найма жилого помещения: договор коммерческого найма и договор социального найма. Необходимость разграничения указанных видов договоров определяется их особенностями. Разграничение между указанными видами договоров социального найма проводится законодателем в зависимости от характеристики предмета договора, субъектного состава договорных отношений и др.

Одной из ключевых проблем договора социального найма жилого помещения является проблема выселения гражданина из жилого помещения без предоставления ему жилья.

Необходимо отметить, что при выселении гражданина из жилого помещения без предложения альтернативного жилья он лишается права на использование жилища, которое ему ранее предоставлялось. Процедура выселения включает в себя расторжение договора социального найма по решению суда, после чего лицу предоставляется определенное время для освобождения жилья. По истечении этого времени наниматель и его семья обязаны покинуть жилище. Тем не менее, важно помнить, что в некоторых случаях есть возможность предпринять определенные шаги, чтобы исправить ситуацию и избежать выселения, прежде чем будет применена самая строгая мера [4, с. 162].

Выселение нанимателя по договору социального найма жилого помещения вправе инициировать определенные лица. В соответствии с Жилищным кодексом РФ к этим лицам относятся наймодатель и прочие за-

интересованные лица. Перечень заинтересованных лиц не уточнен непосредственно в ЖК РФ, а определен в постановлении компетентного органа. Сюда включаются соседи нанимателя, также государственные органы жилищной инспекции. С иском о выселении из жилого помещения родителей, лишенных родительских прав, вправе обратиться органы опеки и попечительства, опекун (попечитель) или приемный родитель ребенка, прокурор, а также родитель, не лишенный родительских прав. Что касается непосредственно родителей, лишенных родительских прав, в данном случае закон не предусматривает никакого «досудебного» порядка, поэтому заинтересованные лица имеют возможность непосредственно обратиться в суд для защиты интересов несовершеннолетних детей.

По нашему мнению, выселение граждан без предоставления альтернативного жилья противоречит основному закону страны — Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на постоянное жилье, владение, пользование и распоряжение им, а также защищен от произвольного лишения его жилищных прав [1]. Хотя некоторые ученые считают, что выселение без предоставления жилья может быть оправданным в случаях нарушения жилищных прав, оно должно приме-

няться лишь по постановлению суда и лишь в строго ограниченных случаях. Некоторые специалисты утверждают, что выселение без предоставления другого жилья можно рассматривать как меру восстановления и защиты прав граждан в области жилищных отношений.

Для решения данной проблемы необходимы изменения в жилищном законодательстве. Санкции, связанные с выселением за нарушения, должны быть исключены. Вместо этого, следует применять другие меры наказания, чтобы предотвратить злоупотребление правом пользования жильем. Например, возможно предоставление правообладателям обратиться в суд с требованием о наложении штрафа или о выселении в другое жилье, менее комфортабельное.

Эти меры должны быть соразмерны нарушениям и не нарушать Конституцию, обеспечивая защиту личных прав и улучшая моральный климат в обществе. Часто лица, лишившиеся кровя, не могут справиться с обычной жизнью, становятся асоциальными и теряют свое место в обществе, что приводит к серьезным проблемам, таким как алкоголизм, наркомания и беспризорность. Предоставляя жилье, государство обеспечивает человеку уверенность в завтрашнем дне и чувство безопасности. Поэтому важно не лишать людей кровя и помогать им сохранить свое место в обществе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принятая всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 38. — Ст. 4389.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 (Часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188- ФЗ // Российская газета. — 2005. — 12 января.
4. Белов, В. А. Обязательственное право: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. — М.: Юрайт, 2019. — 425 с.
5. Далбаева, Н. Н. Договор найма жилого помещения и его виды: проблемы соотношения / Н. Н. Далбаева // BaikalResearchJournal. — 2010. — № 6. — С. 94–98.
6. Дамбаева, И. В. Понятие, заключение и изменение договора социального найма / И. В. Дамбаева // Право и практика. — 2018. — № 2. — С. 98–104.
7. Корнеева, И. Л. Жилищное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. — М.: Юрайт, 2021. — 450 с.
8. Мусаева, У. Проблемы правового регулирования договора коммерческого найма жилого помещения / У. Мусаева // Научные записки молодых исследователей. — 2018. — № 5. — С. 32–38.
9. Ноздрина, Н. А. Сравнительный анализ договора аренды и договора найма жилого помещения в РФ / Н. А. Ноздрина // Прорывные научные исследования как двигатель науки. — 2019. — № 4. — С. 90–94.
10. Панченко, И. В. Договор коммерческого найма жилого помещения: проблемы правового регулирования и иные вопросы / И. В. Панченко // Аллея науки. — 2020. — № 4 (43). — С. 376–381.
11. Пушкина, А. В. Место договора социального найма жилого помещения в системе договоров найма жилых помещений / А. В. Пушкина // Принципы права: проблемы теории и практики. — 2017. — № 1. — С. 343–348.
12. Свит, Ю. П. Жилищное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / Ю. П. Свит. — М.: Юрайт, 2020. -258 с.

Необоснованная налоговая выгода в сфере добывающих предприятий Российской Федерации

Виноградов Денис Вадимович, советник
Федеральная налоговая служба РФ (г. Москва)

Статья посвящена проблеме необоснованной налоговой выгоды на примере добывающих предприятий Российской Федерации. В работе проводится анализ действующей нормативно-правовой базы, регулирующей налоговые льготы в отрасли, и оценивается экономическое влияние данных льгот на финансовую устойчивость и конкурентоспособность предприятий. Особое внимание уделяется сравнительному анализу опыта применения налоговых стимулов в зарубежных странах, что позволяет выявить слабые стороны существующей системы и предложить пути совершенствования налогового законодательства. Результаты исследования могут служить основой для разработки мер по оптимизации налоговой политики и повышению эффективности государственного регулирования в добывающем секторе.

Ключевые слова: налоговая выгода, добывающие предприятия, налоговое законодательство, экономическая оценка, конкурентоспособность, реформа, сравнительный анализ.

В условиях современной экономической нестабильности и реформирования налогового законодательства Российской Федерации вопросы обоснованности предоставляемых налоговых льгот для добывающих предприятий становятся все более актуальными. Неэффективное использование налоговых стимулов может приводить к искажению конкурентного равновесия и нерациональному расходованию бюджетных средств, что, в свою очередь, оказывает влияние на финансовую устойчивость предприятий.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей налоговые льготы по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ), выявляет существенные правовые проблемы, связанные с расхождениями между положениями Налогового кодекса РФ и отраслевым законодательством. В частности, глава 26 НК РФ [1], устанавливающая налоговые ставки для каждого вида сырья, не всегда обеспечивает единообразное применение льготных мер, что затрудняет практическое применение установленных норм в условиях разнообразия добывающих предприятий.

Особого внимания заслуживает Закон РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 года № 2395-1 [3], определяющий круг лиц, имеющих право на пользование недрами и, соответственно, являющихся налогоплательщиками НДПИ. Данный закон в сочетании с положениями НК РФ [1] порождает определенные сложности в трактовке и применении льгот, так как отсутствует четкое разграничение понятий «основной компонент» и «попутный компонент», что приводит к неоднозначной оценке налоговой базы и неэффективному использованию налоговых стимулов.

В статье 342 НК РФ [1] фиксируется перечень полезных ископаемых, при добыче которых применяется нулевая ставка НДПИ. Однако отсутствие синхронизации понятия «полезное ископаемое» между различными нормативными актами способствует возникновению правовых коллизий. Дополнительно пункты 1–6 статьи 343 НК РФ [1], предусматривающие различные вычеты (например, предоставляющие добывающим угольным предприятиям возможность уменьшить сумму налога на расходы по

обеспечению безопасности труда), зачастую применяются в условиях, не отражающих экономическую реальность отрасли, что порождает вопросы об их обоснованности.

Постановление Правительства РФ № 921 от 29.12.2001 [4], устанавливающее порядок применения нормативов потерь полезных ископаемых для нулевой ставки НДПИ, демонстрирует устаревшие методологические подходы, не отвечающие современным условиям добычи. При этом принятие в 2022 году Федерального закона № 234-ФЗ [2], направленного на налоговое стимулирование добычи трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, подчеркивает необходимость пересмотра существующих норм и внедрения механизмов комплексного мониторинга воздействия изменений налогового законодательства на бюджетные доходы и экономические показатели компаний.

Экономическая оценка влияния предоставляемых налоговых преимуществ на финансовые показатели и конкурентоспособность добывающих предприятий выявляет сложную динамику, обусловленную взаимодействием ряда налоговых мер и контрольных процедур. В частности, доначисления по результатам выездных проверок, средняя сумма которых по России в 2024 году составила порядка 65 млн руб., а для «столичных» компаний достигла 101 млн руб., указывают на значительный масштаб налоговых обязательств, возникающих при нарушении установленных норм. Эти показатели демонстрируют, что, несмотря на наличие налоговых преференций, предприятия вынуждены сталкиваться с дополнительными затратами, что негативно сказывается на их финансовых результатах [1].

Дополнительное давление на бюджетную систему оказывается за счет дефицита, поддерживаемого благодаря поступлениям от усиленного контроля за бизнесом, доначислений и побуждения к добровольному уточнению налоговых обязательств. В данной связи введение налоговых льгот, таких как снижение ставки НДПИ и предоставление налоговых каникул в период оккупаемости проекта, на ранних этапах освоения месторождений приобретает особое значение. Однако применение подобных мер зача-

стую сопровождается дисбалансом: с одной стороны, они способствуют снижению налогового бремени на инновационные проекты, а с другой — создают предпосылки для необоснованного снижения доходной базы государства, что влияет на конкурентоспособность отрасли.

В то же время введение ресурсных налогов, платежей и налога роялти для недропользователей является важным инструментом регулирования добывающей деятельности, поскольку они обеспечивают оплату за использование природных ресурсов и месторождений. Особое внимание уделяется налогам, ориентированным на дополнительный доход и финансовый результат, что свидетельствует о привязке налоговой нагрузки к рентабельности добычи нефти. Повышение НДПИ с 1 января 2023 года для нефтяных, газовых и угледобывающих компаний, а также рост ставки налога на прибыль для производителей СПГ с 20 до 34 % в период 2023–2025 годов подтверждают направленность государственной политики на усиление налогового контроля и повышение бюджетных поступлений [1].

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта применения налоговых стимулов в добывающем секторе выявляет существенные различия в подходах, что обусловлено спецификой национальных экономик и правовых систем. В России налоговые стимулы, такие как снижение ставки налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и предоставление налоговых каникул на ранних этапах освоения месторождений, направлены на поддержку инвестиций в добычу трудноизвлекаемых запасов. Одновременно применение ресурсных налогов, платежей и налога роялти для недропользователей является мерой, компенсирующей использование природных ресурсов, что соответствует принципам государственного регулирования в данной отрасли.

Зарубежный опыт демонстрирует наличие более гибких и адаптивных механизмов налогообложения добывающих предприятий. Например, в Норвегии установлена специфическая плата, зависящая от размера лицензионного участка и цены на нефть, что позволяет системе самоадаптироваться к изменениям рыночных условий. В Австралии применяется налог на нефтяную ресурсную

ренту в размере 40 % от налогооблагаемой прибыли, что способствует более справедливому распределению налоговой нагрузки в зависимости от рентабельности добычи. Туркменистан предлагает модель налога на сверхприбыль, варьирующуюся от 0 до 30–50 % в зависимости от производственной эффективности, а Саудовская Аравия базирует налогообложение нефтегазового сектора на системе договоров концессии с дифференцированными ставками для различных категорий компаний [5].

Анализ зарубежных практик также указывает на использование налоговых стимулов, ориентированных на поддержку инновационной деятельности. Так, снижение налогооблагаемой базы за затраты на инновации варьируется от 10 % в Швеции до 50 % на Тайване, а в США, Канаде и Японии законодательство предусматривает возможность 100 %-ного вычитания расходов на НИОКР из облагаемой прибыли. Помимо этого, налоговый инвестиционный кредит, предоставляемый в виде инвестиционных скидок, позволяет стимулировать приток капитала в инновационные проекты, что существенно повышает конкурентоспособность добывающих предприятий на глобальном рынке [5].

В заключение следует отметить, что анализ нормативно-правовой базы и экономических показателей добывающих предприятий Российской Федерации выявил существенные проблемы в применении налоговых льгот, что приводит к необоснованной налоговой выгоде. Выявленные противоречия между положениями Налогового кодекса РФ и отраслевым законодательством, недостаточная синхронизация ключевых понятий и устаревшие методологические подходы создают условия для снижения доходной базы государства и искажения конкурентного баланса в отрасли. На основании сравнительного анализа отечественного и зарубежного опыта можно рекомендовать разработку четких критериев предоставления налоговых преференций, внедрение механизмов комплексного мониторинга и оценки воздействия изменений налогового законодательства, а также формулирование понятия «необоснованная налоговая выгода» с целью обеспечения более прозрачного и справедливого налогового регулирования в добывающем секторе.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). — URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/>
2. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 25.4 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 28.06.2022 № 234-ФЗ (последняя редакция). — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47996>
3. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/
4. Постановление Правительства РФ от 29.12.2001 № 921 (ред. от 03.02.2012) «Об утверждении Правил утверждения нормативов потерь полезных ископаемых при добыче, технологически связанных с принятой схемой и технологией разработки месторождения». — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074271&>
5. Сидорова, Л. А. Сравнительный анализ налогового стимулирования недропользования в зарубежных странах / Л. А. Сидорова // Наука и бизнес: пути развития. — 2015. — № 7 (49). — С. 71–73.

Правовой статус наружной рекламы: от закона к практике

Волкова Мария Маизеровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Отсутствие в научной юридической литературе и правоприменительной практике единого подхода к пониманию наружной рекламы существенно снижает эффективность ее правового регулирования. Настоящая статья посвящена анализу сущностных характеристик наружной рекламы, на основании которых автором конструируется собственное понятие наружной рекламы.

Ключевые слова: наружная реклама, признаки, понятие, рекламные конструкции, размещение рекламы.

В России тема наружной рекламы начала набирать обороты относительно недавно. Такое положение дел обусловлено спецификой развития отраслевого законодательства, ключевым моментом которого стало принятие в 2006 году специализированного закона, впервые закрепившего правовой статус наружной рекламы. Рекламные конструкции прочно вошли в городскую среду, существенно изменив внешний облик городских пространств. Однако, вместе с технологическим прогрессом возросли требования к конструктивным решениям и безопасности рекламных конструкций. В связи с этим, вопросы регулирования и контроля за наружной рекламой требуют постоянного совершенствования законодательной базы и механизмов ее реализации в целях обеспечения баланса между интересами бизнеса и потребностями общества.

Закон о рекламе не предоставляет четкого определения наружной рекламы, ограничиваясь лишь перечислением технических средств, предназначенных для ее стационарного территориального размещения. При этом понятие самих средств стабильного территориального размещения также остается нераскрытым. Кроме того, отсутствует нормативное регулирование, которое бы четко определяло критерии связи рекламных конструкций с конструктивными элементами зданий, сооружений и остановок общественного транспорта. Между тем, наружная реклама выходит за рамки простого маркетинга, играя важную роль в формировании городской среды, влияя на её эстетику, укрепляя идентичность и выполняя социальные задачи [6, с. 83].

Территориальная локализация выступает фундаментальным признаком наружной рекламы. Данный признак проявляется в размещении рекламной информации на открытой местности, внешних поверхностях зданий, сооружений и иных объектов городской инфраструктуры, расположенных вне помещений. Рекламная конструкция становится неотъемлемой частью архитектурного облика и функционального зонирования территории, выполняя свою главную функцию — привлечение внимания целевой аудитории к рекламируемому товару, услуге или бренду. Ее повсеместное присутствие, зачастую без должного учета контекста и эстетических норм, превращает городское пространство в поле битвы за внимание потребителя, где красота и функциональность отступают перед агрессивным маркетингом. На важность соответствия визуального ис-

полнения наружной рекламы эстетическим представлениям и социально-культурным нормам, действующим в обществе, обращает внимание Ю. М. Новикова, отмечая, что несоблюдение этих правил часто становится причиной негативного восприятия рекламы горожанами [7, с. 99].

Визуальная воспринимаемость характеризует наружную рекламу как информацию, предназначенную для зрительного восприятия, что в свою очередь предопределяет наличие особых требований к ее размеру, цветовому решению и композиции. Как отмечает М. С. Меджидова, наружная реклама зачастую воспринимается людьми как раздражающий фактор, значительно ухудшающий внешний вид как отдельных зданий, так и городской ландшафт в целом [5, с. 100].

Такое положение дел требует переосмыслиния подходов к регулированию наружной рекламы, поиска баланса между коммерческими интересами и сохранением эстетической целостности городской среды. Рекламораспространители несут полную ответственность за сохранение архитектурного облика города и предотвращение визуального загрязнения, что налагает на них обязательства по необходимости руководствоваться установленными требованиями к размерам, используемым материалам, порядку размещения и соответствуя заранее утвержденным схемам размещения.

Стационарный характер размещения отличает наружную рекламу от мобильных форм рекламного воздействия. Данный признак проявляется в фиксированном расположении рекламных конструкций на определенной территории в течение значительного периода времени. Следует отметить, что стационарность размещения наружной рекламы обуславливает необходимость получения разрешения на установку рекламной конструкции.

Из вышесказанного вытекает следующая существенная характеристика наружной рекламы — разрешительный порядок размещения, определяющий необходимость получения разрешения компетентного органа местного самоуправления на установку и эксплуатацию рекламной конструкции согласно заранее определенной процедуре. Судебной практикой выработан единообразный подход, в соответствии с которым установка любых рекламных конструкций допускается при условии получения предварительного разрешения от компетентного органа, а также при наличии заключенного гражданско-правовой до-

говор с собственником (или иным уполномоченным лицом) объекта недвижимости, к которому осуществляется присоединение конструкции [3].

Территориальная привязка к объектам недвижимости характеризует наружную рекламу, как информацию, размещаемую на зданиях, строениях, сооружениях, а также на иных объектах, обладающих прочной связью с землей. Данный признак обуславливает необходимость согласования размещения наружной рекламы с собственниками соответствующего недвижимого имущества. Территориальная привязка наружной рекламы к объектам недвижимости определяет специфику правоотношений между рекламораспространителем и собственником недвижимого имущества. Распространение наружной рекламы посредством установки и эксплуатации рекламных конструкций регулируется законом и требует заключения возмездного договора с собственником или иным законным владельцем недвижимого имущества, к которому осуществляется присоединение рекламной конструкции [1]. Следует отметить, что в доктрине вопрос правовой природы договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции остается дискуссионным. Тем не менее, в рамках данного договора в качестве существенным условием договора выделяют рекламная информация и ее технический носитель [4, с. 172].

Возмездность как признак наружной рекламы представляет собой существенную характеристику, проявляющуюся в самых различных аспектах. Экономическая сущность возмездности в контексте наружной рекламы заключается в наличии встречного предоставление за размещение рекламной информации. Возмездный характер отношений между участниками рекламного процесса отражает коммерческую природу рекламы как инструмента продвижения товаров и услуг на рынке. Договорно-правовая форма возмездности наружной рекламы реализуется через заключение договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций. Закон о рекламе устанавливает, что заключение таких договоров в случае, если предполагается использование имущества публично-правового образования, осуществляется на основе

торгов, что в очередной раз подчеркивает коммерческий характер отношений в данной сфере. Возмездность здесь также проявляется в обязанности рекламораспространителя вносить плату за право размещения рекламной конструкции на муниципальном имуществе. На это в том числе ориентируют суды, указывая, что «договор на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на участке, находящемся в государственной собственности или муниципальной собственности, является возмездным, поскольку собственнику или иному управомоченному собственником лиц (в том числе и арендатору) соответствующих земельных участков причитается плата от владельца рекламной конструкции за установку и эксплуатацию такой конструкции» [2]. Методологический аспект возмездности проявляется в определении размера паты за установку и эксплуатацию рекламных конструкций. Органы местного самоуправления утверждают методики расчета платы, учитывающие тип рекламной конструкции, ее площадь, срок размещения и иные факторы. Таким образом, дифференцированный подход к определению размера платы способствует оптимизации использования городского пространства.

Техническая опосредованность выражается в использовании специальных технических средств для размещения наружной рекламы — щитов, стендов, строительных сеток, электронных табло и других средств наружной рекламы. Техническая опосредованность наружной рекламы предполагает необходимость обеспечения безопасности рекламных конструкций, а следовательно, необходимость подчинения требованиям технических регламентов и строительных норм.

На основе рассмотренных характеристик наружной рекламы предлагается целесообразным предложить следующее ее определение: «Наружная реклама — визуальная информация, возмездное размещение которой на зданиях, строениях, сооружениях на основании договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции и действующего разрешения на установку и эксплуатацию рекламной конструкции опосредовано материальным носителем, не меняющим своего территориального расположения».

Литература:

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. 2006. № 51.
2. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2023 № 16АП-1583/2023 по делу № А20-4286/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.09.2025).
3. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2025 N 01АП-8228/2024 по делу № А43-24566/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2025).
4. Левушкин А. Н., Рахматуллин Т. Э. Договор на распространение рекламы: правовая природа и практика применения. // Московский юридический журнал. 2019. (1). С. 112–121.
5. Меджидова М. С. Наружная реклама — основа рекламного бизнеса / М. С. Меджидова, А. М. Шахаева // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 99–101
6. Никитенко Е. Ю. Наружная реклама как элемент дизайна городской среды / Е. Ю. Никитенко, Е. В. Логинова // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 116–4. С. 82–83.
7. Новикова Ю. М. Правовое регулирование наружной рекламы и ее перспективы // Вестник магистратуры. 2019. (10–5 (97)). С. 98–102.

Комплаенс в сфере кибербезопасности: обязательства бизнес-структур и правовые последствия их нарушения

Воронкова Мария Марковна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена исследованию комплаенса в сфере кибербезопасности как ключевого элемента управления рисками в условиях цифровой трансформации. Автор анализирует обязательства бизнес-структур, включая необходимость соответствия требованиям ФЗ-152 «О персональных данных» и ФЗ-187 «О безопасности КИИ», разработку внутренних политик и проведение регулярного аудита. Особое внимание уделяется организационным моделям внедрения комплаенс-контроля и их эффективности. В работе систематизированы правовые последствия нарушения установленных норм — от административных штрафов до уголовной ответственности. Делается вывод, что устойчивая система киберкомплаенса является не только юридической необходимостью, но и фактором устойчивости и конкурентоспособности бизнеса.

Ключевые слова: кибербезопасность, комплаенс, правовые риски, персональные данные, критическая информационная инфраструктура (КИИ), административная ответственность, информационная безопасность.

В XXI веке, с учетом роста процесса цифровизации, человечество сталкивается с ростом киберугроз, оказывающих серьезное влияние как на частную жизнь, так и на бизнес-среду. По мере того, как цифровая трансформация охватывает все большее число компаний, увеличиваются юридические риски и усложняется процесс интеграции новых технологий. С учетом таких условий бизнес-структурям необходима система мер и требований, соблюдение которой обеспечило бы защиту информации и данных от различных угроз и рисков; которая включала бы в себя набор стандартов, стратегий и процедур, направленных на соблюдение законодательства и нормативных актов.

В последние годы она расширилась на несколько подвидов: антикоррупционный, антимонопольный, экологический, налоговый комплаенс [1, с.7–18]. Комплаенс имеет определенную специфику, связанную с соблюдением законов и норм, касающихся защиты информации и обеспечения безопасного функционирования информационных систем [3]. Во-первых — необходимость соответствия законодательным и нормативным требованиям. Для компаний существует перечень нормативно-правовых актов: Международный стандарт ISO 27001 [6], законодательство о защите персональных данных, закон о государственной тайне, закон о безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ). Во-вторых, имеет значение специализированная подготовка сотрудников, включающая тренинги по кибербезопасности, что поможет повысить уровень осведомленности о потенциальных угрозах — фишинге и социальной инженерии. И наконец, важным аспектом можно считать аудит и мониторинг. Они позволяют обеспечить соблюдение норм и выявить недостатки в системе безопасности.

Защита инфраструктуры компании не является компетенцией комплаенса, так как специалисты по ИБ-комплаенсу создают НПА, регулирующие процессы предотвращения утечки информации [2]. Однако непосредственной защитой данных от киберугроз занимаются аналитики и пентестеры [4]. Комплаенс не сразу внедряется в бизнес-

структуры, так как существует алгоритм его адаптации к бизнес-механизмам.

Лавренко Е. А. выделяет 6 этапов: “создание отдела комплаенс-группы, подчинение функций директору, открытый доступ ко всем информационным данным, распределение функций комплаенса в группе по направлениям деятельности, взаимодействие группы комplaенса с руководством, минимизация рисков группы комплаенса”. Согласно SWOT-анализу, все эти этапы способствуют созданию имиджа компании, повышая уровень корпоративной культуры, рентабельность и финансовую устойчивость.

Рассматривая обязательства бизнес-структур в сфере кибербезопасности, стоит начать с рассмотрения их типов в контексте кибербезопасности.

Линейная структура: тривиальная и притом классическая, содержит четкую иерархию принятия решений сверху вниз. Говоря о кибербезопасности, данную систему отличают четкость, последовательность в принятии решений, ясность в распределении и делегировании полномочий.

В функциональной системе структура представляет собой блоки: маркетинг, финансовый менеджмент, т. е. происходит распределение направлений исходя из функций. Для кибербезопасности хороша тем, что узко-направленная специализация повысит качество работ и уровень информационной безопасности; плюсом является отсутствие копирования работ и повышенная ответственность за определенный блок работ.

Матричную модель отличает сложное комбинированное устройство, при котором сотрудники подчиняются нескольким руководителям разных уровней. Ее благотворность в том, что поддержание будет возложено на опытного руководителя, обладающего высокой профессиональной компетенцией. Для кибербезопасности хороша скорость координации действий и согласование управлеченческих решений.

Каждая компания обязана: создать систему обработки, записи и хранения персональных данных в соответствии со всеми необходимыми требованиями законодательства,

обеспечить и поддержать проведение стратегии, регулирующей обработку персональных данных, систематизировать всю документацию, включающую обработку, запись и хранение персональных данных в соответствии с законом № 152-ФЗ "О персональных данных" [7]. Штрафы за нарушения при обработке персональных данных предусмотрены ст. 13.11 КоАП: "на юридических лиц — от шестидесяти тысяч до ста тысяч рублей" [8]. Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных. Данный вопрос регулируется ФЗ № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [9]. Согласно данному НПА требования по обеспечению КИИ включают:

- 1) планирование, разработку, совершенствование и осуществление внедрения мероприятий по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры;
- 2) принятие организационных и технических мер для обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры;
- 3) установление параметров и характеристики программных и программно-аппаратных средств, применяемых для обеспечения безопасности значимых объектов КИИ".

Что касается ответственности, то в ст.14 ФЗ указано, что нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством РФ. Помимо этого, к компаниям предъявляются требования к разработке и внедрению политик кибербезопасности:

1. Компания должна дать оценку своей инфраструктуру на предмет уязвимости и принять необходимые меры.
2. Необходимо создание методических материалов и инструкций, устанавливающих регламент работы с информацией.

Литература:

1. Бросалина А. А.: Комплаенс как инструмент управления правовыми рисками// Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т.6. № 1. С.7–18.
2. К. Д. Плохута Управление рисками информационной безопасности и комплаенс // Компетентность. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-informatsionnoy-bezopasnosti-i-komplaens> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Комплаенс в информационной безопасности: что это такое [Электронный ресурс] // SkillFactory. — URL: <https://blog.skillfactory.ru/komplaens-v-informatsionnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 03.12.2024).
4. Лопатова Н. Кибербезопасность как фактор роста бизнеса // Наука и инновации. 2021. № 3. С 38–41.
5. Сибагатуллина, Р. Э. Построение системы комплаенс-контроля в области персональных данных и конфиденциальной информации на примере ИТ-компании / Р. Э. Сибагатуллина // Вестник евразийской науки. — 2023 — Т. 15 — № 1 — URL: <https://esj.today/PDF/44ECVN123.pdf>
6. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001–2022 Информационная безопасность, кибербезопасность и защита приватности. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования. — Введ. 2023–03–01. — М.: Стандартинформ, 2022. — 25 с.
7. О персональных данных [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // КонсультантПлюс: справоч. правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 05.12.2024).
8. КоАП РФ Статья 13.11. Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных. — Электронные данные — Режим доступа: «КонсультантПлюс» — законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты

3. Важно внедрить инструменты защиты данных, которые компания еще не использовала и ознакомить весь штат сотрудников с правовой базой и новоутверждеными положениями. При внедрении и разработке политики кибербезопасности важен постоянный аудит, т. к. он позволит соответствовать необходимым стандартам и нормативам, выявить все недостатки и уязвимости, снизить риски и помочь компании быстро адаптироваться к изменениям. В последнее время приобретают популярность такие средства для мониторинга и аудита, как DLP-системы и Solar Dozor [5]. Они формируют документарные архивы, компилируют досье сотрудников, блокируют передачу вредоносной информации и осуществляют мониторинг конфиденциальной информации. Ответственность за нарушение требований предусмотрена ст.17 ФЗ от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10], согласно которому нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность.

В заключение, можно утверждать, что комплаенс в сфере кибербезопасности является не просто набором формальных требований, но и одним из важнейших элементов устойчивости и успешного функционирования бизнес-структур в современном мире, где царят процессы цифровизации. Нарушение комплаенса влечет за собой серьезные правовые и финансовые последствия, которые могут нанести непоправимый ущерб компании. Поэтому бизнес-структурям необходимо заблаговременно разрабатывать и внедрять эффективные системы защиты информации, способные обеспечивать как выполнение обязательств, так и устойчивость в условиях возрастающей киберугрозы.

9. Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» — Электронные ресурсы — Режим доступа: «КонсультантПлюс» — законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // КонсультантПлюс: справоч. правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.12.2024).

Мошенничество с применением информационных технологий: уголовно-правовая оценка

Галашина Елизавета Андреевна, студент

Научный руководитель: Титов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Данная статья посвящена анализу использования информационных технологий при совершении преступлений против собственности. В работе рассматриваются современные методы и средства, применяемые злоумышленниками, а также их влияние на характер и последствия преступных деяний. Исследование основано на анализе судебной практики и нормативно-правовых актов, что позволяет определить актуальные направления борьбы с преступностью в цифровую эпоху.

Ключевые слова: способы совершения, средства, преступление, мошенничество, информационные технологии, фишинг, сеть Интернет, денежные средства.

В настоящей работе мы рассматриваем распространенные способы совершения мошенничества с применением информационных технологий, описываем основные факторы распространения данного преступления в сети Интернет и предлагаем возможные варианты решения данной проблемы.

По данным МВД России в 2023 году в Российской Федерации было зарегистрировано 27 935 преступлений, совершенных в сфере мошенничества (ст.159–159³, 159⁵–159⁶ УК РФ) [1]. В 2024 году аналогичных преступлений зарегистрировано на 6 % больше [2].

Глава Следственного Комитета А. И. Бастрыкин сделал вывод о том, что киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для общества. Киберпространство используется для вовлечения молодежи в различные радикальные течения, нанесения вреда детям. Прослеживается тенденция циничного отношения кибермошенников к старшему поколению, использования доверчивости пожилых людей для хищения их средств [3]. Также глава СК РФ предложил расценивать использование искусственного интеллекта при киберпреступлении как отягчающее обстоятельство по статье 63 УК РФ [4].

На заседании коллегии Министерства внутренних дел, посвященном ИТ-преступности, где В. А. Колокольцев указал, что в 2024 году жертвами преступлений с использованием информационных технологий стали более 40 тысяч граждан пожилого возраста. Существенным является размер причиненного ущерба. Суммарно за 2023 г. и четыре месяца 2024 г. он превысил 210 миллиардов рублей [5].

На данный момент большую часть преступлений, совершенных с использованием информационно-телеинформуникационных технологий, составляют мошенничество и кражи с банковских карт. Мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Особенностью мошенничества, которая отличает его от иных преступлений, является факт того, что собственник (либо другой владелец имущества), будучи введенным в заблуждение, по собственной воле передает преступнику имущество или право на имущество, предполагая, что у мошенника на то были законные основания. Наибольшая часть таких преступлений совершилась под предлогом отмены операции по списанию денежных средств с банковской карты или защиты банковского счёта; покупки или продажи имущества по объявлениям, размещённых в сети Интернет на различных сайтах; освобождения родственников от ответственности; оказание различных услуг и так далее.

Практически любое мошенничество, так или иначе, подразумевает незаконное владение чужими денежными средствами. Среди наиболее распространённых средств совершения мошенничества выделяют сообщения и звонки, а также использование мошенниками поддельных интернет-сайтов для заполнения конфиденциальной информации или вывода денежных средств. Распространёнными схемами мошенничества с применением информационно-телеинформуникационных технологий являются:

1. Сообщения и звонки на телефон и в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber).

Данный способ заключается в том, что сообщения поступают якобы от сотрудников отдела безопасности банка, с предупреждением потерпевших о попытке хищения денежных средств с банковского счета. Мошенники при этом настойчиво и агрессивно, не давая человеку подумать или проконсультироваться с банковскими работниками, убеждают потерпевшего перевести денежные средства на «безопасный» счет. После осуществления перевода потерпевший лишается доступа к своим деньгам.

Также распространёнными являются случаи, при которых злоумышленники звонят гражданам, представляясь сотрудниками правоохранительных органов или потерпевшими от ДТП, виновником которого является их близкий или родной человек. Они убеждают жертву передать некую сумму денег для компенсации ущерба, чтобы их родственник мог избежать уголовной ответственности. Примером может служить дело Петроградского районного суда от 2024 года: подсудимый осуществил звонок на абонентский номер, обманув потерпевшую преклонного возраста, представился сотрудником полиции и сообщил заведомо ложные сведения о том, что подруга потерпевшей — «Ольга», является виновником дорожно-транспортного происшествия с пострадавшим, что за освобождение подруги от уголовной ответственности необходимо заплатить денежные средства в сумме 900 000 рублей, которые необходимо передать курьеру. Потерпевшая, которая в силу преклонного возраста не смогла адекватно и реально оценить создавшуюся обстановку, поверила в правдивость информации и, желая помочь по-друге, согласилась передать имеющиеся у нее в наличии денежные средства в сумме 200 000 рублей. [6].

2. Использование личного кабинета «Госуслуги».

Схема мошенничества заключается в следующем: звонящий, выдавая себя за представителя «Госуслуг» или МФЦ, информирует гражданина о якобы имеющейся угрозе взлома его личного кабинета. Под давлением и в условиях дефицита времени, мошенник предлагает срочно сменить учетные данные, для чего жертве необходимо сообщить коды из СМС. После получения этих кодов, злоумышленник получает доступ к личному кабинету, запрашивает у владельца конфиденциальную информацию: паспортные данные и справка о доходах (2-НДФЛ). Далее он использует ее для оформления онлайн-кредитов на подконтрольные ему банковские карты.

3. Фишинг.

Главная цель фишинга состоит в получении конфиденциальных данных пользователей — логинов и паролей. Мошенники создают поддельные сайты, такие как: интернет-магазины, торговые площадки, сайты объявлений и так далее. Вводя на сайте данные банковских карт, номеров телефона, злоумышленники на основе собранных данных получают возможность создать дубликат банковской карты или оплатить товары в реальных интернет-магазинах на денежные средства потерпевшего. А полу-

ченные аутентификационные данные (логин и пароль) вполне могут подойти для доступа к другим интернет-сервисам и интернет-банкингу.

Примером из судебной практики может служить дело Вахитовского районного суда от 2020 года. Злоумышленник, имея умысел на мошенничество в сфере компьютерной информации, вступил в преступную группу, созданную неустановленными лицами, осуществляющие хищение денежных средств путем обмана, выражавшегося в мнимой продаже авиабилетов с целью личного обогащения. [7].

Мошенничество в сфере информационных технологий обусловлено следующими факторами:

1. Анонимность. Информационные технологии позволяют мошенникам скрыть свою личность и местоположение, что усложняет работу правоохранительных органов и затрудняет поимку преступников.

2. Массовость. Современные технологии предоставляют мошенникам хорошую возможность охватить огромное количество потенциальных жертв по всему миру, используя электронную почту, социальные сети, Интернет — рассылки и другие цифровые платформы.

3. Разнообразие средств и методов совершения преступления. Злоумышленники прибегают к широкому спектру уловок и схем, включая фишинг, кражу личных данных, махинации с кредитными картами, поддельными онлайн-магазинами и многое другое.

Информационные технологии оказывают огромное влияние на современный мир. Помимо несомненной пользы, они также несут в себе угрозу, которая может выражаться как в моральной, так и материальной составляющей. Данную проблему можно решить, если будут применены эффективные средства борьбы с мошенничеством с применением информационных технологий на муниципальном и международном уровнях. На муниципальном уровне решением данной проблемы является включение в ст.63 УК РФ в перечень отягчающих обстоятельств факта совершения преступления с использованием информационных технологий. При этом, как и в случае с опьянением, суд должен иметь свободу усмотрения в учете этого обстоятельства при назначении наказания. Это означает, что суд, анализируя конкретные обстоятельства дела, должен будет установить, действительно ли применение информационных технологий повысило общественную опасность деяния, привело к более тяжким последствиям или могло их вызвать. Такой подход обеспечит избирательное усиление уголовной репрессии, применяя ее лишь тогда, когда это действительно оправдано.

Также Международное взаимодействие в сфере борьбы с преступностью требует кардинального обновления тактических подходов, чтобы обеспечить быструю реакцию на глобальные вызовы. Очевидно, что преодоление тенденции к повсеместной криминализации интернета возможно только двумя способами: либо через скординированные действия всего мирового сообщества по контролю за преступностью в сети, либо путем отклю-

чения глобального интернета и разделения его на национальные сегменты для более эффективного противодействия преступности в рамках юрисдикции каждой страны. Создание международных рабочих групп и форумов для

обсуждения и разработки стандартов борьбы с кибермошенничеством позволит облегчить работу правоохранительных органов во всех странах и сократит количество преступлений в сфере мошенничества.

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Интернет сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (дата обращения 25.07.2025).
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // Интернет сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (дата обращения 25.04.2025).
3. Совещание Председателя СК России Александра Бастрыкина по вопросам противодействия киберпреступности и применения цифровых технологий при расследовании преступлений // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1752199/> (дата обращения 28.07.2025).
4. Совещание Президента России Владимира Путина с членами Правительства // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/195959> (дата обращения 29.07.2025).
5. Заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию ИТ-преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vladimir-kolokoltsev-provel-zasedanie-kollegii-mvd-rossii-posvyashchennoe-protivodeystviyu-it-prestu/> (дата обращения 28.07.2025).
6. Приговор № 1–364/2024 от 22 декабря 2024 г. по делу № 1–364/2024 Петроградского районного суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Iu7PwYo3Kd5g/> (дата обращения 29.07.2025).
7. Постановление № 1–413/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1–413/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ftR7s3xLHjHQ/> (дата обращения 29.07.2025)

Актуальные проблемы допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства

Герасимова Анна Александровна, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Охрана прав и свобод человека и гражданина является неотъемлемой частью любого государства, поддерживается международными правовыми актами, Конституцией, нормативными правовыми актами государства и иными официальными документами. Некоторые категории граждан нуждаются в особой и дополнительной охране своих прав со стороны государства. В первую очередь, к такой категории относятся несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства. В статье анализируются особенности проведения допроса этих участников, приводятся проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, допрос несовершеннолетнего, педагог, психолог, защитник, особенности уголовно-правового статуса несовершеннолетнего.

Допрос представляет собой такое следственное действие, которое характеризуется получением прямой информации от лиц, которые обладают определенной информацией о деле, которая может повлиять на итоги расследования. Это одна из наиболее часто используемых процедур в ходе разбирательства, применяемая независимо от характера преступления.

Определенно, допрос несовершеннолетних объединяет специфические подходы, обусловленные возрастными характеристиками и отражает особенности, прямо связанные с процедурными нормами. Общие правила проведения допроса закреплены в ст. 425 УПК РФ [1] и состоят в следующем:

– в процедуре допроса присутствие защитника обязательно, он может адресовать вопросы допрашиваемому, а после завершения процесса ознакомляется с протоколом допроса, внося свои замечания касательно точности и полноты зафиксированной информации;

– следователь или дознаватель, согласно законодательству, должен гарантировать присутствие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего, независимо от того, выступил ли с таким запросом защитник подозреваемого или принято решение инициировать это самостоятельно. Такое требование особенно актуально в случаях, когда объекты процессуального действия не достигли 16-летнего возраста или испытывают психи-

ческие нарушения, либо имеют задержки в психическом развитии. Осуществление соблюдения данной процедуры лежит на ответственности не только следователя или до-знатавателя, но и на суде, который также обязан обеспечить участие специалиста из области педагогики или психологии в таких случаях;

– допрос несовершеннолетних должен проводиться с учетом их возрастных категорий: до семи лет — не более 30 минут без перерыва и не свыше одного часа за день; от семи до четырнадцати лет — не более одного часа подряд и не свыше двух часов в день; старше четырнадцати лет — не более двух часов подряд и не свыше четырех часов за день. Также учитываются индивидуальные особенности подростка, включая эмоциональное состояние, что может оказаться на времени проведения допроса. На наш взгляд, такой подход обеспечивает необходимую защиту и учет личных качеств каждого ребенка, что важно для получения объективной информации. Решение о длительности допроса лучше принимать, исходя из предварительной оценки психолога, который должен взаимодействовать с подростком перед началом допроса;

– при осуществлении допроса несовершеннолетнего, выступающего в роли потерпевшего или свидетеля, его законный представитель имеет право на присутствие.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации акцентируют внимание на необходимости присутствия защитника в процессуальных действиях с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Это относится к стадии предварительного следствия и действует, начиная с момента задержания или обвинения. Кроме того, наличие адвоката обязательно на всех этапах судебного процесса, вне зависимости от того, достиг ли подозреваемый возраста 18 лет к началу слушаний. Правовые нормы применяются в случаях, когда обвиняемый совершил хотя бы одно преступление до наступления совершеннолетия, даже если другие преступления были совершены им после наступления 18-летия.

Стоит подчеркнуть, что осуществление права на защиту согласно ст. 16 ч. 1 УПК РФ позволяет не только адвокату, но и родственникам или другим законным представителям участвовать в делах несовершеннолетних (см. ст. 48, ч. 1 ст. 426 УПК РФ). Эти лица могут присоединиться к процессу начиная с первого допроса подозреваемого или обвиняемого младше 18 лет. Отсутствие защитника в процессе по делам несовершеннолетних на стадии предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства, как указано в п. 4 ч. 2 ст. 381 УПК РФ, рассматривается как грубое нарушение процедуры, что может привести к аннулированию вынесенного решения [2].

Часто в юридической практике возникают сложности, связанные с правом участия законного представителя несовершеннолетнего в процессе допроса, где несовершеннолетний выступает в роли подозреваемого или обвиняемого. Проблемы могут касаться, например, участия того же представителя несовершеннолетнего в разных ролях

в одном уголовном процессе. В таком контексте апелляционное определение Верховного Суда Республики Хакасия [4] аннулировало вердикт суда первой инстанции, и уголовное дело в отношении несовершеннолетнего было передано обратно прокурору для устранения нарушений, которые мешали его рассмотрению. На стадии апелляции было установлено, что показания несовершеннолетнего, полученные в процессе допроса, являются недействительными ввиду того, что законный представитель, участвовавший в процессе, ранее был свидетелем по тому же делу, что противоречит уголовно-процессуальному законодательству.

Авторы верно подчеркивают, что адвокат в роли защитника не должен ограничиваться ролью пассивного зрителя во время допроса несовершеннолетнего [12, с. 89]. Обладая правом участия в следственных мероприятиях, юрист вправе не только присутствовать на допросе, но и проявлять инициативу в процессе сбора и закрепления важных для защиты фактов и доказательств.

Он обладает возможностью реализации всех процессуальных прав, предоставляемых законодательством. Имеет право предоставлять ходатайства, осуществлять запросы на отвод и подавать обращения, а также высказывать предложения по поводу законности и допустимости проведенных следственных мероприятий. Он вправе задавать вопросы и координировать стратегию и линию защиты со своим защитником. Ему также предоставляется право на конфиденциальные встречи с адвокатом, что он может использовать по своему усмотрению.

Необходимо рассмотреть положения, касающиеся права адвоката задавать вопросы несовершеннолетнему обвиняемому во время допроса. По общему правилу, установленному ч. 2 ст. 53 УПК РФ, защитник может задавать вопросы только с разрешения следователя. Однако ч. 2 ст. 425 УПК РФ, дополняющая эту норму, не содержит аналогичного условия. Это дает основание некоторым юристам утверждать, что следователь не вправе запретить адвокату задавать вопросы подопечному, поскольку ограничение этого права лишало бы защиту реальной эффективности, ведь без возможности общения с несовершеннолетним обвиняемым участие защитника в допросе становилось бы формальным. Этот аспект подчеркивает особую важность активного участия защитника в процессах, затрагивающих несовершеннолетних, и подчеркивает необходимость их дополнительной защиты в ходе уголовного процесса [10, с. 150].

Думается, с таким мнением нельзя согласиться в полной мере. Согласно ч. 2 ст. 420 УПК РФ производство по делам несовершеннолетних осуществляется в общем порядке с изъятиями, предусмотренными гл. 50 УПК РФ, что не влечет недопустимость применения к допросу несовершеннолетнего обвиняемого общих правил участия защитника в следственных действиях, установленных ч. 2 ст. 53 УПК РФ. Особенности допроса несовершеннолетнего заключаются не в возможности защитника задавать вопросы без разрешения следователя — это бы противоречило основным

принципам уголовного судопроизводства, а в обязательном присутствии адвоката в ходе этой процедуры. Очевидно, что поправка в гл. 50 направлена на уточнение этого правила. Защита должна следовать процедуре, утвержденной законом, и выполнять указания следователя, без права самостоятельно инициировать вопросы в ходе допроса.

Привлечение педагога или психолога в процесс допроса несовершеннолетних обвиняемых приобретает ключевое значение для справедливости процесса. Важно подчеркнуть, что одного бездействия следователя недостаточно для полноценного участия специалиста. Эффективное вовлечение педагога или психолога требует от следователя или дознавателя активной работы в ходе всего следственного мероприятия. Обеспечивая присутствие педагога или психолога на допросе, следователь или дознаватель должен стараться, чтобы специалист мог полноценно реализовать свои права и обязанности, закрепленные в уголовно-процессуальном кодексе, для защиты прав и интересов подростка [11, с. 155].

Обратим внимание на проблематику, возникающую из-за неуточненности процессуального статуса педагогов и психологов в УПК РФ. Исходя из анализа нормативных актов, оба эти специалиста не признаются как участники уголовного процесса, в отличие от переводчика, который, хотя и является нейтральной фигурой, формально включен в список участников судопроизводства. Это рождает правовой дискурс о целесообразности включения в соответствующие разделы УПК РФ положений, регулирующих участие педагогов и психологов в процессе.

В отношении этого вопроса до сих пор не сформировалась общая точка зрения. В течение последних лет в научной и правоохранительной средах регулярно возникают споры. Некоторые эксперты утверждают, что необходимо укрепить правовое положение этих лиц, прививая их к статусу переводчика или специалиста. В то же время другие считают, что включение педагогов и психологов в категорию «иных участников» процесса нецелесообразно и может нарушить устоявшуюся судебную практику. Так, например, М. А. Шувалова, являясь сторонником включения норм о процессуальном положении педагога, психолога в УПК РФ, и предлагает «дополнить главу 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» статьями, которые бы устанавливали процессуальное положение педагога и психолога, так как их участие в процессе имеет высокую значимость для несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого» [14, с. 199].

Заметно выделяется вклад Л. В. Виницкого, известного в правовой сфере, который занимался анализом использования психологических знаний в процессе предварительного следствия. В его работах уделено внимание роли психолога и педагога в контексте уголовного процесса. Автор освещает недостатки законодательства, касающиеся регулирования статуса данных специалистов. Согласно Виницкому, признание и законодательное урегулирование их роли крайне важно для защиты прав несовершенно-

летних, поддержания их эмоционального благополучия во время уголовного процесса [7, с. 184]. Он подчеркивает, что обвинение в преступлении не должно приводить к ухудшению отношения к подростку, подчеркивая необходимость соблюдения уважения к его личности.

Интересна позиция Конституционного суда по данному вопросу. В Определении от 14.12.2023 № 3296-О Конституционный суд охарактеризовал положение педагога или психолога в уголовном процессе «процессуальной нейтральностью», аргументируя тем, что он не выступает на стороне обвинения или защиты [3].

В рамках рассмотрения уголовного дела № 1-107/2023 по обвинению несовершеннолетнего Н., указывается, что во время допроса присутствовали законный представитель и защитник, однако отсутствовал педагог или психолог. Суд первой инстанции обратил внимание на этот пропуск, поскольку Н., достигший 17 лет и страдающий от психического расстройства по результатам медицинской экспертизы, требует согласно законодательству присутствия специалиста в области психологии или педагогики во время допроса [6]. В связи с нарушением процессуальных норм дело было отправлено обратно прокурору. Однако, апелляционный суд принял иное решение, указав в Решении № 22-757/2023 от 29.08.2023, что выбор необходимости присутствия психолога или педагога ложится на усмотрение следователя [5]. Так, факт их отсутствия не повлиял на законность допроса, и дело было отправлено на пересмотр в первую инстанцию.

На деле, такая роль педагога или психолога сопряжена с проблемами защищенности несовершеннолетних из-за низкой активности специалистов. Педагоги и психологи, привлекаемые к делу, часто не проявляют заинтересованности, ограничиваясь пассивной ролью и минимальным участием, оформленным лишь записью в документации. Как указывают в своем исследовании И. А. Фомина и Е. В. Горбачева: «законодательное закрепление и четкое определение правового статуса и характера участия психолога и педагога при допросе, акцентирование внимания на целях и задачах их участия — всем этим должен руководствоваться следователь при привлечении специалистов к участию в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних» [13, с. 99].

Учитывая вышеизложенное, предлагается закрепить положение психолога в уголовном процессе. Для начала следует внести изменения в ст. 5 УПК РФ, путем дополнения п.63 следующего содержания: «Психолог — лицо, имеющее высшее психологическое образование, а также подготовку по психологическому консультированию несовершеннолетних, совершивших преступления». В данном случае указание на компетенцию и квалификацию психолога имеет большое практическое значение [8, с. 98].

Подводя итог вышеизложенному можно сделать вывод, что допрос несовершеннолетнего лица имеет ряд особенностей, вызванных непосредственно возрастом допрашиваемого и относящихся в первую очередь к процессуальному праву.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ// С3 РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 фев. 2000 г. № 7 // Собрание законодательства. 2000. — № 9. — Ст. 2344.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 14 дек. 2023 г. № 3296-О. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutzionnogo-suda-rf-ot-14122023-n-3296-o/?ysclid=mgflufmmlc3345261> (дата обращения: 30 сент. 2025).
4. Апелляционное определение № 22-337/2015 22337АП/2015 от 8 апр. 2015 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия. — URL: [https://sudact.ru/regular/doc/4jomPHrlGI6J/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-la wchunkinfo="](https://sudact.ru/regular/doc/4jomPHrlGI6J/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-la wchunkinfo=) (дата обращения: 30 сент. 2025).
5. Апелляционное постановление Костромского областного суда № 22 757/2023 от 29 авг. 2023 г. — URL: <https://oblsud-kst.sudrf.ru/> (дата обращения: 30 сент. 2025).
6. Постановление Дмитровского районного суда города Костромы № 1 107/2023 от 7 июля 2023 года. — URL: <https://dimitrovsky-kst.sudrf.ru/> (дата обращения: 30 сент. 2025).
7. Виницкий Л. В. Участие психолога в стадии предварительного расследования. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 267 с.
8. Виноградова О. П., Томилова Е. В. Особенности информационного обеспечения подготовительного этапа организации допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. — Москва, 2023. — С. 98–104.
9. Егерев И. М. Типичные нарушения при производстве допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Проблемы современного российского законодательства, Иркутск, 18 октября 2012 года / Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. Том Часть 1. — Иркутск, 2012. — С. 247–250.
10. Еникеев, З. Д., Еникеев Р. З. Участие адвоката-защитника в доказывании по делам о преступлениях несовершеннолетних: социально-этические и процессуально-криминалистические проблемы: монография. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — 251 с.
11. Рыжаков А. П. Задержание, меры пресечения и допрос несовершеннолетнего подозреваемого. — М.: Экзамен, 2007. — 254 с.
12. Тетюев С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого. — М.: Юрдитинформ, 2006. — 170 с.
13. Фомина И. А., Горбачева Е. В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 3(82). — С. 94–99.
14. Шувалова М. А. Педагог и психолог как две независимые процессуальные фигуры уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 3 (83). — С.118–123.

Проблемные аспекты договоров мены и купли-продажи жилых помещений в Российской Федерации

Герасимова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Колодуб Григорий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена комплексному анализу проблемных аспектов договоров мены и купли-продажи жилых помещений в Российской Федерации. В работе рассматриваются вопросы правовой природы и сущности указанных договоров, проводится их сравнительный анализ. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации проблем, возникающих на всех стадиях сделок — от заключения до государственной регистрации. Автор анализирует возникающие при заключении сделок сложности, связанные с определением равноценности обмена, правовыми рисками, вызванными наличием обременений. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию гражданского и жилищного права. Обосновывается необходимость расширения базы данных специализированных информационных ресурсов для обеспечения прозрачности сделок и снижения рисков для их участников.

Ключевые слова: договор мены, договор купли-продажи, жилое помещение, правовые риски, неравноценность обмена, обременение.

В результате перехода к рыночным отношениям в Российской Федерации особое место стали занимать вопросы, касающиеся жилищной сферы и путей ее реформирования [1, с. 3]. Конституционное право граждан на жилище — одно из основных прав человека, при реализации которого часто заключаются сделки купли-продажи и мены жилых помещений. Их роль в гражданско-правовом обороте все возрастает. Этим объясняется актуальность исследования особенностей правового регулирования отношений по отчуждению имущества в собственность, а также защиты интересов участников сделок с недвижимостью.

Правовая природа названных договоров является консенсуальной, возмездной и двусторонне обязывающей. Договоры считаются заключенными с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям. Предметом сделок являются жилые помещения, под которыми понимаются изолированные помещения, относящиеся к недвижимому имуществу, пригодные для постоянного проживания, отвечающие установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (ст. 15 Жилищного Кодекса РФ (далее — ЖК РФ) [2]. К жилым помещениям относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры и комната (ст. 16 ЖК РФ, ст. 558 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3].

Основной целью сделок купли-продажи жилых помещений является передача продавцом в собственность покупателю индивидуально-определенного жилого помещения за денежное вознаграждение. Договор мены жилья подразумевает передачу каждой из сторон в собственность второй стороны одного жилого помещения в обмен на другое, каждая из сторон выступает одновременно и продавцом, и покупателем. Сохраняя вещно-правовую направленность на передачу права собственности, указанный договор в то же время содержит обязательственно-правовой элемент встречного исполнения, что определяет его двойственную природу. Договор мены изначально предполагает безденежный (товарный) обмен, однако, если обмениваемые жилые помещения признаются неравноценными, то договором может быть предусмотрена денежная доплата, компенсирующая разницу в стоимости помещений (п. 2 ст. 568 ГК РФ). В этом случае договор мены приобретает смешанный характер, сочетая в себе элементы мены и купли-продажи.

В соответствии со статьей 567 ГК РФ, к договору мены применяются правила о купле-продаже, если иное не вытекает из существа мены.

Договоры мены и купли-продажи жилых помещений сходны в следующем: заключаются в письменной форме; требуют обязательного указания предмета и перечня лиц, сохраняющих право пользования жильем; переход права

собственности по договорам подлежит государственной регистрации; применяются общие положения об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, включая ответственность за передачу некачественного жилья или сокрытие его недостатков. Наличие перечисленных похожих признаков объясняется субсидиарным применением к мене норм о купле-продаже.

С учетом единой направленности на опосредование отношений по возмездному отчуждению имущества в собственность и договор мены, и договор купли-продажи жилых помещений имеют общие правовые проблемы. Они встречаются как на этапе заключения, так и в процессе исполнения договора, обусловлены спецификой его правовой природы и предмета в виде дорогостоящего недвижимого имущества. При заключении сделок с жилыми помещениями возникают разного рода риски. В этой связи многие из них (сделки) оспариваются в судах.

Так, на практике часто встречаются случаи приобретения в собственность жилья ненадлежащего качества. Далеко не всегда покупатель, не имеющий специальных познаний в области строительства, без привлечения соответствующего специалиста, при визуальном осмотре приобретаемого жилого помещения может правильно оценить его техническое состояние и выявить имеющиеся скрытые недостатки, которые, как правило, обнаруживаются лишь после регистрации права собственности, в процессе эксплуатации. Это порождает судебные иски об устраниении недостатков, уменьшении стоимости покупки и признании договоров недействительными (незаключенными).

Например, Венгеровским районным судом Новосибирской области рассматривалось гражданское дело по иску о расторжении договора купли-продажи жилого дома и земельного участка, взыскании денежных средств. Истец приводил доводы о том, что до заключения договора купли-продажи при осмотре состояния продаваемого жилого дома видимых технических недостатков обнаружено не было. Впоследствии при тщательном осмотре дома выявлены скрытые недостатки: гнилые полы под ламинатом, стены с плесенью под обоями и другие дефекты. Проведенная по назначению суда строительно-техническая экспертиза пришла к выводу о непригодности жилого дома для проживания. Установлено, что обнаруженные в нем недостатки появились в результате допущенных строителями нарушений технологии работ, эти недостатки являются существенными и не могут быть устранены без несоразмерных расходов. С учетом невозможности эксплуатации жилого дома без угрозы жизни и здоровью, а также предоставленного частью 2 статьи 475 ГК РФ права покупателя, в случае обнаружения недостатков, отказать от исполнения договора купли-продажи и по-

требовать возврата уплаченной суммы, суд удовлетворил исковые требования в полном объеме [4].

Железнодорожным районным судом г. Рязани рассмотрен иск о признании договора мены недействительным. Установлено, что между истцом и ответчиком заключен договор мены, в соответствии с которым первый передал в собственность последнему благоустроенную квартиру, а взамен получил в собственность земельный участок и часть (долю) одноэтажного дома, расположенного на этом участке. Заключая сделку, истец полагал, что жилье имеет все необходимые удобства и коммуникации, в том числе центральную канализацию. Лишь после произведенного обмена и вселения в жилое помещение им в непосредственной близости от дома обнаружена выгребная яма, в которую производился слив канализации. В силу своего возраста и отсутствия достаточного уровня технических знаний истец не имел возможности выявить данный факт до подписания договора мены. Вместе с тем, наличие центральной канализации является важным условием, поскольку при ее отсутствии и организации стока воды в выгребную яму, помимо неприятного запаха, имеются неудобства, связанные с ограничением потребления воды (яма может переполняться), а также необходимостью периодического откачивания скопившихся нечистот с привлечением специальной ассенизаторской техники. По результатам рассмотрения исковые требования удовлетворены, договор мены признан недействительным [5].

Тем самым суды подтвердили приоритет принципа добросовестности участников гражданского оборота при разрешении споров о качественном жилье.

Кроме того, договоры мены и купли-продажи жилых помещений несут в себе значительные правовые риски, связанные с частыми фактами умалчивания продавцов об обременении права собственности третьими лицами. Ими могут быть, например, члены семьи собственника (ст. 292 ГК РФ); наниматель по договору коммерческого найма и постоянно с ним проживающие граждане (статьи 675–677 ГК РФ) и другие. Вышеизложенное указывает на незащищенность покупателя жилого помещения от третьих лиц, сохраняющих в соответствии с законом право пользования жилым помещением после смены собственника, а также самих третьих лиц.

В качестве примера можно привести решение Кировского районного суда г. Перми по иску о выселении и признании третьих лиц — утратившими право пользования жилым помещением. Истец указала, что на основании договора купли-продажи является собственником спорной квартиры, в которой незаконно проживают ответчики, не являющиеся членами ее семьи. Доводы о том, что ответчики занимают жилое помещение при отсутствии на то законных оснований, суд счел несостоятельными, поскольку в судебном заседании установлено, что семья ответчиков занимает спорное жилое помещение на условиях коммерческого найма. Сославшись на требования статьи 675 ГК РФ, суд пришел к выводу, что приобретение

истцом по договору купли-продажи спорного объекта недвижимости, в котором зарегистрированы и проживают ответчики, не влечет для них изменения прав и обязанностей в отношении занимаемого жилого помещения, а новый собственник, то есть истец, получает все права и обязанности по договору найма на ранее оговоренных условиях. В результате суд отказал в удовлетворении исковых требований [6].

Таким образом, лицо, приобретающее в собственность жилое помещение, должно удостовериться в отсутствии прав третьих лиц, обременяющих объект, то есть сохраняющих за собой право пользования жильем. В то же время, право пользования по договору найма жилого помещения, заключенному менее чем на один год, не подлежит государственной регистрации, а значит, такие сведения нельзя получить из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) [7, с. 131]. Также не подлежит государственной регистрации право, возникшее в связи с заключением договора безвозмездного пользования.

В качестве одного из специфических проблемных аспектов заключения договора мены можно назвать сложность определения равноценности обмениваемых помещений. Несмотря на то, что статья 568 ГК РФ устанавливает презумпцию равноценности встречного представления, на практике рыночная стоимость жилых помещений совпадает редко. Трудность заключается в том, что оценка жилья — это многофакторный процесс, зависящий от его местоположения, площади, состояния, этажности, развитости инфраструктуры и даже от обстоятельств совершения сделки, в том числе от контекста взаимоотношений сторон договора мены. Субъективность оценочной деятельности часто приводит к значительным разногласиям между сторонами. В договоре может быть предусмотрена доплата в связи с неравноценностью обмениваемых помещений, однако ее неверное определение или неуплата также могут явиться причиной судебного спора и повлечь признание сделки недействительной. Судами в таких случаях для установления рыночной стоимости обмениваемых жилых помещений назначаются судебные экспертизы, что замедляет и усложняет судебный процесс.

Обратимся к судебной практике. 30 июля 2014 г. между ОАО «СГКТрансстройЯмал» и его сотрудникой Матвийчук И. М. заключен договор мены трехкомнатных квартир, в котором стороны указали, что обмен является равноценным, цена обеих квартир установлена в сумме 8,6 млн. руб. Сторонами подписан акт приема-передачи жилых помещений. Переход прав собственности на оба объекта зарегистрирован в ЕГРН. В дальнейшем в рамках дела о банкротстве общества «СГК-ТрансстройЯмал» конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным данного договора мены, поскольку рыночная стоимость квартиры, предоставленной должником, на момент заключения соглашения составляла 6 млн. руб., а квартиры, предоставленной Матвийчук И. М., — 1,7 млн. руб. Суды первой и апелляционной инстанций признали оспариваемую сделку недей-

ствительной по причине неравноценности встречного предоставления, то есть по основаниям пункта 1 статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [8], отметив, что действия лица, приобретающего имущество по цене, явно ниже кадастровой и рыночной, нельзя назвать осмотрительными. Суд округа согласился с данными выводами. Однако определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 мая 2024 г. упомянутые судебные решения отменены, дело направлено на новое рассмотрение. При этом Верховным Судом РФ отмечено, что для установления неравноценности, кроме рыночной стоимости объектов, определенной на основании отчетов оценщиков, судами должны были учитываться характеристики отчуждаемого имущества, а также все обстоятельства совершения сделки, в том числе контекст отношений должника с контрагентом. Верховный Суд напомнил, что понятие неравноценности — оценочное и к нему нельзя применить заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения цены. Нижестоящими судами не дана правовая оценка доводам Матвийчук И. М. о том, что она, являясь сотрудником ОАО «СГК-Трансстрой-Ямал», занимала должности ведущего инженера и заместителя начальника производственно-технического отдела, а оспариваемая сделка фактически представляла собой материальное поощрение работника в соответствии с трудовым договором. В случае если трудовым договором предусмотрена возможность материального поощрения сотрудника, в том числе в виде безвозмездного или в иной форме льготного выделения жилого помещения, допустимо исходить из того, что для целей банкротства встречное предоставление работника может заключаться не только в оплате, предусмотренной условиями договора, но и в том вкладе, который внесен работником в деятельность предприятия при выполнении трудовых функций [9].

Для решения обозначенных выше проблем целесообразно путем внесения дополнений в законодательство предусмотреть при заключении сделок по отчуждению в собственность жилых помещений проведение технической и оценочной экспертиз, а экспертные заключения о состоянии жилого помещения и его рыночной стоимости считать неотъемлемой частью договора. Привлечение независимого оценщика для объективной оценки недвижимого имущества позволит избежать споров и обеспечит справедливый обмен и куплю-продажу. Помимо этого, имеет смысл в безоговорочном порядке ввести в сделку третье незаинтересованное лицо — посредника (государственного или муниципального риелтора), который за установленную госпошлину гарантировал бы надлежащее состояние отчуждаемого жилого помещения, его соответ-

ствие условиям договора о качестве жилья, а также юридическую чистоту объекта, то есть отсутствие залогов, арестов, обременений от третьих лиц, несовершеннолетних собственников и т. п. Заключение специалиста по всем указанным критериям также считать обязательным приложением к соответствующему договору.

Кроме того, видится необходимость совершенствования действующего законодательства и путем дополнения ГК РФ отдельными нормами, которые бы прямо регулировали мену жилых помещений, учитывая их специфику как объекта недвижимости. В частности, предлагаются законодательно закрепить критерии и условия равноценности обмена, более детально регламентировать порядок мены жилых помещений, обремененных ипотекой или иными правами третьих лиц, включив в нормы закона требование об обязательном получении согласия на совершение сделки от залогодержателей и других правообладателей.

Также, на наш взгляд, стоит рассмотреть вопрос о расширении существующей информационной базы данных ЕГРН путем включения в нее исчерпывающей информации об объектах, в том числе сведений о наличии всех обременений, лицах зарегистрированных и имеющих право пользования, а также об истории владения и судебных спорах. С этой целью предлагается внесение соответствующих законодательных изменений по аналогии с новеллой, введенной с 1 сентября 2025 г. Федеральным законом от 26.12.2024 № 482-ФЗ [10], в части необходимости регистрации в ЕГРН права пользования жилым помещением, сохраняющегося за бывшими членами семьи собственника приватизированного жилья. Нововведение направлено на недопущение выселения указанных лиц после продажи квартиры при условии, что право пользования жилым помещением было зарегистрировано в ЕГРН, а также на защиту покупателя от обременения в виде прав третьих лиц в случае, если информация о таком праве отсутствовала в ЕГРН.

Доступ к такому реестру для нотариусов и участников сделок позволил бы значительно снизить риски, связанные с неполнотой или недостоверностью информации, и обеспечил бы большую прозрачность рынка недвижимости.

Таким образом, для повышения эффективности и безопасности договоров мены и купли-продажи жилых помещений в Российской Федерации необходим комплексный подход, включающий как совершенствование (корректировку) норм гражданского и жилищного права, так и создание расширенного формата сведений ЕГРН, внедрение новых информационных технологий, обеспечивающих доступность соответствующего банка данных для населения.

Литература:

- Халбаева, Т. Н. Сделки по отчуждению жилых помещений: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: Автореферат диссертации на соис-

- кание ученой степени кандидата юридических наук / Халбаева Татьяна Нармурадовна; Саратовская государственная юридическая академия. — Саратов, 2005. — 210 с. — Текст электронный // URL: <https://www.dissertcat.com/content/sdelki-po-otchuzhdeniyu-zhilykh-pomeshchenii?ysclid=mgg6ujdg46482165748> (дата обращения: 15.09.2025).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1. — Ст. 14; 2025. — № 5. — Ст. 631.
 3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 401; 2024. — № 33 (часть I). — Ст. 493; от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5 (часть II). — Ст. 410.
 4. Решение Бенгераевского районного суда Новосибирской области от 05.10.2020 № 2-89/2020 2-89/2020~M-55/2020 М-55/2020 по делу № 2-89/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N6qn5RY3n8H8/?ysclid=mgdptjcgp0943392304/> (дата обращения: 15.09.2025)
 5. Решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 25.07.2024 № 2-112/20242-112/2024(2-451/2023;2-2731/2022;)-~M-2234/2022 2-2731/2022 2-451/2023 M-2234/2022 по делу № 2-112/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DzAsAcvgXLbQ/?ysclid=mgdq92vc5o425162814#top/> (дата обращения: 15.09.2025).
 6. Решение Кировского районного суда г. Перми от 17.01.2024 № 2-158/2024 2-158/2024(2-3222/2023;)-~M-2317/2023 2-3222/2023 M-2317/2023 по делу № 2-158/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8DRT9soUxebn/?ysclid=mgdquvw3l246093086/> (дата обращения: 18.09.2025).
 7. Юанов, А. А. Смешанные договоры в системе договорного права России / А. А. Юанов // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Краснодар. 2022. — С. 129–134.
 8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
 9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.09.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/C10oGHFgRZW6/?ysclid=mgdrj54zjr660498436/> (дата обращения: 25.09.2025).
 10. Федеральный закон от 26.12.2024 № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — Текст электронный // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: <https://consultant.ru> (дата обращения: 06.10.2025).

Превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи при оказании платных медицинских услуг: правовые риски и способ их минимизации

Давиденко Надежда Александровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится анализ правового регулирования возможности превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи при оказании платных медицинских услуг, а также поиск методов минимизации рисков для медицинской организации при таком превышении.

Ключевые слова: стандарты медицинской помощи, клинические рекомендации, юридическая безопасность медицинской организации.

Развитие рынка платных медицинских услуг в Российской Федерации, регулируемого преимущественно нормами гражданского права и законодательством о защите прав потребителей, ставит перед правоприменительной практикой сложную задачу по обеспечению баланса интересов медицинской организации (Исполнителя) и пациента (Потребителя/Заказчика). Одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов является правовое регулирование и оценка превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи (клинических рекомендаций) при оказании платных медицинских услуг.

Превышение объема, установленного стандартами и клиническими рекомендациями, по своей сути, представляет собой правовую дилемму. С одной стороны, оно может быть расценено как проявление высокого качества, использование современных технологий и добровольный выбор пациента, направленный на повышение эффективности лечения (например, использование более дорогих медикаментов или технологий). С другой стороны, такое превышение, осуществленное без надлежащих медицинских показаний или без информированного согласия пациента, квалифицируется как нецелесообразное навязы-

вание услуг, нарушение прав потребителя и, как следствие, ненадлежащее качество медицинской помощи.

Разграничение этих ситуаций имеет критическое значение для установления юридической ответственности Исполнителя. В связи с этим, целью настоящей статьи является анализ правового регулирования возможности превышения объема выполняемого стандарта медицинской помощи при оказании платных медицинских услуг, а также к поиску методов минимизации рисков для медицинской организации при таком превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи.

Согласно Федеральному закону от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 323), медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, на основе клинических рекомендаций и с учетом объема выполняемого стандарта медицинской помощи (ч. 1 ст. 37 ФЗ № 323).

В контексте платных медицинских услуг эти документы служат ориентиром качества и объема лечения.

Стандарты медицинской помощи определяет усредненные объемы медицинских услуг, лекарственных препаратов и медицинских изделий, необходимых для лечения конкретного заболевания.

Ключевым нормативным актом, регулирующим предоставление платных услуг, является Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» (далее — Правила № 736).

Пункт 11 Правил № 736 устанавливает исчерпывающий перечень условий, при которых могут предоставляться платные медицинские услуги, прямо предусматривая возможность их предоставления в объеме, превышающем объем выполняемого стандарта медицинской помощи, по желанию потребителя (заказчика).

Таким образом, законодатель легализовал превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи, но поставил его в зависимость от двух ключевых юридических фактов: услуга предоставляется сверх объема стандарта и это происходит по желанию потребителя (заказчика) (п.11 Правил № 736).

Отсутствие надлежащим образом оформленного и зафиксированного желания (согласия) пациента на дополнительные, сверхстандартные услуги, переводит действия медицинской организации из правомерных в потенциально неправомерные, особенно если это влечет дополнительные расходы для пациента.

Кроме того, для юридической защиты медицинской организации критически важно, чтобы договор об оказании платных медицинских услуг соответствовал требованиям Правил № 736, которые предъявляют строгие требования к содержанию договора. Пункт 22 Правил № 736 обязывает заключать договор в письменной форме.

Для случаев превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи, критически важным явля-

ется, чтобы договор (или приложение к нему) четко фиксировал:

1. Перечень конкретных платных медицинских услуг, предоставляемых в соответствии с договором (п. 22, подп. «д»).

2. Надлежащим образом оформленного и зафиксированного желания (согласия) пациента на дополнительные медицинские услуги сверх стандарта медицинской помощи и оговорка о том, что это будет являться основанием для взимания платы.

Несоблюдение этих требований — в частности, отсутствие надлежащего оформленного и зафиксированного согласия пациента на получение платных медицинских услуг превышающие объема выполняемого стандарта медицинской помощи (клинические рекомендации) — ставит под сомнение законность взимания платы за них и может стать основанием для удовлетворения исковых требований потребителя о расторжении договора и взыскании денежных средств.

Достаточно интересное решение суда [1] в части предоставления платных медицинских услуг в объеме, превышающим объема выполняемого стандарта медицинской помощи и соответствующий объем клинических рекомендаций.

Обстоятельства дела: между истцом и медицинской организацией был заключен договор на оказание платных медицинских услуг. Согласно условиям договора исполнитель обязался предоставить платные медицинские услуги, качество которых должно соответствовать условиям настоящего договора, а при отсутствии в договоре условий об их качестве требованиям, предъявляемым к таким услугам. Перечень, качество и стоимость платных медицинских услуг, предоставляемых в соответствии с настоящим договором, указаны в приложении, являющимся его частью.

Пациенту был выполнен ряд медицинских вмешательств, которые были им оплачены в соответствии с условиями договором. Впоследствии пациент подал к медицинской организации претензию, в которой просил вернуть деньги за оказанные платные медицинские услуги, которые, по его мнению, были навязаны, так как для них не было медицинских показаний. Медицинская организация отклонила претензию, что послужило основанием для обращения в суд.

В ходе судебного рассмотрения спора была назначена судебно-медицинская экспертиза, которая установила, что ряд медицинских вмешательств, которые были проведены пациенту, являются необоснованными, так как не были включены в стандарт медицинской помощи и клинические рекомендации.

Выходы суда:

— Суд первой инстанции, основываясь на заключении судебной медицинской экспертизы, установил, что медицинские услуги были оказаны ответчиком некачественно. По мнению экспертов, качество отдельных медицинских услуг Ответчика не соответствует требованиям Федераль-

ного закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» с точки зрения оказания медицинской помощи на основе клинических рекомендаций и с учетом объема стандартов медицинской помощи.

— Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии правовых оснований для расторжения договоров и взыскания оплаченных денежных средств, а также компенсации морального вреда, неустойки и штрафа.

— Кассационный суд оставил судебные акты без изменения, указав, что доводы жалобы не свидетельствуют о наличии оснований для пересмотра.

Юридическая интерпретация: впервые суд фактически приравнял оказание услуг в объеме, превышающем медицинские показания (даже если формально они были частью сверхстандартного лечения), к некачественной услуге.

Предположение (в контексте Правил № 736): Удовлетворение требований пациента судом свидетельствует о том, что медицинская организация, по всей видимости, не смогла доказать, что платные медицинские услуги, которые были признаны нецелесообразными, были оказаны «по желанию потребителя (заказчика)» в соответствии с п. 11 Правил № 736. Если бы такое согласие было надлежащим образом оформлено, аргументация защиты была бы иной (осознанный выбор пациента).

Вопрос о превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи при оказании платных услуг является зоной повышенного юридического риска для меди-

цинских организаций. Легитимность такого превышения напрямую зависит от строгого соблюдения требований Правил № 736.

Данное судебное решение, свидетельствует о том, что необоснованное (без надлежащего оформленного согласия пациента) превышение объема выполняемого стандарта медицинской помощи и отступление от клинических рекомендаций (оказание услуг без показаний), может быть квалифицировано судами как ненадлежащее качество и влечет полную гражданско-правовую ответственность Исполнителя, включая возмещение ущерба, компенсацию морального вреда и взыскание штрафа по Закону РФ «О защите прав потребителей».

Для юридической безопасности Исполнителя необходимо, чтобы:

1. Договор на платные медицинские услуги строго соответствовал требованиям Правил № 736.

2. На услуги, превышающие объем выполняемого стандарта медицинской помощи, получить письменное согласие пациента на дополнительные медицинские услуги сверх стандарта медицинской помощи и оговорка о том, что это будет являться основанием для взимания платы.

Юридическая безопасность медицинской организации в данном вопросе напрямую зависит от полноты и юридической чистоты оформления договора на оказания платных медицинских услуг, которые должны четко отражать желание пациента получить медицинскую услугу, превышающую объем выполняемого стандарта медицинской помощи, и осознание им финансовых последствий.

Литература:

1. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2025 по делу № 88-19354/2025/

Конституционно-правовые основы регулирования вахтовой миграции в Российской Федерации: прозрачность, целевой характер и запрет на семейный переезд

Денисов Владимир Алексеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы регулирования вахтовой миграции в Российской Федерации. При этом особое внимание уделяется вопросам прозрачности, целевой направленности этого вида миграции и вероятности введения запрета на переезд для семей трудовых мигрантов, которые работают вахтовым методом. Целью данного исследования является подтверждение конституционно-правовых оснований для такого регулирования, при этом учитывая баланс между интересами государства, работодателей и самих мигрантов, а также соответствие нормам Конституции РФ и международным обязательствам России. Анализируются преимущества и недостатки вахтовой миграции, её социально-экономические последствия. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства и миграционной политики с учетом принципа соразмерности и целей обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности.

Сегодня миграция становится ключевым вопросом национальной безопасности и устойчивого развития многих государств, включая Россию. Особенно ак-

туальной проблемой является регулирование миграционных потоков, связанных с притоком рабочей силы из соседних стран. Одним из распространенных вариантов

решения вопроса дефицита трудовых ресурсов является вахтовый метод работы, предполагающий кратковременное пребывание мигрантов на территории России для выполнения конкретных задач, после чего они возвращаются в свои страны.

Однако встает важный вопрос: как обеспечить прозрачность и законность миграционных процессов, чтобы сохранить баланс между интересами государства, работодателей и самих мигрантов? Многие эксперты считают, что наиболее рациональным вариантом является введение строгого контроля за приемом мигрантов, особенно в части запрещения переезда их семей на территорию России. Такая стратегия позволила бы ограничить образование этнических анклавов, снизить нагрузку на социальную инфраструктуру и облегчить контроль за миграционными потоками.

Тем не менее, конституционно-правовые аспекты подобной политики остаются слабо изученными. Важно выяснить, насколько такие меры соответствуют нормам Конституции РФ и международным обязательствам России, а также выявить правовые основания для ограничения въезда семей мигрантов, работающих по вахтовому методу.

Миграция является неотъемлемой частью современных глобальных процессов, которые оказывают существенное влияние на экономическое, социальное и культурное развитие государств. Российская Федерация, обладая значительной территорией, развитой экономикой и демографическими вызовами, выступает привлекательной страной для мигрантов из различных регионов мира. В связи с этим, эффективное и сбалансированное миграционное законодательство приобретает особую актуальность для обеспечения национальной безопасности, экономического роста и социальной стабильности.

Правовую основу регулирования миграционных процессов в Российской Федерации составляют: Конституция Российской Федерации (закрепляет основные права и свободы человека, в том числе касающиеся свободы передвижения и выбора места жительства), Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (является основным нормативным актом, определяющим правовой статус иностранных граждан, правила их въезда, пребывания и выезда из РФ), Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (регулирует порядок учета иностранных граждан по месту пребывания и месту жительства), Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (определяет основания и порядок въезда и выезда из РФ), Трудовой кодекс Российской Федерации (содержит положения, регулирующие трудовые отношения с иностранными гражданами), Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (устанавливает ответственность за нарушение миграционного законодательства) и Ме-

ждународные договоры Российской Федерации (Россия является участником ряда международных конвенций и соглашений, касающихся защиты прав мигрантов).

В последние годы миграционное законодательство Российской Федерации претерпевает значительные изменения, обусловленные рядом факторов, включая: ужесточение контроля за миграционными потоками, адаптацию к новым geopolитическим реалиям, регулирование трудовой миграции, совершенствование системы миграционного учета и развитие программ адаптации и интеграции мигрантов.

Несмотря на предпринимаемые усилия, миграционное законодательство Российской Федерации сталкивается с рядом проблем и вызовов: недостаточной эффективностью контроля за соблюдением миграционного законодательства, противоречием и пробелами в правовом регулировании, сложностью в адаптации и интеграции мигрантов, недостаточной эффективностью мер по борьбе с нелегальной миграцией и негативным отношением к мигрантам со стороны части населения.

Для повышения эффективности миграционного законодательства и решения существующих проблем необходимо: усовершенствовать систему контроля за миграционными потоками, устранить противоречия и пробелы в правовом регулировании, развивать программы адаптации и интеграции мигрантов, повышать эффективность мер по борьбе с нелегальной миграцией и формировать позитивное отношение к мигрантам в обществе.

Миграционное законодательство Российской Федерации находится в стадии активного развития и адаптации к новым вызовам и реалиям. Эффективное правовое регулирование в данной сфере является необходимым условием для обеспечения национальной безопасности, экономического роста и социальной стабильности страны.

Миграционная политика является одним из важнейших инструментов государственного управления, оказывающим существенное влияние на демографическую ситуацию, экономическое развитие, социальную стабильность и национальную безопасность.

Текущая миграционная политика Российской Федерации характеризуется рядом существенных недостатков: недостаточным контролем за миграционными потоками, низкой эффективностью адаптации и интеграции мигрантов и широким распространением нелегальной миграции.

Эти недостатки порождают ряд серьезных угроз: угрозу национальной безопасности, угрозу социальной стабильности, угрозу экономической безопасности, угрозу культурной самобытности и угрозу политической стабильности.

Для минимизации угроз и повышения эффективности управления миграционными процессами необходимо: усилить контроль за миграционными потоками, повысить эффективность адаптации и интеграции мигрантов, активизировать борьбу с нелегальной миграцией, искоре-

нить коррупцию в миграционной сфере, разработать комплексную стратегию миграционной политики, а также учесть некоторые региональные особенности. Реализация предложенных рекомендаций позволит создать эффективную и сбалансированную миграционную политику, отвечающую интересам государства, общества и самих мигрантов.

Вахтовая миграция из сопредельных государств в Россию является важной формой трудовой миграции, оказывающей значительное влияние на экономику и социальную сферу как России, так и стран-доноров. Данный вид миграции имеет свои особенности, связанные с трансграничным характером, различными правовыми режимами и культурными различиями. В связи с этим, необходимо детальное изучение преимуществ и недостатков вахтовой миграции из сопредельных государств, а также анализ ее социально-экономических последствий для всех вовлеченных сторон.

Вахтовая миграция из сопредельных государств имеет следующие преимущества: для работодателей в России — решение проблемы дефицита трудовых ресурсов, снижение издержек и повышение гибкости трудового процесса, для работников из сопредельных государств — повышение уровня жизни и доходов, возможность получения опыта работы и для регионов России, принимающих вахтовых мигрантов экономический рост, увеличение налоговых поступлений и развитие инфраструктуры.

В тоже время вахтовая миграция из сопредельных государств имеет свои недостатки: для стран-доноров рабочей силы — социальные проблемы, связанные с распадом семей и зависимость от денежных переводов из России, для работников из сопредельных государств — эксплуатация труда, дискриминация и ксенофобия, ограниченный доступ к социальным услугам и правовая незащищенность, для регионов России — рост социальной напряженности, увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру, рост преступности и проблемы интеграции мигрантов.

Социально-экономические последствия вахтовой миграции из сопредельных государств носят многогранный характер и затрагивают различные сферы жизни общества. Экономические последствия миграции ведут к притоку трудовых ресурсов, что способствует развитию экономики регионов России, но при этом также ведут к оттоку рабочей силы из стран-доноров, что может замедлить экономический рост стран-доноров. Социальные последствия миграции могут оказывать как положительное (улучшение материального положения семей мигрантов), так и отрицательное (рост социальной напряженности, ухудшение семейных отношений, рост преступности) воздействие на общество. Демографические последствия миграции могут привести к депопуляции сельских территорий и небольших городов в странах-донорах и временному увеличению численности населения в регионах России, принимающих вахтовых мигрантов. Политические последствия миграции могут оказывать

влияние на политические отношения между Россией и сопредельными государствами, а также на внутреннюю политическую ситуацию в этих странах.

Для минимизации негативных последствий и повышения эффективности вахтовой миграции из сопредельных государств необходимо: совершенствовать законодательство и правовое регулирование, развивать межгосударственное сотрудничество, содействовать адаптации и интеграции мигрантов и бороться с нелегальной миграцией и эксплуатацией труда.

Сбалансированный подход к регулированию миграционных процессов, основанный на учете интересов всех заинтересованных сторон, позволит использовать преимущества вахтовой миграции для экономического роста и повышения благосостояния населения.

В условиях интенсивной трудовой миграции из сопредельных государств в Россию актуальным становится вопрос о конституционно-правовых основаниях для возможного введения запрета на переезд семей мигрантов, работающих по вахтовому методу. Данный вопрос затрагивает фундаментальные права и свободы человека, а также интересы национальной безопасности и демографической политики.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому, кто законно находится на ее территории, свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства (статья 27). Кроме того, статья 38 Конституции РФ устанавливает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Право на уважение частной и семейной жизни гарантировано также статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Однако, конституционные права и свободы не являются абсолютными и могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55 Конституции РФ).

Таким образом, вопрос о допустимости запрета на переезд семей мигрантов должен рассматриваться через призму принципа соразмерности, то есть, является ли такое ограничение необходимым и пропорциональным преследуемой цели.

Аргументы в пользу запрета на переезд семей мигрантов часто основываются на соображениях национальной безопасности и демографической политики.

Вахтовая миграция играет все более значимую роль в обеспечении трудовыми ресурсами различных отраслей экономики Российской Федерации, особенно в регионах с суровыми климатическими условиями и удаленностью от крупных населенных пунктов. Однако эффективное и устойчивое использование вахтовой миграции требует разработки четких и понятных механизмов её регулирования.

Основные пути внедрения вахтовой миграции можно разделить на: межгосударственное сотрудничество (за-

ключение двусторонних соглашений, гармонизация миграционного законодательства и создание совместных рабочих групп), организационные механизмы (организованный набор трудовых мигрантов и развитие инфраструктуры для трудовых мигрантов) и экономические стимулы (развитие системы профессиональной подготовки и содействие развитию предпринимательства).

Эффективное регулирование вахтовой миграции требует комплексного подхода, включающего в себя: совершенствование нормативно-правовой базы (разработка специализированных законов и нормативных актов и усиление контроля за соблюдением трудового законодательства), усиление контроля и надзора (создание единой базы данных трудовых мигрантов, развитие механизмов общественного контроля и внедрение системы штрафных санкций) и интеграция с адаптацией (организация курсов русского языка и культуры и разработка программ социальной адаптации).

Внедрение и регулирование вахтовой миграции из сопредельных государств является важной задачей для обеспечения экономического развития Российской Федерации. Для достижения успеха необходимо разработать и реализовать комплексную миграционную политику, основанную на принципах международного сотрудничества, справедливого регулирования и социальной ответственности. Совершенствование нормативно-правовой базы, усиление контроля и надзора, а также содействие интеграции и адаптации трудовых мигрантов позволят эффективно использовать потенциал вахтовой миграции для решения социально-экономических вызовов и обеспечения устойчивого развития России.

В условиях растущего дефицита трудовых ресурсов и необходимости обеспечения экономического роста, вопросы регулирования миграции приобретают повышенную актуальность. Вахтовый метод работы становится востребованным инструментом, однако его эффективное использование требует разработки четких и прозрачных правовых механизмов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».
4. Барбин Д. Ю. Особенности правового регулирования трудовой миграции в России // Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 34–41.
5. Гусарова А. С. Проблема этнокультурной адаптации мигрантов в России // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 12. — С. 102–107.
6. Жбанков В. А. Влияние вахтовой миграции на социально-экономическое развитие приграничных регионов России // Региональная экономика и управление. — 2021. — № 2. — С. 56–63.
7. Лазарев В. М. Социальные последствия массовой миграции и проблемы регулирования // Общественные науки и современность. — 2021. — № 6. — С. 89–97.

Сегодняшняя ситуация показывает, что миграция должна регулироваться на основе конституционно-правовых норм, которые учитывают интересы государства, работодателей и самих мигрантов. Особое внимание следует уделить введению запрета на переезд семей мигрантов, что позволит снизить нагрузку на социальную инфраструктуру и укрепить национальную безопасность.

Основными доводами в пользу запрета на переезд семей мигрантов являются предотвращение формирования этнических анклавов, снижение риска роста социальной напряженности и укрепление контроля за миграционными потоками. Подобная мера способствует прозрачности и улучшает администрирование миграционных процессов.

Ограничение въезда семей мигрантов может быть основано на принципе соразмерности, закрепленном в Конституции РФ. Такое ограничение не противоречит правам и свободам человека, если оно необходимо для защиты основ конституционного строя и безопасности государства.

Для эффективного регулирования вахтовой миграции необходимо: разработать специализированные законы и нормативные акты, регулирующие вахтовую работу и условия труда мигрантов, укрепить контроль за соблюдением трудового законодательства, установив ответственность работодателей за нарушение миграционного законодательства и ввести единый регистр трудовых мигрантов, позволяющий отслеживать их деятельность и соблюдение законодательства.

В завершение хочется отметить, что введение запрета на переезд семей мигрантов, работающих по вахтовому методу, является необходимым и обоснованным шагом, который позволит улучшить контроль за миграционными процессами и защитить интересы государства и общества. Такое решение соответствует конституционным нормам и международно-правовым обязательствам России, способствуя достижению целей национальной безопасности и социальной стабильности.

Эволюция норм освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности

Дорофеева Светлана Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Антонов Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассматривается историческая эволюция правовых норм, регламентирующих освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в российском законодательстве. Проводится анализ законодательных изменений, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным уголовным правом. Рассмотрены различные основания и условия применения данных норм, а также их эффективность в контексте ресоциализации и предупреждения повторных правонарушений. В статье анализируются как положительные, так и негативные аспекты применения норм об освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности, предлагаются пути совершенствования действующего законодательства и правоприменимой практики в данной сфере. Целью исследования является выявление закономерностей развития института освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и определение перспектив его дальнейшего совершенствования для повышения эффективности защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, совершивших преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, профилактика преступлений, уголовное законодательство, ответственность несовершеннолетних, развитие уголовного права, правовая эволюция, защита прав несовершеннолетних, уголовная политика в отношении подростков.

Актуальность данной статьи обусловлена рядом социально-правовых, криминологических и гуманистических факторов, которые делают эту тему не только востребованной, но и необходимой для современного научного и практического обсуждения. Приведу ключевые аргументы в пользу её актуальности:

1. Повышенное внимание к правам несовершеннолетних в современном обществе.

В условиях глобализации и усиления гуманистических подходов в праве, международные и национальные правовые системы всё больше ориентируются на защиту интересов ребёнка как приоритетного субъекта права. Конвенция ООН о правах ребёнка (1989), а также рекомендации Комитета по правам ребёнка требуют от государств пересмотра уголовно-правовых норм в части применения наказаний к несовершеннолетним, включая возможность их освобождения от ответственности.

2. Необходимость гуманизации уголовного законодательства.

Современное уголовное право стремится к индивидуализации ответственности и применению альтернативных мер воздействия, особенно в отношении несовершеннолетних. Освобождение от уголовной ответственности — не акт безнаказанности, а элемент восстановительной юстиции, направленный на ресоциализацию, а не на изоляцию.

3. Рост числа правонарушений среди несовершеннолетних и их специфика.

Несмотря на общую тенденцию к снижению уровня преступности среди несовершеннолетних в ряде стран, остаются актуальными вопросы ранней профилактики, причин девиантного поведения (социальные, психологические, экономические), неэффективности традиционных карательных мер.

Анализ эволюции норм освобождения помогает понять, какие меры действительно способствуют исправлению, а какие — лишь формализуют наказание.

4. Динамика законодательных изменений.

В последние годы в России происходят значимые изменения в уголовном законодательстве, касающиеся несовершеннолетних:

- расширение оснований для освобождения от уголовной ответственности (например, примирение с потерпевшим, назначение принудительных мер воспитательного воздействия);
- снижение минимального возраста уголовной ответственности за отдельные преступления;
- усиление роли института судебного штрафа, медиации, восстановительных программ.

Изучение эволюции этих норм позволяет оценить последствия реформ и предложить дальнейшие направления совершенствования.

5. Научный и практический вклад.

Тема позволяет систематизировать историческое развитие норм освобождения, выявить пробелы и противоречия в действующем законодательстве, предложить конкретные рекомендации по совершенствованию правовых механизмов, способствовать развитию междисциплинарных исследований (юриспруденция, педагогика, психология, социология).

Статистика Генеральной прокуратуры РФ и МВД показывает, что, несмотря на общее снижение числа преступлений, совершённых несовершеннолетними (в 2023 году — около 18 тыс. преступлений, что на 12 % меньше, чем в 2022 г.), сохраняется высокий уровень рецидива среди этой категории (до 20 % в отдельных регионах). Это свидетельствует о неэффективности исключительно карательных подходов и подчёркивает важность альтерна-

тивных мер — в том числе освобождения от уголовной ответственности с применением воспитательных, социальных и психологических программ [11].

В современном законодательстве Глава 11 Уголовного кодекса РФ определяет порядок и условия освобождения от уголовной ответственности. Это означает, что человек, совершивший противоправное деяние, может быть освобожден от любых наказаний и других правовых последствий за содеянное, если законом предусмотрены соответствующие основания для этого. Такое освобождение возможно в случаях, когда исчезла общественная опасность как самого преступления, так и лица, его совершившего. Эти правила распространяются и на несовершеннолетних правонарушителей.

Так, существует несколько способов освобождения от уголовной ответственности, которые применимы к несовершеннолетним: статья 75 УК РФ предусматривает освобождение за деятельное раскаяние, когда лицо своими действиями предотвращает опасные последствия преступления или устраниет причиненный вред, и суд приходит к выводу, что общественная опасность деяния исключена.

По статье 76 УК РФ суд может освободить от ответственности при примирении с потерпевшим, если стороны достигли соглашения и последствия преступления не представляют опасности для общества.

Статья 76.2 УК РФ вводит институт судебного штрафа — мера, применяемая к несовершеннолетним, совершившим небольшие или средней тяжести преступления, при условии исправления причиненного вреда или его компенсации любым законным способом.

Согласно статье 94 УК РФ сроки давности для несовершеннолетних сокращаются наполовину по сравнению с общими сроками из статьи 78 УК РФ (1 год — за преступления небольшой тяжести, 3 года — за преступления средней тяжести, 5 лет — за тяжкие преступления, 7,5 лет (7 лет 6 месяцев) — за особо тяжкие преступления).

Законом также закрепляется освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Таким образом, законодатель четко ограничивает круг случаев, когда можно освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности, связывая это с тяжестью совершенного деяния и наличием положительных факторов, свидетельствующих о возможности его исправления без применения уголовного наказания [12].

Ст. 92 УК РФ предусматривается возможность произвести замену наказания на принудительные меры воспитательного воздействия [4]. Освобождение от уголовной ответственности путем применения принудительных мер воспитательного воздействия возможно только при совершении преступлений небольшой или средней тяжести. При этом суд оценивает индивидуальные особенности несовершеннолетнего, в частности, вероятность его исправления с помощью данных мер.

Принудительные меры воспитательного воздействия включают следующие виды: предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [1].

Для полного понимания современного состояния обратимся к историческому развитию освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних.

Ранее в российском уголовном законодательстве уже в X веке древнерусский правовой свод «Русская правда» установил отдельные нормы, предусматривающие освобождение от наказания при наличии раскаяния. На протяжении периода от раннего средневековья до революции 1917 года, несмотря на то что традиционными целями наказания оставались устрашение и возмездие, были приняты различные законодательные акты, содержащие положения об освобождении от наказания: «Артикул воинский» (166), «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 год) и «Уголовное уложение» (1903 год) [5].

Согласно мнению Терентьевой В. А., изучающей особенности развития института освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, Уголовное уложение 1903 года стало значимым этапом в эволюции данного института. Особенностью этого нормативно-правового акта стала его ориентация на конкретную возрастную категорию — лиц в возрасте от 10 до 17 лет [8].

Таким образом, определив полную несубъектность детей до 10 лет и распространив действие специальных норм на лиц в возрасте до 17 лет, Уголовное Уложение 1903 года подчеркнуло особый статус несовершеннолетних как группы, нуждающейся в специальной защите. Это позволило предусмотреть альтернативу традиционному уголовному наказанию: виновные подростки могли быть освобождены от ответственности с последующей передачей их в специализированные учреждения — юноши направлялись в воспитательно-исправительные заведения, а девушки — в женские монастыри (ст. 41 Уложения). Такой подход отражал приоритет воспитательной функции в правоприменительной практике по отношению к несовершеннолетним [6].

В последствии в соответствии с декретом от 4 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях», комиссии рассматривали правонарушения, совершенные лицами младше 18 лет. Уголовная ответственность применялась только в тех случаях, когда комиссии признавали, что исключительно медицинские и педагогические меры недостаточны для коррекции поведения подростка. На практике такие ситуации чаще всего возникали при совершении тяжких преступлений, таких как убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилования и иных аналогичных деяний.

Далее в 1920 году Наркомпросом, Наркомздравом и Наркомюстом была разработана и утверждена Инструкция для комиссий по делам несовершеннолетних.

В пункте 16 данного документа были установлены различные воспитательные меры, предназначенные для подростков в возрасте до 18 лет. К ним относились проведение бесед, вынесение предупреждений, предоставление разъяснений, внушение, а также помещение под надзор родителей или близких родственников. Помимо этого, предусматривались такие варианты, как трудоустройство, направление в образовательное учреждение, отправка на место жительства или размещение в специализированных организациях — детских домах, лечебницах для трудно-воспитуемых подростков, психиатрических клиниках или учреждениях для социально дезадаптированных молодых людей. Такой перечень мер демонстрировал комплексный подход к социальной реабилитации и исправлению несовершеннолетних правонарушителей.

Также уголовный кодекс РСФСР 1922 года оказал существенное влияние на правовое регулирование уголовной ответственности несовершеннолетних. Кодекс определил нижнюю планку возраста уголовной ответственности на уровне 14 лет. Таким образом, дети младше этого возраста не подлежали уголовному преследованию за совершение любых деяний, даже если они имели признаки преступления. В то же время закон допускал использование в отношении них воспитательных мер, включая передачу под надзор родителей или размещение в специализированных учреждениях для коррекции поведения.

УК РСФСР 1922 года отразил стремление к гуманизации уголовного права в части регулирования отношений с несовершеннолетними. Законодатель делал акцент на учете возрастных характеристик подростков, стараясь минимизировать применение строгих наказаний и активно используя методы воспитательного характера.

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года установил принцип полного освобождения от уголовной ответственности для несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, при этом предусматривая применение альтернативных мер воспитательного характера. Этот шаг стал значительным этапом в развитии советского уголовного права и сформировал основу современного подхода к работе с несовершеннолетними правонарушителями [6].

Термин «освобождение от уголовной ответственности» впервые был введен в советское уголовное право статьей 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых 25 декабря 1958 года, где он получил название «Освобождение от уголовной ответственности и наказания». В дальнейшем данный институт получил развитие в общей части Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, где его содержание было расширено

за счет закрепления шести форм освобождения от уголовной ответственности, применимых к несовершеннолетним. К указанным видам освобождения от уголовной ответственности относились: назначение судом принудительных мер воспитательного воздействия (часть 3 статьи 10 УК), передача дела в комиссию по делам несовершеннолетних (часть 4 статьи 10 УК), прекращение дела в связи с истечением сроков давности (статья 48 УК), изменение обстановки (статья 50 УК), передача материалов в товарищеский суд (статья 51 УК) и помещение подозреваемого под поруки (статья 52 УК). Такие нормы демонстрировали более адаптивный и щадящий подход к решению вопросов, связанных с уголовной ответственностью несовершеннолетних.

Реформа уголовного законодательства, осуществленная с принятием УК РФ в 1996 году, внесла значительные изменения в регулирование порядка освобождения от уголовной ответственности. В результате данной реформы, начиная с 1996 года, освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности стало выделяться как самостоятельный и специфический институт уголовного права.

Эволюция норм освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в российском уголовном праве отражает переход от карательной модели к гуманистической, ориентированной на восстановление и социальную реабилитацию. Несмотря на снижение общего числа преступлений, совершенных несовершеннолетними (на 12 % в 2023 г.), сохраняющийся высокий уровень рецидива (до 20 % в отдельных регионах) свидетельствует о неэффективности исключительно репрессивных подходов. Институт освобождения по ст. 90 УК РФ, а также через примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), обладает значительным потенциалом, но на практике зачастую применяется формально — без обеспечения реального воспитательного, психологического и социального сопровождения подростка.

Дальнейшее развитие института должно идти по пути его содержательного наполнения: расширения перечня применяемых мер, обязательного участия междисциплинарных специалистов, внедрения индивидуальных программ реабилитации и мониторинга их эффективности. Только так можно достичь главной цели — не просто освободить несовершеннолетнего от наказания, а обеспечить его устойчивую социальную адаптацию, тем самым выполняя конституционный принцип приоритета интересов ребёнка и международные обязательства России в сфере ювенальной юстиции [2].

Литература:

- Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом общей судебной практики: научно-практическое пособие / А. В. Бриллиантов. — Москва: Проспект, 2015. — 112 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252366> (дата обращения: 17.02.2025)
- Васильева Ю. Л. Эволюция уголовно-правового статуса несовершеннолетнего в России. // Уголовное право. — 2021. — № 4. — С. 45–52

3. Гаухман Л. Д. Уголовная ответственность несовершеннолетних: теория и практика. — М.: Юристъ, 2019. — 288 с.
4. Иващенко А. С. Особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Современные технологии: проблемы инновационного развития и внедрения результатов. 2021. С. 46–50.
5. Нечаева Е.В, Алексеева Т. Г. История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России // Вестник Российской университета кооперации. 2019 № 4 (38). С. 132–137
6. Працко Г. С., Шульга Д. И. История развития законодательства об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних в России // Современный ученый. 2021. № 5. С. 317–321
7. Салахов, Э. Б. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних / Э. Б. Салахов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 52 (447). — С. 285–288
8. Терентьева В. А. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания на основании статьи 92 Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст]: монография / В. А. Терентьева; Кемеровский государственный университет. — Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. — 34 с.
9. Терентьева В. А. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания. Исторический аспект // Сиб-Скрипт. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 246–249.
10. Чугаев А. П. Малозначительное преступление и товарищеский суд. Казань, 1966. 294 с.
11. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Обзор состояния законности и правопорядка в Российской Федерации в 2023 году. — М., 2024. — 156 с. — URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 22.09.2025).
12. [Электронный ресурс] // Сайт Судебные и нормативные акты РФ URL: [//sudact.ru/law/uk-rf/obshchaia-chast/razdel-v/glava-14/statia-90/](http://sudact.ru/law/uk-rf/obshchaia-chast/razdel-v/glava-14/statia-90/)(дата обращения: 17.02.2025).

Актуальные проблемы защиты трудовых прав работников

Дяговец Илона Руслановна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье проводится комплексный анализ современных проблем в сфере защиты трудовых прав работников в Российской Федерации. Исследуются как традиционные системные нарушения, включая неформальную занятость, выплату «серой» заработной платы и принудительные переработки, так и новые вызовы, связанные с распространением дистанционного труда и платформенной занятости. Особое внимание уделяется анализу причин низкой эффективности защиты прав, среди которых экономическая зависимость работников, недостаточность государственного надзора и дефицит правовой грамотности. На основе проведенного исследования предлагается система мер по совершенствованию трудового законодательства, усилению контрольно-надзорной деятельности и развитию правового просвещения. Результаты работы могут быть использованы в нормотворческой деятельности, правоприменительной практике, а также в образовательных программах для повышения правовой культуры участников трудовых отношений.

Целью данной статьи является анализ ключевых проблем в сфере защиты трудовых прав и выработка системных предложений по укреплению правовых гарантий для работников.

Ключевые слова: трудовой кодекс, трудовое законодательство, трудовые права, защита прав работников, социальная защита.

Трудовая деятельность является основой жизнеобеспечения человека, а гарантии в сфере труда — неотъемлемым элементом социального государства. Несмотря на детальную регламентацию трудовых отношений в Трудовом кодексе РФ [1] и международных актах, на практике сохраняется значительный разрыв между законодательными предписаниями и реальным положением дел.

Наиболее распространенные нарушения носят системный характер и напрямую подрывают основы трудовых отношений.

Во-первых, это уклонение работодателя от надлежащего оформления трудовых отношений. Распростран-

ены случаи полного отсутствия трудового договора, что лишает работника всех социальных гарантий, включая оплату больничных, отпускных и пенсионных отчислений [2]. Не менее острой проблемой является подмена трудового договора гражданско-правовым (договор подряда, возмездного оказания услуг). Такая практика позволяет работодателю избежать предоставления гарантий, предусмотренных трудовым законодательством (ежегодный оплачиваемый отпуск, оплата сверхурочной работы и т. д.) [3].

Во-вторых, повсеместное нарушение — выплата «серой» (неофициальной) заработной платы. Когда лишь

часть дохода проходит по официальным документам, работник несет прямые финансовые потери в виде уменьшения будущей пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и отпускных, а также лишается полноценной социальной защиты [4].

В-третьих, остаются критическими нарушения в сфере охраны труда. Несоблюдение правил безопасности, отсутствие спецодежды и средств индивидуальной защиты приводят к профессиональным заболеваниям и производственному травматизму. Сюда же относятся принудительные переработки, которые не оформляются и не оплачиваются в повышенном размере, как того требует закон [1].

Современная экономика порождает новые формы трудовых отношений, которые создают уникальные правовые риски. Активное развитие дистанционного труда выявило проблемы с определением и учетом рабочего времени, обеспечением безопасных условий труда на дому, а также с разграничением личного и рабочего пространства сотрудника [5]. Контроль за соблюдением режима труда и отдыха при такой форме работы крайне затруднен, что ведет к риску возникновения «невидимых» переработок. Аналогичные сложности возникают и с другими гибкими формами занятости (фриланс, работа по срочным договорам), которые зачастую используются для минимизации обязательств работодателя, а не в силу объективных производственных причин.

Существование и воспроизведение перечисленных проблем обусловлено комплексом причин.

Главным сдерживающим фактором является экономическая зависимость и страх работника перед потерей работы. В условиях нестабильности рынка труда многие предпочитают мириться с нарушениями, опасаясь увольнения или ухудшения отношений с руководством [4].

Второй ключевой проблемой является недостаточная эффективность государственного надзора. Деятельность таких органов, как Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), зачастую носит реактивный, а не проактивный характер, а штрафы за нарушения для многих компаний остаются несоразмерно низкими по сравнению с экономией на трудовых правах сотрудников.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
2. Зыкина, Т. А. Реализация прав работников: проблемы теории и практики: монография / Т. А. Зыкина. — Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. — 135 с.
3. Прокопёнок, Е. М. Доктринальные подходы к определению сущности и критерии классификации трудовых прав и интересов / Е. М. Прокопёнок // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. — 2011. — № 13. — С. 161–165.
4. Овсянников, Э. В. Актуальные проблемы трудового права: недостаточная защита прав работников / Э. В. Овсянников // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VIII всероссийской межвузовской студенческой научной конференции. — Москва: МПГУ, 2024. — С. 459–463.
5. Филиппова, И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества / И. А. Филиппова // Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2.

Третий блок причин связан с низким уровнем правовой грамотности и культуры самих работников. Многие граждане не знают своих прав или не представляют, куда и как можно обратиться за их защитой. Это приводит к тому, что значительный пласт нарушений остается незамеченным и безнаказанным.

Для преодоления системного кризиса необходим комплексный подход:

1. Совершенствование законодательства. Целесообразно ужесточить ответственность за уклонение от заключения трудового договора и выплату «серой» зарплаты, вплоть до введения уголовной ответственности для руководителей. Требуется дальнейшая детализация регулирования дистанционного труда, закрепляющая механизмы учета рабочего времени и профилактики переработок.

2. Усиление контроля. Необходимо увеличить ресурсы и полномочия Государственной инспекции труда, переориентировав ее работу на проведение внеплановых проверок по жалобам работников и в наиболее проблемных секторах экономики. Следует развивать институт общественного контроля, в том числе через профсоюзы.

3. Развитие правового просвещения. Важно запускать масштабные государственные и общественные кампании, информирующие работников об их правах и способах защиты. Необходимо популяризировать досудебные процедуры урегулирования споров, например, через комиссии по трудовым спорам на предприятиях.

Таким образом, современные проблемы защиты трудовых прав работников носят многогранный и системный характер. Они охватывают как традиционные, так и новые сферы трудовых отношений. Успешное противодействие им невозможно без консолидированных усилий государства, работодателей и самих работников. Совершенствование законодательной базы, усиление надзорной функции государства, повышение правовой культуры и активности граждан — вот ключевые направления для построения сбалансированной и эффективной системы, обеспечивающей достойный труд и реальную, а не декларативную, защиту прав каждого работника.

Особенности алиментных обязательств, осложненных иностранным элементом

Жаландаускайт Виктория Зигмантаса, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автором рассматриваются алиментные правоотношения и их особенности, связанные с иностранным элементом.

Ключевые слова: алименты, иностранный элемент, правоотношения, судебные решения.

В настоящее время существует многоаспектная проблема социального и правового характера, которая затрагивает сферу обеспечения нуждающихся лиц таких как: дети, нетрудоспособные супруги и иные лица. В большинстве государств мира предусмотрен специальный правовой механизм, который направлен на дальнейшее развитие, содержание ребенка и иных нуждающихся членов семьи, а именно — алименты.

Правовая природа алиментных отношений многообразна и многогранна, ведь данный институт затрагивает не только сферу семейного, но и гражданского права.

Переходя к рассмотрению понятия алиментных правоотношений важно понимать, что данная тема базируется не только на теоретическом определении, но и на совокупности прав и обязанностей, которые стали основой для формирования столь важного института. Отражение данной позиции мы можем увидеть в Конвенции о правах ребенка, а именно в преамбуле, где указано, что — «Организация Объединенных Наций во Всеобщей декларации прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и помощь. Для роста и благополучия всех членов семьи и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие» [2].

Также стоит отметить, что в Конвенции о правах ребенка, а именно в статье 27, указано, что «Государства — участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка» [2].

Несмотря на то, что Российской Федерации не является участником Гаагской конвенции о международном порядке взыскания алиментов, необходимо проанализировать существующие теоретические аспекты для выявления более точного определения. В данном международном акте нет точного определения алиментным правоотношениям, однако в статье 3 содержится широкий пласт определений, которые имеют тесную связь с рассматриваемой темой. Так, в пункте Е статьи 3 указано, что — «соглашение о содержании означает соглашение в письменной форме, касающееся выплаты содержания, которое было официально оформлено в качестве подлинного документа компетентным органов» [3].

Рассматриваемое определение затрагивает лишь юридические аспекты заключения специального соглашения относительно алиментных правоотношений, так в Конвенции упоминается, что такое соглашение должно быть

заключено только в письменной форме; в состав соглашения входят положения относительно выплаты содержания; необходимо его официально заверять. Переходя к Конвенции о взыскании за границей алиментов, стоит сказать, что данный акт также не содержит в себе легального определения алиментных правоотношений, однако Конвенция устанавливает средства защиты прав в данной сфере.

Исходя из вышеперечисленного анализа международных актов, можно сказать, что в ряде рассмотренных Конвенций присутствует правовое, экономическое, культурное обоснование введения алиментных правоотношений. Это подтверждается преамбулой Конвенции о правах ребенка. Помимо этого, установлены и правовые механизмы осуществления данного вида правоотношений, однако, в данных международных актах отсутствует прямое закрепление легального определения алиментных правоотношений.

Данное положение порождает важную проблему, ведь при отсутствии точного понятия — невозможно определить границы обсуждаемой темы, а также ее основные элементы, которые порождают алиментные правоотношения.

Переходя к национальному законодательству Российской Федерации стоит отметить следующие нормативно-правовые акты, которые так или иначе связаны с алиментными правоотношениями: Конституция Российской Федерации [1]; Семейный кодекс Российской Федерации [5]; Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» [6] и иные.

Конституция Российской Федерации закрепляет основные принципы, на основе которых и строится законодательство Российской Федерации, следовательно, Конституция Российской Федерации устанавливает основы алиментных правоотношений.

Так, обратившись к статье 38, можно увидеть, что Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность детей, которые достигли 18 летнего возраста, заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Более того в этой статье устанавливается принцип заботы о детях и их воспитании.

Переходя к Семейному кодексу Российской Федерации, интересна глава 13, где рассматриваются алиментные обязательства родителей и детей. Так, в пункте 2 статьи 80 указано, что — «В случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства

на содержание несовершеннолетних детей (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке» [5].

Переходя к рассмотрению Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» стоит сказать, что в данном акте также нет точного определения алиментным отношениям, однако в статье 6 установлены законные гарантии прав ребенка в Российской Федерации, которые коррелируют как с Конституцией Российской Федерации, так и с Семейным кодексом Российской Федерации, а, следовательно, имеют связь с алиментными правоотношениями.

Далее, обращаясь к анализу особенностей алиментных обязательств, которые осложнены иностранным элементом, в первую очередь, стоит сказать, что данные правоотношения часто связаны с исполнением судебных решений иностранных судов на территории Российской Федерации, что не всегда возможно осуществить ввиду препятствия со стороны закона.

Важность рассматриваемой тематики связана с тем, что реализация судебных решений иностранных государств на территории России возможно в случае, когда существует специализированный договор о правовой помощи между другим государством.

Например, в настоящее время между Российской Федерацией и Республикой Беларусь заключен двусторонний договор о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов. Данный договор формирует и определяет порядок взаимодействия между государствами относительно вопросов взыскания алиментов, которые возникают в соответствии с судебными решениями, которые вынесены каждой из сторон. Как указано в статье 2 данного двустороннего договора — «Судебные постановления по делам о взыскании алиментов, вынесенные на территории одной Стороны, не нуждаются в специальной процедуре признания и исполняются на территории другой Стороны в том же порядке, что и судебные постановления, вынесенные на территории другой Стороны, на основании исполнительных документов компетентных судов Стороны, на территории которой были вынесены судебные постановления» [4].

Важно отметить, что правоотношения в сфере алиментных обязательств постоянно совершенствуются. Так, в 2023 году, между Российской Федерацией и Республикой Беларусь был подписан специальный протокол, который был ратифицирован Федеральным законом № 230-ФЗ от 08.08.2024 года [7].

Данный протокол устанавливает положения, которые направлены на повышение уровня эффективности взыскания алиментов как на территории России, так и на территории Белоруссии. Одним из примеров механизмов взыскания алиментов, в соответствии с данным протоколом, выступает следующее — «в случае отсутствия у взыскателя сведений о месте жительства, нахождения или пребывания должника исполнительный документ может быть направлен для исполнения по известному ад-

ресу местонахождения организации или иного лица, выплачивающего должнику доход» [7].

Несмотря на наличие двусторонних договоров, на международной арене также существуют иные нормативно-правовые акты, которые в той или иной степени направлены на регулирование алиментных отношений, примером может выступать Гаагская конвенция о международном взыскании алиментов на ребенка и других форм содержания семьи от 2007 года.

Создание данной конвенции связано с попыткой решения проблемы унификации законодательства множества стран относительно взыскания алиментов. Такое внимание, уделяемое данному вопросу связано с тем, что зачастую, алименты являются единственным или основным доходом нуждающихся лиц. Одним из основных механизмов данной Конвенции выступает следующее — «в случае поступления просьбы обеспечить выплату алиментов государства должны будут применять тот же набор принудительных мер, какие бы применялись в случаях выплаты алиментов в пределах этих государств». В сущности, данная конвенция также направлена на формирование эффективной системы взыскания алиментов через судебную систему различных государств.

Такой анализ нормативно-правового регулирования алиментных отношений с участием иностранного элемента позволяет выделить несколько особенностей, которые присущи данным правоотношениям, а именно:

1. Наличие коллизионной проблемы выбора права. Если в алиментных правоотношениях возникает иностранный элемент, то возникает вопрос о применимом праве. За частую право выбирается по месту жительства детей, родителей или же супругов. Однако если данные субъекты проживают в различных государствах, то применяется закон страны, гражданином которой является получатель алиментов.

2. Вопрос использования конвенций международного характера. Для унификации и более эффективного регулирования алиментных правоотношений на международной арене применяются специальные конвенции, которые не только определяют права и обязанности сторон, но также устанавливают специальные механизмы по взысканию алиментов.

3. Наличие возможности заключения соглашения об уплате алиментов. Обратившись к статье 118 Семейного кодекса Российской Федерации, можно увидеть, что «лицо, выезжающее на постоянное жительство в иностранное государство, может заключить соглашение об уплате алиментов с членами семьи, которым оно по закону обязано предоставлять содержание».

4. Наличие прямых санкций для неплательщиков алиментов. Так, для лиц, которые уклоняются от уплаты алиментов существуют санкции административно-правового характера. Например, за просрочку или же несвоевременную выплату алиментов, на субъект алиментных отношений будут наложены санкции, что в последствии может привести к уголовной ответственности.

Таким образом, можно сказать, что основные особенности алиментных правоотношений, которые осложнены иностранным элементом, связаны с:

1) коллизионными проблемами выбора права, что также осложняет современными политическими и право-выми реалиями;

2) использованием международных конвенций, их ратификацией;

3) возможность составления специального соглашения, которое направлено на возможность уплаты алиментов лица, которое выезжает за пределы Российской Федерации.

Литература:

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993–25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.19.2025.
- Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.
- Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других формах содержания семьи (Заключена в г. Гааге 23.11.2007) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).
- Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов (Вместе с Запросом о правовой помощи) (Заключено в г. Москве 03.03.2015) (ред. от 13.12.2023) // Бюллетень международных договоров. — 2016. — № 5. — С. 74–78.
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2025).
- Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3802 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.09.2025).
- О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных постановлений по делам о взыскании алиментов от 3 марта 2015 г.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 230-ФЗ // Российская газета. — 2024. — № 181. — 15 августа.

Основы валютного контроля в Российской Федерации (по материалам УФНС России по г. Москве)

Железнов Егор Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретико-правовые основы и практические аспекты валютного контроля в Российской Федерации на основе анализа деятельности Управления Федеральной налоговой службы (УФНС) России по г. Москве. На основе анализа статистических данных и практики УФНС по г. Москве выявлены ключевые проблемы в системе валютного контроля: избыточная бюрократизация, неоднородность подходов к квалификации нарушений, технические сложности при представлении документов.

Ключевые слова: валютный контроль, валютное регулирование, УФНС, налоговые органы, валютные операции, валютный резидент, закон № 173-ФЗ, международные расчёты, контрольные функции, цифровизация.

Fundamentals of currency control in the Russian Federation (based on the materials of the Federal Tax Service of Russia in Moscow)

Zheleznov Yegor Dmitriyevich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the theoretical and legal foundations and practical aspects of currency control in the Russian Federation based on an analysis of the activities of the Moscow Department of the Federal Tax Service (MDFTS) of Russia. Based on an analysis of

statistical data and the practice of the MDFTS of Russia in Moscow, key problems in the currency control system have been identified: excessive bureaucracy, heterogeneous approaches to the classification of violations, and technical difficulties in submitting documents.

Keywords: currency control, currency regulation, Federal Tax Service, tax authorities, currency transactions, currency resident, Law No. 173-FZ, international settlements, control functions, digitalization.

В условиях глобализации экономики и роста объёмов международных расчётов валютный контроль приобретает всё большее значение как инструмент обеспечения финансовой устойчивости государства, предотвращения оттока капитала и противодействия незаконным финансовым операциям. В Российской Федерации валютный контроль является частью единой системы финансового контроля и осуществляется на основе Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», а также подзаконных актов Центрального банка РФ и ФНС России.

Особую роль в реализации валютного контроля играют налоговые органы, которые с 2018 года, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1186, стали основными субъектами контроля за валютными операциями резидентов. Передача функций от таможенных и банковских структур к ФНС была призвана повысить эффективность контроля, снизить административную нагрузку на бизнес и обеспечить централизованное сопровождение внешнеэкономической деятельности.

Валютный контроль в Российской Федерации представляет собой совокупность мер, осуществляемых уполномоченными органами по надзору за соблюдением законодательства в сфере валютных операций.

Согласно ст. 1 Закона № 173-ФЗ, валютный контроль — это «деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением резидентами и нерезидентами валютного законодательства при осуществлении валютных операций».

Важно различать «валютное регулирование» и «валютный контроль»:

- валютное регулирование — это установление правил и ограничений (например, запрет на вывоз валюты, требования к депатриации выручки);
- валютный контроль — это проверка факта соблюдения этих правил.

С 2018 года основной функционал по контролю за валютными операциями резидентов был передан ФНС, что позволило интегрировать валютный контроль в общую систему налогового администрирования и использовать единые информационные платформы.

Согласно Закону № 173-ФЗ, ключевыми участниками валютных операций являются:

- резиденты — юридические лица, созданные по законодательству РФ, и физические лица — граждане РФ, постоянно проживающие в стране;
- нерезиденты — иностранные юридические и физические лица.

УФНС России по г. Москве является одним из крупнейших налоговых управлений в стране. По данным за

2024 год, на долю Москвы приходится около 42 % всех валютных операций резидентов, что обусловлено концентрацией головных офисов крупных компаний, финансовых институтов и торговых организаций.

В 2024 году УФНС по г. Москве:

- обработало более 1,2 млн деклараций по форме 01;
- провело свыше 4 500 камеральных проверок по валютным операциям;
- выявило 987 нарушений, связанных с несвоевременной депатриацией, несоответствием документов, отсутствием подтверждений.

Наиболее частые нарушения:

- пропуск срока депатриации выручки (62 %);
- несоответствие данных в декларации и контрактах (23 %);
- отсутствие подтверждающих документов (15 %).

Контроль за валютными операциями в УФНС Москвы осуществляется через:

- автоматизированную систему контроля;
- электронный документооборот;
- анализ рисков — на основе алгоритмов ФНС.

Особое внимание уделяется компаниям с признаками агрессивного налогового планирования, «однодневкам» и фирмам с высокими объёмами импорта/экспорта при низкой рентабельности.

УФНС тесно взаимодействует с уполномоченными банками, которые выступают агентами валютного контроля. Банки обязаны:

- проверять документы клиентов;
- передавать в ФНС сведения о валютных операциях;
- блокировать подозрительные транзакции.

По данным УФНС Москвы, в 2024 году банки направили свыше 120 тыс. уведомлений о подозрительных операциях, из которых 45 % легли в основу выездных проверок.

Несмотря на высокий уровень автоматизации, практика УФНС по г. Москве выявила ряд системных проблем:

- избыточная бюрократизация;
- неоднородность подходов к квалификации нарушений;
- технические сбои в электронном документообороте;
- отсутствие чётких критериев «добропроводности»;
- сложности при работе с новыми форматами экономики.

Валютный контроль в Российской Федерации прошёл значительный путь трансформации, смесявшись от жёсткого администрирования к более гибкой, технологичной модели, основанной на цифровизации и анализе рисков. Передача функций контроля ФНС, включая УФНС по г. Москве, позволила повысить эффективность мони-

торинга и снизить издержки для бизнеса. Однако остаются серьёзные вызовы, связанные с бюрократизацией, неоднородностью правоприменения и отставанием законодательства от темпов развития цифровой экономики.

Перспективы развития валютного контроля лежат в плоскости цифровой трансформации, снижения ад-

министративных барьеров и усиления защиты добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Только сбалансированный подход, сочетающий контроль и содействие, позволит обеспечить устойчивость национальной валютной системы в условиях глобальных экономических изменений.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4838.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2023) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4990.
3. Постановление Правительства РФ от 15.10.2018 № 1186 «О передаче полномочий по осуществлению валютного контроля» // СЗ РФ. — 2018. — № 42. — Ст. 6256.
4. Приказ ФНС России от 29.10.2021 № ЕД-7-13/766@ «Об утверждении формы декларации по валютным операциям».
5. Обзор практики рассмотрения споров по валютному контролю. УФНС по г. Москве. — 2024.
6. Статистический отчёт по валютным операциям резидентов. ФНС России. — 2023.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Т. 3. — М.: Статут, 2021.
8. Петров А. В. Валютный контроль в условиях цифровой экономики // Налоговая политика и практика. — 2023. — № 4. — С. 34–41.
9. Иванова Е. С. Проблемы реализации валютного контроля в РФ // Финансовое право. — 2022. — № 7. — С. 12–19.
10. Официальный сайт ФНС России. — URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2025).
11. Официальный сайт Центрального банка РФ. — URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

Валютный контроль: теоретико-правовые и практические аспекты (по материалам УФНС России по г. Москве)

Железнов Егор Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретико-правовые основы и практические аспекты валютного контроля в Российской Федерации на основе анализа деятельности Управления Федеральной налоговой службы (УФНС) России по г. Москве. На основе анализа статистических данных и практики УФНС по г. Москве выявлены ключевые проблемы в системе валютного контроля: избыточная бюрократизация, неоднородность подходов к квалификации нарушений, технические сложности при представлении документов.

Ключевые слова: валютный контроль, валютное регулирование, УФНС, налоговые органы, валютные операции, валютный резидент, закон № 173-ФЗ, международные расчёты, контрольные функции, цифровизация.

Currency Control: Theoretical, Legal and Practical Aspects (based on the materials of the Federal Tax Service of Russia for Moscow)

Zheleznov Yegor Dmitriyevich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the theoretical and legal foundations and practical aspects of currency control in the Russian Federation based on an analysis of the activities of the Moscow Department of the Federal Tax Service (MDFTS) of Russia. Based on an analysis of statistical data and the practice of the MDFTS of Russia in Moscow, key problems in the currency control system have been identified: excessive bureaucracy, heterogeneous approaches to the classification of violations, and technical difficulties in submitting documents.

Keywords: currency control, currency regulation, Federal Tax Service, tax authorities, currency transactions, currency resident, Law No. 173-FZ, international settlements, control functions, digitalization.

В условиях глобализации экономики и роста объёмов международных расчётов валютный контроль приобретает всё большее значение как инструмент обеспечения финансовой устойчивости государства, предотвращения оттока капитала и противодействия незаконным финансовым операциям. В Российской Федерации валютный контроль является частью единой системы финансового контроля и осуществляется на основе Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», а также подзаконных актов Центрального банка РФ и ФНС России.

Особую роль в реализации валютного контроля играют налоговые органы, которые с 2018 года, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1186, стали основными субъектами контроля за валютными операциями резидентов. Передача функций от таможенных и банковских структур к ФНС была призвана повысить эффективность контроля, снизить административную нагрузку на бизнес и обеспечить централизованное сопровождение внешнеэкономической деятельности.

Валютный контроль в Российской Федерации представляет собой совокупность мер, осуществляемых уполномоченными органами по надзору за соблюдением законодательства в сфере валютных операций.

Согласно ст. 1 Закона № 173-ФЗ, валютный контроль — это «деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением резидентами и нерезидентами валютного законодательства при осуществлении валютных операций».

Важно различать «валютное регулирование» и «валютный контроль»:

- валютное регулирование — это установление правил и ограничений (например, запрет на вывоз валюты, требования к репатриации выручки);

- валютный контроль — это проверка факта соблюдения этих правил.

С 2018 года основной функционал по контролю за валютными операциями резидентов был передан ФНС, что позволило интегрировать валютный контроль в общую систему налогового администрирования и использовать единые информационные платформы.

Согласно Закону № 173-ФЗ, ключевыми участниками валютных операций являются:

- резиденты — юридические лица, созданные по законодательству РФ, и физические лица — граждане РФ, постоянно проживающие в стране;

- нерезиденты — иностранные юридические и физические лица.

УФНС России по г. Москве является одним из крупнейших налоговых управлений в стране. По данным за 2024 год, на долю Москвы приходится около 42 % всех валютных операций резидентов, что обусловлено концен-

трацией головных офисов крупных компаний, финансовых институтов и торговых организаций.

В 2024 году УФНС по г. Москве:

- обработало более 1,2 млн деклараций по форме 01;
- провело свыше 4 500 камеральных проверок по валютным операциям;
- выявило 987 нарушений, связанных с несвоевременной репатриацией, несоответствием документов, отсутствием подтверждений.

Наиболее частые нарушения:

- пропуск срока репатриации выручки (62 %);
- несоответствие данных в декларации и контрактах (23 %);
- отсутствие подтверждающих документов (15 %).

Контроль за валютными операциями в УФНС Москвы осуществляется через:

- автоматизированную систему контроля;
- электронный документооборот;
- анализ рисков — на основе алгоритмов ФНС.

Особое внимание уделяется компаниям с признаками агрессивного налогового планирования, «однодневкам» и фирмам с высокими объёмами импорта/экспорта при низкой рентабельности.

УФНС тесно взаимодействует с уполномоченными банками, которые выступают агентами валютного контроля. Банки обязаны:

- проверять документы клиентов;
- передавать в ФНС сведения о валютных операциях;
- блокировать подозрительные транзакции.

По данным УФНС Москвы, в 2024 году банки направили свыше 120 тыс. уведомлений о подозрительных операциях, из которых 45 % легли в основу выездных проверок.

Несмотря на высокий уровень автоматизации, практика УФНС по г. Москве выявила ряд системных проблем:

- избыточная бюрократизация;
- неоднородность подходов к квалификации нарушений;
- технические сбои в электронном документообороте;
- отсутствие чётких критериев «доброповестности»;
- сложности при работе с новыми форматами экономики.

Валютный контроль в Российской Федерации прошёл значительный путь трансформации, сменившись от жёсткого администрирования к более гибкой, технологичной модели, основанной на цифровизации и анализе рисков. Передача функций контроля ФНС, включая УФНС по г. Москве, позволила повысить эффективность мониторинга и снизить издержки для бизнеса. Однако остаются серьёзные вызовы, связанные с бюрократизацией, неоднородностью правоприменения и отставанием законодательства от темпов развития цифровой экономики.

Перспективы развития валютного контроля лежат в плоскости цифровой трансформации, снижения административных барьеров и усиления защиты добросовестных участников внешнеэкономической деятельности.

Только сбалансированный подход, сочетающий контроль и содействие, позволит обеспечить устойчивость национальной валютной системы в условиях глобальных экономических изменений.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4838.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2023) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4990.
3. Постановление Правительства РФ от 15.10.2018 № 1186 «О передаче полномочий по осуществлению валютного контроля» // СЗ РФ. — 2018. — № 42. — Ст. 6256.
4. Приказ ФНС России от 29.10.2021 № ЕД-7-13/766@ «Об утверждении формы декларации по валютным операциям».
5. Обзор практики рассмотрения споров по валютному контролю. УФНС по г. Москве. — 2024.
6. Статистический отчёт по валютным операциям резидентов. ФНС России. — 2023.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Т. 3. — М.: Статут, 2021.
8. Петров А. В. Валютный контроль в условиях цифровой экономики // Налоговая политика и практика. — 2023. — № 4. — С. 34–41.
9. Иванова Е. С. Проблемы реализации валютного контроля в РФ // Финансовое право. — 2022. — № 7. — С. 12–19.
10. Официальный сайт ФНС России. — URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2025).
11. Официальный сайт Центрального банка РФ. — URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

Понятие и классификация экспертных ошибок

Жукова Валерия Олеговна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается сущность экспертных ошибок, возникающих в процессе проведения судебных и иных видов экспертиз. Даётся определение понятия «экспертная ошибка», выделяются ее характерные признаки и причины возникновения. Особое внимание уделено классификации ошибок по различным критериям: по субъекту совершения, по характеру влияния на результаты исследования, по степени значимости для итогового заключения. Анализ экспертных ошибок позволяет повысить качество и достоверность экспертных заключений, а также способствует совершенствованию практики экспертной деятельности.

Ключевые слова: экспертная ошибка, классификация ошибок, судебная экспертиза, достоверность заключения, экспертная деятельность.

Concept and classification of expert errors

The article examines the concept of expert errors arising in the process of forensic and other types of examinations. The definition of "expert error" is provided, along with its main features and causes. Particular attention is given to the classification of errors according to different criteria: by the subject of commission, by the nature of their impact on research results, and by the degree of significance for the final conclusion. The analysis of expert errors makes it possible to improve the quality and reliability of expert opinions and contributes to the development of expert practice.

Keywords: expert error, error classification, forensic examination, reliability of conclusion, expert activity.

Ошибкачные действия, возникающие во время анализа и интерпретации экспертных данных, называют **экспертными ошибками**. Это суждения эксперта или его действия, которые не соответствуют объективной действительности и не приводят к цели экспертного ис-

следования. Такие ошибки могут привести к неверному решению, не обеспечивающему полноту, объективность и всесторонность проведённого исследования.

Экспертные ошибки принято делять на три основных класса, каждый из которых имеет собственные особен-

ности проявления и последствия для итогового заключения. Первый класс составляют ошибки, связанные с недостаточной компетентностью эксперта. Они могут проявляться в неверном применении методик, использовании устаревших научных подходов, а также в неправильной интерпретации полученных результатов. Такие ошибки обусловлены уровнем профессиональной подготовки эксперта, его опытом, умением правильно анализировать данные и формулировать выводы [1].

Второй класс образуют ошибки технического характера, возникающие в процессе проведения исследований и фиксации их результатов. К ним относятся нарушения правил отбора и хранения объектов исследования, применение неисправного или неподходящего оборудования, а также допущенные неточности при обработке измерений и расчетов. Данный вид ошибок связан в большей степени с организационными и материальными условиями проведения экспертизы, а также с соблюдением требований к точности и надежности инструментальных методов.

Третий класс составляют процессуальные ошибки, которые связаны с нарушением установленных законом правил назначения и проведения экспертиз. Они могут выражаться в превышении экспертом своих полномочий, выходе за пределы поставленных вопросов, использовании материалов, не имеющих отношения к делу, либо в несоблюдении порядка оформления заключения. Процессуальные ошибки особенно значимы, поскольку они затрагивают юридическую силу экспертного заключения и способны повлечь за собой признание его недопустимым доказательством в суде.

По источнику происхождения их подразделяют на три основных типа: систематические, случайные и грубые (промахи) [2].

Систематические погрешности — это экспертные ошибки, величина и знак которых равны во всех измерениях, осуществлявшихся одними методами с помощью одних и тех же измерительных приборов [3].

Случайную погрешность (ошибку) невозможно предвидеть и устраниить, так как она возникает из-за причин, учесть которые нельзя ни в конструкции технического средства, ни в методике измерения. Для устранения подобных погрешностей измерения повторяют несколько раз и вычисляют среднее значение массы. В общем случае величину случайной погрешности оценивают, используя математический аппарат теории вероятностей, т. е. статистическую обработку [2].

Субъективная погрешность (ошибка) возникает тогда, когда эксперт активно включен в процесс измерения и погрешность зависит от его органов чувств, реакции, наблюдательности, состояния здоровья. Источником их являются такие действия работающего, которые сильно искажают результаты измерений, например, ошибка, сделанная вследствие неверной записи показаний прибора, неправильно прочитанного отсчета и т. п.

Промахами называют грубые ошибки измерения, возникающие из-за: неправильной установки прибора; экс-

плуатации его в непредусмотренных, более жестких условиях (например, при повышенной температуре или влажности); того, что неправильно определена цена деления или сбит нуль технического средства измерения.

Причины возникновения экспертных ошибок традиционно подразделяются на объективные и субъективные, и каждая из этих групп имеет свои особенности. Объективные причины связаны с внешними факторами, которые не зависят от воли и уровня подготовки эксперта. К ним относится недостаточность или низкое качество предоставленных материалов для исследования, когда объекты экспертизы оказываются поврежденными, неполными или искаженными. Сюда же можно отнести несовершенство применяемых методик, ограниченность технических средств и оборудования, которые не позволяют получить максимально точные результаты. Нередко объективные причины коренятся в условиях, в которых проводится экспертиза: недостаток времени, неблагоприятная организационная среда, высокая загруженность специалиста, отсутствие доступа к современным научным источникам и методическим рекомендациям. Все эти обстоятельства создают предпосылки для возникновения ошибок даже при добросовестном и профессиональном подходе эксперта [2].

Субъективные причины, напротив, напрямую связаны с личностью и профессиональными качествами самого эксперта. Они проявляются в недостаточной квалификации, отсутствии опыта, слабом владении методиками или в неумении критически оценивать полученные данные. Сюда же относится небрежность, невнимательность, спешность при выполнении исследований и оформлении заключения. Иногда субъективные причины могут носить более сложный характер, например, быть связаны с предвзятостью эксперта, его психологическим состоянием, влиянием внешнего давления или заинтересованностью в исходе дела. Такие факторы способны искажать объективность восприятия, приводить к ошибочным выводам и снижать научную обоснованность заключения.

Разделение причин экспертных ошибок на объективные и субъективные позволяет глубже понять механизмы их возникновения и выработать эффективные меры профилактики. Если объективные факторы требуют совершенствования организационных, технических и методических условий проведения экспертиз, то субъективные причины можно минимизировать посредством повышения уровня профессиональной подготовки экспертов, внедрения системы контроля качества и укрепления этических стандартов экспертной деятельности [3].

Для минимизации экспертных ошибок рекомендуется применять комплексный подход, включающий как совершенствование организационных условий проведения экспертиз, так и повышение уровня профессиональной подготовки специалистов. В первую очередь важно обеспечить эксперта современными и надежными методиками, которые прошли апробацию и имеют научное обос-

нование. Использование устаревших либо недостаточно проверенных способов исследования повышает риск получения искаженных результатов, поэтому регулярное обновление методической базы является необходимым условием повышения качества экспертных заключений.

Не менее значимым направлением профилактики ошибок является оснащение экспертных подразделений современным оборудованием, позволяющим проводить исследования с высокой степенью точности и достоверности. Техническое обеспечение должно сопровождаться строгим контролем за его исправностью, а также систематическим обучением экспертов работе с новыми приборами и программным обеспечением.

Особую роль играет повышение квалификации и профессионального уровня экспертов. Регулярное участие в образовательных программах, семинарах и тренингах способствует развитию у специалистов навыков применения новейших методик и критического анализа по-

лученных данных. Помимо профессиональных знаний, требуется уделять внимание формированию культуры внимательности, ответственности и объективности, поскольку личные качества эксперта напрямую влияют на достоверность заключения.

Наконец, значительную роль играет развитие этических стандартов экспертной деятельности. Независимость эксперта, его беспристрастность и устойчивость к внешнему воздействию обеспечивают объективность и научную добросовестность заключения. В совокупности все перечисленные меры позволяют значительно снизить вероятность возникновения экспертных ошибок и укрепить доверие к институту экспертизы в целом.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно дать собственное определение этого понятия. Экспертная ошибка — непреднамеренное ошибочное суждение (мнение) эксперта при установлении фактических данных в процессе экспертного исследования и дачи заключения.

Литература:

1. Абубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис.... доктора юрид. наук: 12.00.09: Челябинск, 2010. — 512 с.
2. Харченко Д. А. Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. — 22 с.
3. Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. № 2 — Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та МВД России, 2005. — 87 с.

Основополагающие положения и некоторые проблемы взаимодействия следователей и экспертов в уголовном процессе на досудебной стадии

Иванова Евгения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ефремов Дмитрий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует основные аспекты организации сотрудничества следователей и экспертов, включая правовые основы, роль экспертизы в расследовании преступлений, влияние экспертов на следственные действия и результаты расследования, а также проблема взаимодействия сторон в части постановки вопросов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, следователь, эксперт, судебная экспертиза, назначение экспертизы, формулирование вопросов эксперту.

Уголовное судопроизводство представляет собой сложный процесс, включающий различные стадии расследования, среди которых особое значение имеет взаимодействие следователя и эксперта. Эффективность такого взаимодействия во многом определяет качество доказательств, собираемых в ходе следствия, и конечный исход уголовного дела.

Основополагающим нормативно-правовым актом, определяющим порядок взаимодействия следователя и эксперта, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), который за-

крепляет порядок назначения судебной экспертизы, права и обязанности эксперта, толкование понятия эксперта, его ответственность и др. Согласно УПК РФ (ч.1 статьи 195), именно следователь наделён полномочиями инициировать назначение экспертизы, выбирать соответствующее экспертное учреждение или частного эксперта, формулировать вопросы, подлежащие разрешению в результате экспертизы, и контролировать ход и сроки её проведения [1].

Существуют и специальные законы, регулирующие деятельность эксперта, в частности, ФЗ от 31.05.2001

№ 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», устанавливающий правовые основы, задачи, принципы и другие аспекты в отношении государственной судебно-экспертной деятельности [2].

Не менее важным нормативным правовым актом в области экспертизы является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», которое разъясняет судам вопросы, возникающие при применении норм УПК РФ, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам. Как и любое другое Постановление Пленума Верховного Суда РФ, оно направлено на обеспечение единства практики судов в вопросах, касающихся назначения и проведения судебных экспертиз, а также повышения качества правосудия путем точного определения правил поведения всех участников судебного процесса [3].

Экспертиза имеет важное значение для установления фактических данных, необходимых для правильного разрешения дела. Проводя исследование, эксперт использует специальные знания, дает ответы на поставленные вопросы и способен предоставить объективные доказательства. Тем не менее, объективность и доброкачественность доказательств будет зависеть не только от самого эксперта, но и от того, насколько качественно следователь подготовил материалы, а именно:

- отобрал ли он только те сведения, которые будут входить в предмет экспертизы, так как согласно УПК РФ (ч. 3 статьи 57) эксперт вправе знакомиться только с теми материалами уголовного дела, которые непременно связаны с предметом судебной экспертизы. Именно такой подход обеспечивает целенаправленность работы эксперта и гарантирует сохранность сведений, которые носят закрытый характер и могут быть разглашены только в случае, если это потребует российское и международное законодательство.

- насколько правильно сформулировал вопросы перед экспертом, не допуская двоякого толкования, не ставить вопросы правового характера, так как сведущее лицо — это не юрист.

- как следователь оформил документы, насколько законно было вынесение постановления о назначении экспертизы, верно ли указал вид экспертизы, может он указал не все вопросы. Все это может привести к неполучению желаемого результата и признание доказательств недопустимыми.

Процессуальной особенностью взаимодействия следователей и экспертов в уголовном процессе заключается в том, что следователь играет руководящую роль. Именно следователь решает, необходима судебная экспертиза для расследования преступления или нет. Именно он выносит постановление или возбуждает перед судом ходатайство о назначении судебной экспертизы (статья 195 УПК РФ).

Однако, эксперты играют ключевую роль при проведении многих следственных действий и формировании

результатов расследования уголовных дел. Их влияние обусловлено специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, которыми обладают эксперты и которые позволяют извлекать доказательства и устанавливать важные факты.

Е. Р. Россинская выделяет, что судебная экспертиза — форма использования специальных знаний в процессе доказывания. Эксперт решает задачи, которые невозможно разрешить без использования специальных знаний, на-выков и умений [4, с. 464].

Эксперты оказывают значительное влияние на ход и результаты следствия благодаря своим знаниям, опыту и квалификации. Их деятельность направлена на представление объективных и научно обоснованных выводов относительно обстоятельств преступления, материалов дела и доказательственной базы.

Одним из наиболее важных аспектов участия экспертов является формирование доказательственной базы. Заключения экспертов рассматриваются как самостоятельный вид доказательств, предусмотренный уголовно-процессуальным законом (ст. 74 УПК РФ). Эксперты помогают установить наличие или отсутствие признаков состава преступления, выявить следы преступления, определить личность подозреваемого или потерпевшего, оценить состояние здоровья участников события и многое другое.

Например, судебно-медицинская экспертиза позволяет установить причину смерти, характер повреждений тела, механизм образования ран и травм, что становится решающим фактором при расследовании убийств и телесных повреждений.

Еще одна важная сторона воздействия экспертов заключается в определении предмета доказывания. Вопросы, поставленные перед экспертом, зачастую определяют круг фактов, подлежащих установлению. Таким образом, выводы экспертов могут направлять ход расследования, позволяя сосредоточить внимание на ключевых моментах и избежать ошибок.

Например, результаты баллистической экспертизы могут подтвердить или опровергнуть версию причастности определенного оружия к совершенному преступлению. Если выводы подтверждают первоначальную гипотезу, следствие продолжает двигаться в заданном направлении. Если же версия отвергается, возникают основания для расширения круга подозреваемых лиц или изменения направления расследования.

Кроме того, выводы экспертов имеют важное значение для оценки собранных доказательств и формирования обвинительного акта или постановления о прекращении уголовного преследования, так как суд учитывает мнение экспертов.

Тем не менее, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», при оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные дока-

зательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами [3].

Несмотря на очевидную важность роли экспертов в уголовном процессе, существует ряд проблем, влияющих на эффективность их взаимодействия с органами следствия. Основной проблемой является неправильная формулировка вопросов эксперту. УПК РФ описывая порядок назначения судебной экспертизы, предусматривает обязанность следователя обозначить перечень вопросов, подлежащих разрешению экспертом (статья 195 УПК РФ).

Постановка вопросов играет ключевую роль в процессе назначения судебной экспертизы, поскольку именно от точности и ясности заданных вопросов зависит содержание и значимость итогового заключения. А. И. Винберг подчеркивал необходимость четкости и ясности вопросов, ставящихся перед экспертом, предупреждая возможные расхождения интерпретаций [5].

Одна из наиболее распространённых ошибок заключается в постановке слишком широких и неопределенных вопросов, которые требуют от эксперта обобщённого анализа ситуации, что существенно усложняет выявление необходимой конкретной информации.

Ю. К. Якимович посвятил ряд публикаций вопросам взаимодействия следователей и экспертов, указывая на важность правильного подхода к постановке вопросов, влияющих на правильность вывода и полноту экспертного заключения [6]. Он обращает особое внимание на необходимость строгого соблюдения требований процессуального закона при назначении экспертиз, обеспечении достаточной детализации поставленного вопроса и недопущении неясности или двусмысленности.

Нередко возникают случаи, когда следователь ставит вопросы вне правовой плоскости, отвлекаясь на факты, не имеющие непосредственного значения для уголовно-правовых последствий. При назначении судебно-технической экспертизы документов следователя интересует лишь способ изготовления документа («Какие инструменты использовались для печати?»). Такой вопрос не позволяет установить юридически значимый факт подделки документа.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. 30.12.2010. № 296.
4. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галышова. — М., 2010—464 с.
5. Винберг А. И. Теория криминалистики и практика // Вопросы теории криминалистики. Москва, 1983 г.
6. Якимович Ю. К. О роли судебного эксперта в уголовном деле // Следователь. 2000. № 5.

Важно ставить вопросы таким образом, чтобы ответ позволял подтвердить или опровергнуть признаки фальсификации или иного противоправного деяния («Установите вносились ли какие-либо изменения в содержание документа? Если да, то каким способом?»).

Следователи нередко задают некорректные или недостаточно конкретные вопросы, что затрудняет получение четкого заключения, потому что неясные или двусмысленно сформулированные вопросы приводят к неполному раскрытию всех аспектов ситуации, важных для следствия. Например, вопросы, на которые нельзя ответить, потому что они являются не конкретными. Такие вопросы, как «Подпись от имени Иванова выполнена самим Ивановым или Петровым? А если ни тот, ни другой, то кем же тогда?». Безобидная фраза «то кем же тогда?» обязывает эксперта оставить часть вопроса без ответа, так как отсутствует конкретная фамилия проверяемого лица.

На практике нередко встречаются вопросы оперативно-розыскного характера. При постановке вопроса «поступала ли раньше на исследование поддельная банкнота с аналогичным серийным номером?» и т. п. Эксперт и в этом случае откажется от предоставления ответа, так как предмет судебной экспертизы являются фактические данные, выявляемые в ходе предварительного расследования или судебном разбирательстве уголовного дела.

Четкая постановка вопросов перед экспертом имеет большое значение в проведении исследования, важно, чтобы все вопросы были понятными, нельзя отвечать на них неоднозначно или расплывчато. Это будет способствовать признанию доказательств допустимыми, а также законному, обоснованному и справедливому вынесению приговоров судом.

В заключении необходимо подчеркнуть, что будущее развитие механизмов сотрудничества следователей и экспертов должно основываться на принципах профессионализма, согласованности действий участников процесса, а также четкого разграничения и уважения компетенций сторон. Это, в свою очередь, повысит эффективность расследования преступлений и укрепить гарантии справедливого направления правосудия.

Незаконная налоговая оптимизация в предпринимательской деятельности: квалификация налоговых правонарушений и юридическая ответственность

Иващенко Даниил Сергеевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются актуальные проблемы разграничения законной налоговой оптимизации и незаконного уклонения от уплаты налогов в сфере предпринимательской деятельности. Анализируется состав налоговых правонарушений, совершаемых в процессе ведения бизнеса, рассматриваются особенности применения налоговых санкций и основания привлечения к административной и уголовной ответственности. Особое внимание уделяется проблеме дробления бизнеса как наиболее распространенной схеме незаконной налоговой оптимизации.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, предпринимательская деятельность, дробление бизнеса, налоговая оптимизация, уклонение от уплаты налогов, налоговые санкции, необоснованная налоговая выгода, юридическая ответственность.

Налоговые правонарушения в сфере предпринимательской деятельности представляют собой одну из наиболее острых проблем современного налогового администрирования в Российской Федерации. Согласно статье 106 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое Кодексом установлена ответственность [1]. Масштабы проблемы подтверждаются статистическими данными: за первые три месяца 2024 года налоговые поступления в государственный бюджет выросли на 35 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, что свидетельствует как об усилении налогового бремени для бизнеса, так и о повышении эффективности работы налоговых органов по выявлению правонарушений [2, с. 94].

Теоретико-правовая характеристика налоговых правонарушений в предпринимательской деятельности требует прежде всего четкого определения их состава. В доктрине налогового права общепризнанно, что состав налогового правонарушения включает четыре обязательных элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону [3, с. 135]. Объектом налогового правонарушения выступают общественные отношения в сфере налогообложения, охраняемые нормами налогового законодательства. Объективная сторона представляет собой совокупность признаков, характеризующих внешнее проявление правонарушения: противоправное деяние, общественно вредные последствия и причинно-следственная связь между ними. Субъектом налогового правонарушения могут быть организации и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, достигшие шестнадцатилетнего возраста [1]. Субъективная сторона характеризуется виной правонарушителя, которая может выражаться в форме умысла или неосторожности.

Особенностью налоговых правонарушений, совершаемых в сфере бизнеса, является их тесная связь с понятием налоговой оптимизации. Налоговая оптимизация представляет собой комплекс законных методов и ме-

роприятий, направленных на минимизацию налоговых обязательств налогоплательщика [2, с. 95]. Однако грань между законной налоговой оптимизацией и незаконным уклонением от уплаты налогов зачастую оказывается весьма тонкой, что становится причиной многочисленных споров между налоговыми органами и налогоплательщиками. Представляется, что критерием разграничения законной и незаконной налоговой оптимизации должна выступать деловая цель совершаемых налогоплательщиком операций: если единственной или основной целью совершения сделок является получение необоснованной налоговой выгода, такие действия подлежат квалификации как налоговое правонарушение.

Виды налоговых правонарушений, наиболее распространенных в предпринимательской практике, систематизированы в главе 16 НК РФ [4]. К числу типичных правонарушений относятся: нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе (статья 116 НК РФ); непредставление налоговой декларации (статья 119 НК РФ); грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения (статья 120 НК РФ); неуплата или неполная уплата сумм налога (статья 122 НК РФ); невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и перечислению налогов (статья 123 НК РФ); непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (статья 126 НК РФ). Каждое из указанных правонарушений характеризуется специфическими признаками состава и влечет применение соответствующих санкций.

Неуплата или неполная уплата сумм налога, предусмотренная статьей 122 НК РФ, является наиболее распространенным налоговым правонарушением в сфере бизнеса. Данная норма устанавливает дифференцированную ответственность в зависимости от формы вины: при неумышленном совершении правонарушения размер штрафа составляет 20 % от неуплаченной суммы налога, а при умышленном — 40 % [5, с. 62]. На практике в 90 % случаев по итогам камеральных и выездных налоговых проверок организаций привлекаются налоговыми органами именно к ответственности по статье 122 НК РФ.

Примером умышленного совершения налогового правонарушения является использование налогоплательщиком схем, связанных с построением искаженных договорных отношений, имитацией реальной экономической деятельности подставных лиц, созданием фирм-однодневок [6, с. 145].

Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема дробления бизнеса как специфической формы налогового правонарушения. Под дроблением бизнеса понимается искусственное разделение единого хозяйствующего субъекта на несколько формально самостоятельных организаций или индивидуальных предпринимателей с целью сохранения права на применение специальных налоговых режимов и минимизации налоговых обязательств [7, с. 32]. Федеральная налоговая служба России в письме от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ сформулировала перечень признаков, указывающих на возможное применение схемы дробления бизнеса: взаимозависимость или аффилированность участников схемы; ведение одного вида деятельности; использование одних и тех же основных средств, персонала, складских помещений; подконтрольность одним и тем же лицам; отсутствие экономических причин для разделения бизнеса [8].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды последовательно поддерживают позицию налоговых органов в спорах о дроблении бизнеса, квалифицируя подобные схемы как направленные на получение необоснованной налоговой выгоды. Так, схема уклонения от налогообложения, заключающаяся в искусственном дроблении бизнеса с целью сохранения статуса плательщика налога в рамках специального налогового режима, характеризуется судами как элементарная имитация работы нескольких лиц, в то время как в реальности все они действуют как одно лицо [6, с. 148]. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 15.11.2023 № 305-ЭС23-21926 подтвердил правомерность применения налоговыми органами повышенной ставки штрафа (40 % от суммы неуплаченного налога) при выявлении схем дробления бизнеса, признавая такие действия умышленным нарушением налогового законодательства.

Существенным изменением правового регулирования в рассматриваемой сфере стало принятие Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ о специальной налоговой амнистии [9]. Закон освобождает налогоплательщиков от обязанности по уплате налогов, пеней и штрафов за 2022–2024 годы, связанных с дроблением бизнеса, при условии добровольного отказа от подобных схем и изменения структуры бизнеса с 1 января 2025 года. Представляется, что введение налоговой амнистии является pragmatичным решением законодателя, направленным на стимулирование легализации предпринимательской деятельности и пополнение доходной части бюджета. Вместе с тем данная мера не должна рассматриваться как индульгенция для недобросовестных налогоплательщиков: амнистия распространяется только на случаи дробления, связанные с применением специальных налоговых режимов,

и не касается нарушений, выявленных до 2022 года, или тех, по которым решение налогового органа вступило в силу до 12.07.2024.

Система юридической ответственности за налоговые правонарушения в сфере бизнеса является комплексной и включает налоговую, административную и уголовную ответственность. Налоговая ответственность предусмотрена нормами Налогового кодекса Российской Федерации и выражается в применении налоговых санкций в виде денежных взысканий (штрафов) [1]. Важной особенностью налоговой ответственности является то, что привлечение к ней не освобождает правонарушителя от обязанности уплатить причитающиеся суммы налога и пени. Организация, привлеченная к налоговой ответственности, обязана не только уплатить штраф, но и погасить всю сумму недоимки по налогам.

Административная ответственность за налоговые правонарушения регламентирована главой 15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [10, с. 500]. Субъектами административной ответственности выступают должностные лица организаций — руководители, главные бухгалтеры, финансовые директора, которые несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей. Например, пункт 1 статьи 15.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение срока постановки на учет в налоговом органе в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от пятисот до одной тысячи рублей. Статья 15.5 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение сроков представления налоговой декларации в налоговый орган по месту учета.

Наиболее строгой формой юридической ответственности за налоговые правонарушения является уголовная ответственность, предусмотренная статьями 198–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [11]. Уголовная ответственность за налоговые преступления наступает при соблюдении двух условий: во-первых, размер неуплаченных налогов должен превышать установленные законом пороговые значения (крупный или особо крупный размер); во-вторых, деяние должно быть совершено умышленно. Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ были существенно повышенены пороговые значения сумм, при превышении которых возникает уголовная ответственность. Согласно действующей редакции статьи 199 УК РФ, уклонение от уплаты налогов с организации путем непредставления налоговой декларации или иных документов либо путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений влечет уголовную ответственность при сумме неуплаченных налогов, превышающей 18,75 млн рублей за период в пределах трех финансовых лет подряд [12, с. 200].

Особо крупным размером признается сумма неуплаченных налогов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 56,25 млн рублей. Санкции статьи 199 УК РФ предусматривают штраф в размере от

100 тысяч до 500 тысяч рублей, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до шести лет. Круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за налоговые преступления, достаточно широк и включает генеральных директоров, главных бухгалтеров, финансовых директоров и иных лиц, фактически осуществляющих управление организацией или контролирующих ее деятельность [6, с. 152]. Судебная практика свидетельствует о том, что чаще всего к уголовной ответственности привлекаются руководители организаций, на втором месте по частоте привлечения находятся главные бухгалтеры.

Важной гарантией прав налогоплательщиков является возможность освобождения от уголовной ответственности при соблюдении определенных условий. Согласно примечанию к статье 199 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно полностью уплатило суммы недоимки и соответствующих пеней, а также сумму штрафа в размере, определяемом в соответствии с НК РФ. Данная норма отражает приоритет фискальных интересов государства и стимулирует налогоплательщиков к добровольному погашению задолженности перед бюджетом. Вместе с тем представляется, что механизм освобождения от уголовной ответственности требует более детальной правовой регламентации, поскольку на практике возникают сложности с определением момента, до которого налогоплательщик может воспользоваться правом на освобождение от ответственности.

Особого внимания заслуживает проблема незаконной предпринимательской деятельности как самостоятельного состава правонарушения, тесно связанного с налоговыми правонарушениями. Согласно статье 171 УК РФ, осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству, влечет уголовную ответственность [13, с. 42]. Крупным ущербом признается ущерб, превышающий 3,5 миллиона рублей. Федеральным законом от 17.04.2024 № 79-ФЗ из диспозиции статьи 171 УК РФ исключен такой квалифицирующий признак, как извлечение дохода в крупном размере (свыше 2,25 миллиона рублей), что значительно сузило сферу применения уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Наряду с уголовной, за незаконную предпринимательскую деятельность предусмотрена административная ответственность по статье 14.1 КоАП РФ [14, с. 500]. Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без регистрации юридического лица влечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 2 000 рублей. Осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение обязательно, влечет наложение административного штрафа в размере от 2

000 до 2 500 рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой. Кроме того, лица, осуществляющие незаконную предпринимательскую деятельность, несут налоговую ответственность: налоговые органы доначисляют налоги по общей системе налогообложения за весь период ведения незаконной деятельности (но не более чем за три года), а также взыскивают штраф в размере 10 % от дохода, полученного за время ведения незаконной предпринимательской деятельности, но не менее 40 000 рублей [15].

Существенной проблемой правоприменительной практики является определение критериев, позволяющих ограничить разовые сделки гражданско-правового характера от систематической предпринимательской деятельности, требующей государственной регистрации. Согласно разъяснениям Федеральной налоговой службы России, содержащимся в письме от 07.05.2019 № СА-4-7/8614, признаками предпринимательской деятельности являются: систематичность получения доходов; направленность деятельности на систематическое получение прибыли; наличие устойчивых связей с контрагентами; учет проведенных операций; приобретение материалов и оборудования для осуществления деятельности. Представляется, что для квалификации деятельности как предпринимательской необходимо наличие совокупности указанных признаков, а не одного из них.

Процедура выявления налоговых правонарушений налоговыми органами регламентирована разделом V.1 НК РФ, посвященным налоговому контролю. Основными формами налогового контроля являются камеральные и выездные налоговые проверки, в ходе которых налоговые органы осуществляют контроль за соблюдением налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах [16, с. 137]. При выявлении в ходе проверки фактов нарушения налогового законодательства составляется акт налоговой проверки, который направляется налогоплательщику. Налогоплательщик вправе представить возражения на акт проверки в течение одного месяца со дня получения акта. По результатам рассмотрения материалов проверки руководитель налогового органа выносит решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо об отказе в привлечении к ответственности.

Важной гарантией прав налогоплательщиков является возможность обжалования решений налоговых органов. Согласно статьям 137–139 НК РФ, акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд [1]. Обжалование в вышестоящий налоговый орган не является обязательным условием для обращения в суд. Решение налогового органа может быть обжаловано в арбитражный суд, если нарушитель имеет статус индивидуального предпринимателя или является организацией, либо в суд общей юрисдикции, если правонарушение совершено физическим лицом, не являющимся предпринима-

телем. Срок на обжалование решения налогового органа в суд составляет три месяца со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав.

Анализ судебной практики по делам о налоговых правонарушениях свидетельствует о том, что суды придерживаются взвешенного подхода при рассмотрении споров между налогоплательщиками и налоговыми органами. С одной стороны, суды исходят из презумпции добросовестности налогоплательщиков и требуют от налоговых органов представления доказательств совершения налогового правонарушения. С другой стороны, при установлении факта использования налогоплательщиком схем уклонения от уплаты налогов суды последовательно поддерживают позицию налоговых органов о доначислении налогов, пеней и штрафов. Ключевым критерием при разрешении споров выступает наличие у налогоплательщика деловой цели при совершении спорных операций и реальность осуществления хозяйственных операций.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что система правового регулирования

ответственности за налоговые правонарушения в сфере предпринимательской деятельности характеризуется комплексностью и многоуровневостью. Налоговая, административная и уголовная ответственность образуют единую систему мер государственного принуждения, направленную на обеспечение исполнения налоговых обязательств и пополнение доходной части бюджета. Вместе с тем действующее правовое регулирование нуждается в совершенствовании по ряду направлений: необходима более четкая законодательная регламентация критериев разграничения законной налоговой оптимизации и незаконного уклонения от уплаты налогов; требуется детализация признаков дробления бизнеса и иных схем получения необоснованной налоговой выгоды; целесообразно расширение процессуальных гарантий прав налогоплательщиков при проведении налоговых проверок и привлечении к ответственности. Только комплексный подход к решению указанных проблем позволит обеспечить справедливый баланс публичных и частных интересов в сфере налогообложения предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Налоговая оптимизация: виды, методы и риски // Уральский банк реконструкции и развития. 2024. URL: <https://www.ubrr.ru/dlya-biznesa/podderzhka-biznesa/spravochnik-predprinimatelya/nalogovaya-optimizaciya> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Репетева О. Е. Юридическая ответственность за семейные, финансовые и экологические правонарушения как межотраслевой институт права // Право и государство: теория и практика. 2010. № 3. С. 135–139.
4. НК РФ Глава 16. Виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/47729c44dabaae4b11f8382d5a03958d1a11f710/ (дата обращения: 05.10.2025).
5. Лютова О. И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7 (152). С. 62–70.
6. Ответственность за неуплату налогов: уголовная и административная налоговая ответственность // Правовест Аудит. 2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhchet/tax-liability/> (дата обращения: 05.10.2025).
7. Дробление бизнеса: красные флагги для ФНС, указывающие на незаконную налоговую схему в 2024 году // Группа «Финансы». 2024. URL: <https://sapelkin.ru/blog/droblenie-biznesa-krasnye-flazhki-dlya-fns-ukazyvayushchie-na-nezakonnuyu-nalogovuuyu-skhemu-v-2024-g/> (дата обращения: 05.10.2025).
8. О признаках дробления бизнеса: письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 29. Ст. 4102.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Дробление бизнеса: всегда ли это налоговое преступление // СберБизнес. 2025. URL: <https://sberbusiness.live/publications/droblenie-biznesa-amnistiya> (дата обращения: 05.10.2025).
13. Ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность в 2025 году // Официальный портал органов власти. 2025. URL: <https://ugra.admin-smolensk.ru/news/otvetstvennost-za-nezakonnuyu-predprinimatelskuyu-deyatelnost-v-2025-godu/> (дата обращения: 05.10.2025).

14. Штрафы за незаконную предпринимательскую деятельность // ЮКасса. 2024. URL: <https://yookassa.ru/recipes/start-biznesa/shtrafy-za-nezakonnuyu-predprinimatelskuyu-deyatelnost-v-2024-godu/> (дата обращения: 05.10.2025).
15. Что грозит за незаконное предпринимательство: штрафы и риски // Контур. 2024. URL: <https://kontur.ru/articles/702> (дата обращения: 05.10.2025).
16. Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.

Правовой статус апартаментов в Российской Федерации: проблемы и перспективы законодательного регулирования

Калиниченко Анастасия Георгиевна, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В данной статье освещается тема несовершенства законодательства Российской Федерации в вопросе правового статуса апартаментов. Отмечается отсутствие их законного определения в Жилищном кодексе РФ, что приводит к неоднозначности в правоприменительной практике. Выделяются основные отличия апартаментов от жилых помещений и основные проблемы их собственников: отсутствие права на регистрацию по месту жительства, отсутствие льгот по коммунальным тарифам, ограниченный доступ к социальным гарантиям. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления правового статуса апартаментов.

Ключевые слова: апартаменты, жилое помещение, недвижимость, Жилищный кодекс РФ, регистрация.

Legal status of apartments in the Russian federation: problems and prospects of legislative regulation

This article highlights the issue of the imperfection of the legislation of the Russian Federation regarding the legal status of apartments. It notes the absence of a legal definition of apartments in the Housing Code of the Russian Federation, which leads to ambiguity in law enforcement practice. The main differences between apartments and residential premises are identified, as well as the key problems faced by their owners: the lack of the right to permanent registration, the absence of preferential utility tariffs, and limited access to social guarantees. The author concludes that it is necessary to establish the legal status of apartments at the legislative level.

Keywords: apartments, residential premises, real estate, Housing Code of the Russian Federation, registration.

Рынок недвижимости в России активно развивается, при этом значительным спросом на нем пользуются апартаменты — нежилые коммерческие помещения, предназначенные для проживания людей и оборудованные всеми удобствами квартиры, такими как кухня и санузел. На сегодняшний день их правовой статус остается неопределенным. Согласно действующему законодательству, апартаменты не относятся к жилым помещениям, что вызывает ряд юридических и социальных проблем. Несмотря на особую популярность данного вида недвижимости среди населения, Жилищный кодекс РФ (далее — ЖК РФ) не содержит его определения.

Согласно п. 2 ст. 15 ЖК РФ жилыми помещениями признаются изолированные помещения, которые являются недвижимым имуществом и пригодны для постоянного проживания граждан (отвечают установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства). В свою очередь апартаменты оформляются в качестве нежилых помещений, чаще всего — гостиничного фонда.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) в своих разъяснениях также подтверждает, что апартаменты относятся к нежилым помещениям, несмотря на их фактическое использование для проживания граждан. Данный факт порождает противоречие: с одной стороны, апартаменты активно продаются, а с другой — у собственников отсутствует право постоянной регистрации в данном помещении.

Основными проблемами правового регулирования, вытекающими из неопределенности правового статуса апартаментов, являются:

1. Отсутствие права на регистрацию по месту жительства. Граждане вправе оформить только временную регистрацию, что затрудняет получение социальных услуг, например, прикрепление к поликлиникам и школам.

2. Повышенные коммунальные платежи. Тарифы на содержание апартаментов значительно выше, чем на квартиры, поскольку они относятся к нежилому фонду.

3. Ипотечное кредитование и налогообложение. Банки менее охотно кредитуют сделки с апартаментами,

а налоговые льготы, которые предусмотрены при покупке жилого помещения (например, имущественный налоговый вычет) и вовсе не применяются.

4. Социальные гарантии. Владельцы апартаментов не имеют возможности обладать теми же правами, что и владельцы жилых помещений. Поскольку у них отсутствует возможность прописки себя и своих детей в апартаментах, а также отсутствует возможность поступления запись детей в детский сад или школу по месту жительства и прикрепление к поликлинике. Фактически, человек лишен социальных гарантий, которые ему положены на законодательном уровне.

Что касается вопросов, связанных с применением судами своей практики, то и она является неоднозначной. Так, в Обзоре практики Верховного суда РФ от 18.06.2025 по делам о банкротстве граждан (Обзор), суд сделал вывод, что исполнительский иммунитет распространяется даже на объекты без статуса жилого фонда. В п. 18 Обзора указано, что само по себе несоответствие жилища условиям отнесения его к жилому фонду в соответствии с жилищным законодательством не может служить основанием для отказа в применении к такому жилищу исполнительского иммунитета. В первом деле дом без документов был признан единственным жильем. Впоследствии Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов указав, что спорный объект недвижимости фактически приспособлен для проживания. Во втором деле апартаменты были признаны единственным жильем вопреки их юридической классификации. Таким образом, наблюдается явная неопределенность правового статуса апартаментов.

В свою очередь законодателем применялись попытки определить статус апартаментов. Так Президент России

Владимир Путин поручил правительству до 1 августа 2021 года обеспечить внесение в законы поправок, касающихся статуса апартаментов. В законодательство предполагалось включить понятие «многофункциональное здание» для обозначения апартаментов. Также документом предлагалось определить порядок обслуживания таких помещений, взимания платы за услуги ЖКХ, а также определить особенности долевого участия при строительстве таких объектов недвижимости. Данный законопроект предполагал узаконить уже действующие объекты строительства и подобные, которые будут строиться в будущем.

Однако, большое количество разногласий отсрочило вопрос о внесении вышеуказанных правок почти на четыре года, и в итоге в январе 2025 года Государственная Дума РФ и вовсе отклонила проект закона № 1162929-7 об апартаментах как не выполняющий свои функции. После чего в Москве разрешения на строительство таких объектов больше выдаются. С трудностями столкнулись и те застройщики, что ранее приступили к строительству таких объектов.

Правовой статус апартаментов в России остаётся нерешённой проблемой. Отсутствие их закрепления в ЖК РФ приводит к множеству противоречий в правоприменимой практике и ущемлению прав собственников. Решение данной проблемы возможно только через законодательную реформу: либо полное приравнивание апартаментов к жилью, либо установление для них специального статуса с чётким перечнем прав и обязанностей. В противном случае рынок недвижимости продолжит функционировать в условиях правовой неопределенности, что негативно сказывается как на гражданах, так и на государстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024) с (изм. и доп., вступ. в силу с 25.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1. — Ст. 14 (Часть I).
3. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 — Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»).
4. Селивёрстова И. Е., Земляченко Я. В. Правовой статус апартаментов в Российской Федерации / И. Е. Селивёрстова, Я. В. Земляченко // Флагман науки. — 2024. — № 4 (15). — С. 58–62.
5. Земляченко Я. В., Подакова В. А. Проблемы определения правового статуса апартаментов в жилищном праве / Я. В. Земляченко, В. А. Подакова // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». — 2022. — № 3 (66).
6. Иванова М. С. Проблемы определения правового статуса апартаментов в Российской Федерации / М. С. Иванова // Евразийская адвокатура. — 2018. — № 5 (36). — С. 108–112.
7. Федорович Д. Г. К вопросу о правовом статусе апартаментов / Д. Г. Федорович // Семейное и жилищное право. — 2025. — № 4. — С. 32–34. — DOI: 10.18572/1999-477X-2025-4-32-34.

Криминологический анализ личности лидера и рядовых членов организованной преступной группы

Киселев Константин Васильевич, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Актуальность темы исследования определяется устойчивой тенденцией роста организованной преступности, представляющей одну из наиболее опасных форм современной преступности. Высокий уровень общественной опасности таких деяний обуславливает необходимость постоянного мониторинга и научного анализа данного явления. Современная статистика подтверждает, что, несмотря на временное снижение преступности в период пандемии COVID-19, последующие годы демонстрируют возобновление роста преступных проявлений, в том числе в сфере киберпреступности и теневой экономики. Так, по данным МВД России, количество преступлений, совершенных организованными группами, в 2021 году снизилось на 5 %, однако уже в 2022 году наблюдалось увеличение на 3 %, а в 2023 году — на 4,2 % по сравнению с предыдущим годом. В Республике Татарстан в 2019 году было зарегистрировано 480 преступлений, связанных с организованной преступностью; в 2020 году — 510, в 2021 году — 490, в 2022 году — 460, а в 2023 году — 470. Эти показатели свидетельствуют о сохранении высокого уровня криминальной активности при незначительных колебаниях качественных показателей.

Организованная преступная группа (сообщество) представляет собой устойчивую систему с четко выраженной иерархией. В ней традиционно выделяют три уровня:

1. Руководящее звено (лидеры, организаторы, координаторы);
2. Активные исполнители (рядовые члены);
3. Иные участники (информаторы, пособники, консультанты).

Каждый уровень характеризуется собственными функциями, мотивацией и степенью вовлеченности в преступную деятельность. Главной особенностью является высокая степень сплоченности и дисциплины, а также наличие внутренних правил, основанных на криминальной субкультуре.

Лидер занимает ключевое положение в преступной иерархии. Он выступает не только организатором, но и стратегом, контролирующим внутренние и внешние связи группы. Исследования показывают, что 58 % лидеров находятся в возрасте от 30 до 45 лет; 24 % — старше 50 лет, а 16 % — в возрасте 25–29 лет. Как правило, лидер — мужчина, имеющий среднее специальное или высшее образование, обладающий опытом преступной деятельности и высоким уровнем интеллектуального развития [2, с. 256].

Ему присущи такие черты, как решительность, pragmatism, хитрость, предприимчивость, умение манипулировать людьми. Лидер преступного сообщества нередко формирует «законопослушный» образ, маскируя ре-

альную деятельность под легальный бизнес. Современные лидеры активно используют информационные технологии, криптовалюту и методы шифрования, что усложняет их выявление.

Характеристика личности лидера включает высокий уровень эмоционального интеллекта, стратегическое мышление, волю, коммуникабельность, умение управлять и вдохновлять последователей. Его роль в местах лишения свободы заключается в поддержании криминальной субкультуры, сохранении иерархии и обеспечении внутренней безопасности.

Результаты анализа приговоров по ст. 210 и 210.1 УК РФ, проведенного Главным оперативным управлением ФСИН России, позволяют сформировать усредненный портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии:

- 100 % — мужчины;
- средний возраст «коронации» — 30 лет, приговора суда — 47 лет;
- 68 % — граждане РФ, 32 % — иностранцы или лица без гражданства;
- 63 % имеют среднее образование, 5 % — высшее;
- 84 % — не трудоустроены;
- 79 % — ранее судимы;
- наиболее распространенные статьи обвинений: ст. 163, 228, 158, 222 УК РФ.

Эти данные демонстрируют высокий уровень криминального опыта и устойчивости противоправного поведения у данной категории лиц.

Рядовые участники составляют основную массу организованных преступных формирований. В отличие от лидеров, они менее образованы, социально уязвимы и чаще страдают зависимостями — алкогольной, наркотической или игровой. Возраст участников варьируется от 19 до 36 лет, при этом значительная часть не работает и не учится.

Психологические особенности рядовых членов включают повышенную внушаемость, зависимость от мнения группы, низкий уровень самоконтроля и склонность к агрессии. Их мотивация преимущественно корыстная, нередко основана на желании быстрого обогащения и стремлении к социальному признанию внутри криминальной среды.

Систематическое участие в преступной деятельности формирует профессиональную преступную специализацию. Рецидив и усвоение криминальных норм способствуют укреплению преступной субкультуры и воспроизведству организованной преступности.

Современная система противодействия организованной преступности сталкивается с рядом проблем: де-

кларативностью отдельных норм (в частности, ст. 210 и 210.1 УК РФ), на которую указывают ряд исследователей профессор Шеслером А. В. [3], а позднее и Напханенко И. П. и Кутякинов С. А. [1], недостаточной эффективностью профилактических мер и слабым уровнем межведомственного взаимодействия. Очевидно, что борьба с организованной преступностью невозможна без комплексного подхода, включающего не только уголовно-правовые, но и социально-психологические методы воздействия.

Особое внимание должно уделяться изучению личности лидера как ключевого элемента системы. Именно он формирует направление и идеологию преступного сообщества, определяет тактику действий и характер взаимодействия с внешней средой.

Анализ криминологического портрета позволяет не только разрабатывать меры индивидуальной профилактики, но и прогнозировать поведение преступных групп, выявлять потенциальных организаторов и проводить целевые оперативно-профилактические мероприятия.

Организованная преступность остается устойчивой формой криминальной активности, несмотря на временные колебания статистических показателей. Лидер преступного сообщества представляет собой интеллектуально развитую, харизматичную личность с высоким уровнем манипулятивных способностей и стратегического мышления. Рядовые участники, напротив, характеризуются социальной неустойчивостью, внушаемостью, зависимостями и корыстно-насильственной мотивацией.

Для повышения эффективности противодействия организованной преступности необходимо усиление аналитической и профилактической составляющей, а также совершенствование правоприменительной практики по ст. 210 и 210.1 УК РФ.

Таким образом, исследование личности лидера и рядовых участников организованных преступных формирований имеет не только теоретическую, но и значительную практическую значимость, способствуя разработке более точечных и результативных мер противодействия организованной преступности.

Литература:

- Напханенко И. П. Актуальные вопросы противодействия деятельности лидеров преступных группировок в свете применения ст. 210.1 УК РФ / И. П. Напханенко, С. А. Кутякин, А. А. Брюхнов. — EDN ВСЕНВА // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 4 (143). — С. 120–125.
- Палкин А. В. К вопросу о криминологическом портрете лидера и авторитета преступной среды // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 255–258.
- Шеслер А. В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности / А. В. Шеслер. — EDN MQFWMA // Вестник Кузбасского института. — 2020. — № 1 (42). — С. 111.

Уголовная ответственность за нарушения правил пожарной безопасности

Климов Артем Владимирович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Обеспечение пожарной безопасности является одной из важнейших функций государства — это указано в Федеральном законе «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ.

Рассмотрим понятие пожарной безопасности, в ст.1 Федерального закона «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ (далее -Федеральный закон № 69-ФЗ), под которой понимается «состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров» [2].

Указанным правовым актом установлены основные права и обязанности, а также ответственность граждан в сфере обеспечения пожарной безопасности.

Граждане имеют право на:

— защиту их жизни, здоровья и имущества в случае пожара;

— возмещение ущерба, причиненного пожаром, в порядке, установленном действующим законодательством;

— участие в установлении причин пожара, нанесшего ущерб их здоровью и имуществу;

— получение информации по вопросам пожарной безопасности, в том числе, в установленном порядке от органов управления и подразделений пожарной охраны;

— участие в обеспечении пожарной безопасности, в том числе, в установленном порядке в деятельности добровольной пожарной охраны.

Граждане обязаны:

— соблюдать требования пожарной безопасности;

— иметь в помещениях и строениях, находящихся в их собственности (пользовании), первичные средства тушения пожаров и противопожарный инвентарь в соответствии с правилами пожарной безопасности и пе-

речными, утвержденными соответствующими органами местного самоуправления;

- при обнаружении пожаров немедленно уведомлять о них пожарную охрану;

- до прибытия пожарной охраны принимать посильные меры по спасению людей, имущества и тушению пожаров;

- оказывать содействие пожарной охране при тушении пожаров;

- выполнять предписания, постановления и иные законные требования должностных лиц государственного пожарного надзора;

- предоставлять в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, возможность должностным лицам государственного пожарного надзора проводить обследования и проверки принадлежащих им производственных, хозяйственных, жилых и иных помещений и строений в целях контроля за соблюдением требований пожарной безопасности и пресечения их нарушений.

Статистика пожаров по России показывает, что 80 % пожаров происходит в жилье. Здесь же гибель и травматизм людей от дыма и огня составляет 9 случаев из 10. По данным Центра пожарной статистики КТИФ на 1 миллион человек в России при пожарах погибает более 100 человек, что в 6 раз больше, чем в других странах. При этом количество пожаров в год на 1 миллион человек по России составляет около 2000. [10]

Количество пожаров в 2024 г. составило 347 506, по сравнению с 2023 г. снизилось на 3,72 % (в 2023 г— 360940 пожаров). Количество погибших на пожарах в 2024 г. составило 7576 чел., по сравнению с 2023 г. уменьшилось на 3,18 % (в 2023 г— 7825 чел.) Количество спасенных на пожарах в 2024 г. составило 24 700 чел., по сравнению с 2023 г. снизилось на 8,20 % (в 2023 г— 26905 чел.) Количество травмированных на пожарах в 2024 г. составило 8350 чел., по сравнению с 2023 г. снизилось на 1,83 % (в 2023 г— 8506 чел.) Материальный ущерб, причиненный пожарами в 2024 г., составил 19 721 078,34 тыс. руб., по сравнению с 2023 г. уменьшился на 8,98 % (в 2023 г— 21667908 тыс. руб.) [7]

Основными причинами пожаров в быту являются: неосторожное обращение с огнем при курении и приготовлении пищи, использование электробытовых приборов, теле-, видео- и аудиотехники не адаптированных к отечественной электросети или неисправных, проведение электропаяльных работ при ремонтных работах в квартирах, детская шалость с огнем и некоторые другие, в том числе и деятельность коммерческих структур работающих с нарушениями правил пожарной безопасности.

По данным МЧС России по Забайкальскому краю с начала 2025 года на территории Забайкальского края 922 степных пожара на общей площади 63 440 гектаров и 449 лесных пожаров, где огонь уничтожил 1 169 475 гектаров леса. Всего выявлено 99 виновников пожаров, в их числе 41 ребенок. [8]

Согласно ст.38 Федерального закона № 69-ФЗ «за нарушение требований пожарной безопасности, а также за иные правонарушения в области пожарной безопасности» виновные лица могут быть привлечены в том числе к «уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством».

Также наличие в УК РФ ст.261, которой предусмотрена уголовная ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем. Уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, если эти действия причинили значительный ущерб, — наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Федерального закона от 25.03.2022 N 63-ФЗ)

Отметим также, что при возбуждении уголовного дела за несоблюдение правил пожарной безопасности важно доказать наличие прямой связи между нарушением определенных норм противопожарной защиты и наступившими последствиями [8, с. 52]. При этом, специальным субъектом преступления, предусмотренного ст.219 УК РФ, является не только, например, руководитель организации или лицо, подписавшее приказ о возложении на него обязанностей по обеспечению пожарной безопасности, но и главное лицо в семье, которое никаких правил и инструкций не подписывало, но по определению должно заботиться о соблюдении норм пожарной безопасности.

Рассмотрим один из примеров, в Приговоре Елецкого районного суда Липецкой области от 28 марта 2025 года по делу № 1-21/2025г сказано, что гражданин С. совершил покушение на умышленное уничтожение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба, совершенное путем поджога, а также незаконное приобретение, хранение взрывчатых веществ и взрывных устройств при следующих обстоятельствах. Около 22 часов 05 минут в целях реализации достигнутого предварительного сговора об умышленном уничтожении автомобиля «Hyundai Solaris» г.р.з. № путем поджога, из корыстных побуждений, С. совместно с неустановленным в ходе следствия лицом, на неустановленном в ходе следствия автомобиле, прибыл по адресу. После чего, ФИО3 пешком прибыл на территорию домовладения №, где был припаркован автомобиль «Hyundai Solaris» г.р.з. №, и продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на уничтожение чужого имущества, С. осознавая, что в результате избранного им способа уничтожения имущества — поджога вышеуказанного автомобиля, будет причинен значительный ущерб, и желая этого, понимая, что его действия, направленные на уничтожение

автомобиля «Hyundai Solaris» г.р.з. №, носят общеопасный характер, поскольку создают реальную опасность распространения пламени на гараж, расположенный на территории домовладения по адресу: <адрес>, безразлично относясь к этому, действуя умышленно, используя канистру, с находящейся в ней жидкостью — смесью бензина и смазочного материала приготовленного на нефтяной основе (моторное масло), которую ему передало неустановленное в ходе следствия лицо, подошел к автомобилю «Hyundai Solaris» г.р.з. №, облил кузов данного автомобиля жидкостью, находящейся в канистре, и используя имеющиеся при нем спички, поджог указанную жидкость, что привело возгорание автомобиля «Hyundai Solaris» г.р.з. №, который был полностью уничтожен огнем. В результате чего, Потерпевший № 1 причинен значительный материальный ущерб на сумму 1 439 800 рублей.

Суд признал С. виновной в совершении преступления, предусмотренного

ч.3 ст.30, ч.2 ст.167 УК РФ, ч.1 ст.222.1 УК РФ и назначить наказание:

— ч.3 ст.30, ч.2 ст.167 УК РФ в виде лишения свободы сроком на один год.

— ч.1 ст.222.1 УК РФ в виде лишения свободы сроком на четыре года со штрафом в доход государства в размере 10 000 рублей.

На основании ч.3 ст.69 УК РФ по совокупности совершенных преступлений путем частичного сложения наказаний назначить наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года шесть месяцев лишения свободы со штрафом в доход государства в размере 10 000 рублей с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. [9]

Уголовная ответственность за нарушения правил пожарной безопасности применяется как к виновникам пожаров, так и к ответственным за их предотвращение. Для привлечения к ответственности необходимо доказать прямую причинно-следственную связь между нарушениями и возникшими последствиями. Анализ судебных дел показывает, что оценка действий обвиняемых и назначение наказания в таких случаях требуют тщательного установления всех признаков преступления. Правильное определение виновного лица и причинно-следственной связи является основой справедливого правосудия в делах о пожарной безопасности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст.2954.
2. О пожарной безопасности: федер. закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 35. — Ст. 3649.
3. Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: пост. Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 35. — Ст.4308.
4. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. — 2008. — № 188. — 05 сентября.
5. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 (с посл. изм. и доп.) // Российская газета. — 2002. — № 108. — 19 июня.
6. Белов, А. Н. Об объекте преступления, связанного с нарушением требований пожарной безопасности / А. Н. Белов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2023. — № 1(36). — С. 132–138.
7. Кононко, П. П. О некоторых вопросах, возникающих при привлечении к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в организации / П. П. Кононко, Д. А. Черныш, А. В. Куулар // Актуальные вопросы пожарной безопасности. — 2023. — № 2(16). — С. 51–57.
8. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году» [Электронный ресурс] — МЧС России. — Режим доступа: <https://mchs.gov.ru/> (дата обращения: 28.09.2025)
9. Приговор Елецкого районного суда Липецкой области № 1-21/2025 от 27 марта 2025 г. по делу № 1-21/2025 [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2025)
10. Статья Пожарная безопасность [Электронный ресурс]- Пожарная безопасность — Режим доступа: <https://pb-russia.ru/> (дата обращения: 09.09.2025)

Особенности судебных расходов участников споров по договорам долевого строительства

Козик Юлия Евгеньевна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена анализу судебных расходов, возникающих при защите прав дольщиков по договорам долевого участия в строительстве многоквартирных жилых домов. Рассматриваются виды судебных расходов, в том числе обязательные и необязательные, а также правовые механизмы их возмещения застройщиками. Особое внимание уделяется вопросам компенсации затрат на услуги юристов, нотариальные расходы и экспертизы. На основе анализа судебной практики делается вывод о том, что размер судебных расходов зависит от конкретных обстоятельств дела и требует строгого документального подтверждения понесенных затрат.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, застройщик, неустойка, судебные расходы, судебные издержки.

Актуальность выбранной темы обусловлена широкой распространённостью долевого строительства многоквартирных жилых домов, при этом дольщики (физические лица), участвующие в данных процессах, являются мало защищёнными с правовой точки зрения.

Согласно нормам Конституции РФ (ст. 40) гражданам РФ гарантировается право на жилище. Участие граждан в договорах долевого строительства многоквартирных жилых домов можно рассматривать, как один из способов практической реализации данного права [1].

Согласно нормам Конституции РФ (ст. 46) гражданам РФ гарантировано право защищать свои права в суде [1].

Следовательно, если дольщики считают, что застройщик нарушил их права, предусмотренные действующим законодательством и договором участия в долевом строительстве, то они имеют право защитить указанные права в суде.

Участие в суде требует от его участника определенных расходов.

С правовой точки зрения (ст. 88 ГПК РФ) расходы судебного характера включают две составляющие:

- 1) государственная пошлина;
- 2) расходы, имеющие непосредственную связь с процессом рассмотрения дела в ходе суда [2].

С практической точки зрения расходы судебного характера можно разделить на две разновидности:

- 1) расходы обязательного характера, которые дольщик должен нести в любом случае и независимо от своего желания;
- 2) расходы необязательного характера, которые дольщик может нести в зависимости от конкретной ситуации и своего желания.

К расходам обязательного характера можно отнести расходы, которые дольщик должен нести при совершении следующих действий:

- 1) когда дольщик заказывает проведение экспертизы досудебного характера по строительному техническому направлению у независимых экспертов;
- 2) когда дольщик направляет застройщику извещение (ценное письмо) с отметкой о вручении о дате осмотра

объекта, приобретаемого по договору участия в долевом строительстве многоквартирных домов;

3) когда дольщик отправляет застройщику извещение (ценное письмо) с отметкой о вручении, содержащее претензию досудебного характера и копию искового заявления с приложенными копиями подтверждающих документов;

4) государственная пошлина, которая рассчитывается в зависимости от суммы (цены) иска.

Цена иска по договору участия в долевом строительстве многоквартирных домов включает следующие элементы:

- необходимые расходы на ликвидацию недостатков, которые должен возместить застройщик;
- сумма неустойки по договору участия в долевом строительстве многоквартирных домов, возникающая при нарушении срока оплаты.

Цена иска по договору участия в долевом строительстве многоквартирных домов не включает:

- расходы судебного характера;
- штрафы за нарушения прав дольщика, как потребителя;
- возмещение морального ущерба дольщика.

К расходам необязательного характера можно отнести расходы, которые дольщик может нести при совершении следующих действий:

- 1) когда дольщик копирует и распечатывает документы, необходимые для участия в судебных разбирательствах;
- 2) когда дольщик выезжает и несет расходы на транспорт для участия в судебных разбирательствах;
- 3) когда дольщик оформляет и удостоверяет у нотариуса доверенность для представителя, представляющего его интересы в суде;
- 4) когда дольщик (физическое лицо) оплачивает услуги юриста, который будет представлять в суде его интересы.

При этом для взыскания через суд расходов судебного характера с другой стороны судебного разбирательства стороной, несущей данные расходы должны быть доказаны:

- фактическая оплата расходов (счета, чеки и т. д.);

– наличие прямой связи между данными расходами и судебным разбирательством по делу, связанному с договором участия в долевом строительстве многоквартирных домов.

Действующее законодательство регламентирует распределение между участниками судебного разбирательства расходов судебного характера с гражданскими делами следующим образом:

Нормы ГПК РФ (ст. 100) определяют, что сторона судебного разбирательства, в пользу которой принято решение суда, должна получить от другой стороны компенсацию услуг юриста, представляющего ее интересы, но сумма компенсации должна быть в разумных пределах [2].

Так же, нормы ГПК РФ (ст. 98,100) определяют, что в случае, если требования стороны, в пользу которой принято решение суда были удовлетворены судом не полностью (в частичном размере), то расходы каждой из сторон на оплату услуг юриста, представляющего их интересы должна нести каждая из сторон в разумных размерах и распределение их должно производиться пропорционально:

– истец должен их оплатить пропорционально размеру исковых требований, которые суд решил удовлетворить;

– ответчик должен их оплатить пропорционально размеру исковых требований истца, которые суд отказался удовлетворить.

При этом возникает вопрос, какие именно расходы судебного характера законодатель считает разумными.

Норма ГПК РФ определяет, что степень разумности суммы оплаты услуг юриста, представляющего интересы в суде должна определяться согласно требованию соразмерности объема защищаемого в суде права с размером суммы возмещения стороне, несущей расходы на судебную защиту указанного права [2].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» определяет, что разумным размером расходов на оплату, следует считать такие расходы на оплату услуг юриста, представляющего интересы в суде в объеме стоимости аналогичных услуг при схожих условиях [4].

Указанное постановление так же определяет, что для определения степени разумности расходов на услуги юриста, представляющего интересы в суде, могут учитываться следующие обстоятельства:

- сумма искового требования по конкретному делу;
- непосредственная цена иска, рассматриваемого в суде по конкретным делам;
- уровень сложности рассматриваемого в суде дела;
- количественные показатели услуг юриста, представляющего интересы в суде;
- рабочее время, необходимое юристу, представляющему интересы данной стороны в суде, на составление документов процессуального характера;

- общее время рассмотрения данного дела в суде;
- иные обстоятельства.

Указанное постановление так же определяет, что не является основанием для обоснования разумности расходов на услуги юриста, представляющего интересы в суде степень известности данного юриста.

В соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 года № 355–0 следует, что по общему правилу, условия договора определяются по усмотрению сторон (п. 4 ст. 421 ГК РФ).

К их числу относятся и те условия, которыми устанавливается размер и порядок оплаты услуг представителя.

Обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым — на реализацию требования ст. 17 (часть 3) Конституции РФ.

Так же указанное Постановление определяет, что расходы, которые понес дольщик на оформление доверенности юриста, представляющего его интересы в суде, признаются расходами судебного характера, если доверенность выдана для участия представителя в конкретном деле или конкретном судебном заседании по делу по договору участия в долевом строительстве многоквартирных домов.

Расходы, понесённые дольщиком на услуги связи, как правило, полностью взыскиваются с застройщика при наличии соответствующих документов, подтверждающих факт оплаты.

Расходы, связанные с проведением досудебной экспертизы по строительным и техническим вопросам у независимых экспертов, также часто подлежат полному возмещению застройщиком при условии, что выводы судебной экспертизы не противоречат заключению досудебного эксперта.

Анализ судебной практики по вопросам неустойки в сфере строительства и недвижимости показывает, что в случае, если застройщик не выполняет требования участника долевого строительства в добровольном порядке, он обязан выплатить штраф, равный половине суммы неустойки, установленной судебным решением (определение Верховного суда Российской Федерации № 18-КГ15-177 от 01.12.2015 г.) [5].

Так, Солнцевский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Крюковой М. В., при секретаре Мизюлиной Л. Е., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-2461/23 по исковому заявлению Тарасовой к АО «СЗ «ЛСР.Недвижимость-М» о защите прав потребителей, признании недействительным пункта договора, взыскании денежных средств, штрафа и компенсации морального вреда, разрешая вопрос о возмещении судебных расходов, с учетом степени сложности, объема совершенных представителем процес-

суальных действий и оказанных юридических услуг при рассмотрении дела, пришел к выводу о взыскании с ответчика в пользу истца расходов на представителя в размере 10 000 руб. [10].

Пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [4] определено, что расходы на оформление доверенности представителя также могут быть признаны судебными издержками, если такая доверенность выдана для участия представителя в конкретном деле или конкретном судебном заседании по делу.

Так, решением № 2-4650/2023 2-4650/2023~M-2871/2023 M-2871/2023 от 26 сентября 2023 г. по делу № 2-4650/2023 по иску ФИО1 к ООО «Специализированный застройщик «При^{<адрес>}» о взыскании стоимости устранения выявленных недостатков качества объекта долевого строительства, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда, судебных расходов, установлено, что доверенность выдана на участие в деле по конкретному спору по договору долевого участия.

Суд полагает возможным отнести расходы на изготовление нотариальной доверенности к судебным и взыскивает их с ответчика в сумме <данные изъяты>, так как они подтверждены представленными доказательствами [9].

Литература:

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС КонсультантПлюс.
- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ// Российская газета. — 20.11.2002. // СПС КонсультантПлюс.
- Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»// СПС КонсультантПлюс.
- Определение Верховного суда Российской Федерации № 18-КГ15-177 от 01.12.2015 г./ КонсультантПлюс.
- Алешина Т. В. Актуальные вопросы взыскания судебных издержек //Научные исследования XXI века. 2022. № 6 (20). С. 219–221.
- Костина Ю. А. К вопросу о возмещении некоторых видов судебных издержек по гражданским делам //Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 17–20.
- Симоненко Е. О. Правовые последствия нарушения застройщиком обязательства по договору участия в долевом строительстве / Е. О. Симоненко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 44 (439). — С. 199–200.
- Решение № 2-4650/2023 2-4650/2023~M-2871/2023 M-2871/2023 от 26 сентября 2023 г. по делу № 2-4650/2023// СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0ugFEUWpmXV5/>.
- Решение по делу № 02-2461/2023 от 10.04.2023. URL: <https://reputation.su/sudrf/184283807>.
- Решение № 2-575/2024 2-575/2024(2-8416/2023;)~M-8577/2023 2-8416/2023 M-8577/2023 от 5 марта 2024 г. по делу № 2-575/2024 //СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KvUCynva70VO/>.

Поскольку для определения стоимости устраниния строительных недостатков истцу требовалось проведение досудебного исследования, а также принимая во внимание фактическое удовлетворение иска и подтверждение расходов представленными платежными документами, суд полагает возможным взыскать данные расходы с ответчика в сумме <данные изъяты>.

При этом доказательств, объективно свидетельствующих о завышенной стоимости экспертных исследований ответчиком в материалы дела не представлено [9].

Другим примером может служить дело № 2-575/2024 (2- 8416/2023), где суд усматривает основания для взыскания в пользу истцов расходов по оплате услуг строительного эксперта в размере 35000 руб., с учетом того, что данные расходы документально подтверждены и были необходимы для судебной защиты.

Доказательств того, что эта стоимость не соответствует ценам, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги, неразумности или необоснованности указанных расходов в деле не имеется [11].

Таким образом, в каждом конкретном случае расходы судебного характера по делу, связанному с договором участия в долевом строительстве многоквартирных домов зависят от конкретных обстоятельств дела и от фактически понесенных затрат дольщика.

Вопросы квалификации хищения путем использования информационных технологий

Костоян Анжелика Айковна, студент;
Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В данной статье рассмотрены трудности, связанные с уголовно-правовым регулированием случаев незаконного обладания электронными и безналичными денежными средствами. В анализе указано на характерные примеры подобных краж и основные проблемы в их правовой квалификации, которые могут привести к ошибочным судебным решениям. Неточное определение критерии преступных действий, затрагивающих различные виды хищения данных средств, подчеркивает критическую потребность в уточнении и усовершенствовании соответствующих законов. Ошибки в понимании особенностей правонарушений указывают на серьезные проблемы в существующих уголовно-правовых оценках и подчеркивают необходимость их дальнейшего развития.

Статья представляет интерес для специалистов в области права и работников правоохранительных структур, а также для законодателей, задействованных в противодействии киберпреступлениям. Она включает в себя научные методы для толкования понятия «киберпреступление» и разработку методов разрешения специфических проблем, связанных с его классификацией.

Ключевые слова: хищение, электронные денежные средства, информационные технологии, компьютерное мошенничество, квалификация преступлений.

В эпоху цифровизации государства сталкиваются с ростом киберпреступности — незаконных действий, совершаемых с использованием цифровых технологий. Несмотря на отсутствие единого юридического определения, в научной литературе их описывают как преступную активность в информационной сфере.

Киберпреступления включают в себя широкий спектр деяний: от создания вредоносного программного обеспечения и кибертерроризма (атаки на критическую инфраструктуру [4, с. 1010]) до нарушения авторских прав и цифрового вымогательства [3, с. 74]. Их ключевая особенность — двойной ущерб, поскольку они одновременно нарушают безопасность компьютерных систем и оказывают разрушительное воздействие на реальные процессы, как, например, в случае онлайн-торговли людьми. Таким образом, борьба с этими угрозами становится приоритетом государственной политики.

Обсуждение статистики открывает нам прогрессирующую тенденцию в сфере информационных преступлений. В 2021 году отметили 517722 случая, в том числе 156792 были направлены против чужой собственности [7]. Следующий год показал небольшое снижение — 510143 инцидента, причём 116295 из них касались собственности [8]. В 2023 году наблюдался значительный рост до 676951 преступлений, с 356079 преступлениями против собственности [9]. Анализируя первые десять месяцев 2024 года, видно, что количество преступлений в данной области увеличилось на 60 % по сравнению с предыдущими периодами [10].

Уголовная ответственность за хищение с использованием информационных технологий в настоящее время предусмотрена тремя статьями: пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ содержит особо квалифицированный состав — кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, статья 159.3 УК РФ уста-

навливает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа. До внесения в 2018 году изменений в УК РФ диспозиция статьи 159.3 УК РФ имела иную формулировку: совершение деяния связывалось с обманом работника кредитной, торговой или иной организации, а предметом преступления выступала только платежная карта. Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ был введен новый квалифицирующий признак кражи и изменена статья 159.3 УК РФ, а статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» была дополнена новым квалифицирующим признаком, аналогичным названному новому квалифицирующему признаку в составе кражи [11]. В связи с этим возникает закономерный вопрос о соотношении и разграничении данных составов преступлений.

Кражи с банковского счета, электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа являются формами хищения (тайное хищение и хищение посредством обмана или злоупотребления доверием), их объединяет одинаковый родовой, видовой и непосредственный объект преступления, субъективная сторона, представленная прямым умыслом и корыстной целью, а также отмечается схожесть в предмете преступления.

Для рассмотрения особенностей и проблем квалификации хищений посредством высоких технологий считаем возможным выделить несколько типичных ситуаций такого неправомерного завладения чужими средствами.

Во-первых, виновный использует поддельную или принадлежащую другому лицу банковскую карту и, сообщая ложные сведения (либо умалчивая о незаконном владении картой) сотруднику кредитной, торговой или иной организации, завладевает чужими денежными средствами. Как показывает анализ судебной практики, в ос-

новном это случаи использования чужой банковской карты для оплаты товаров в магазинах, что квалифицируется по статье 159.3 УК РФ, как и до изменения данной нормы [5, с. 30]. Бессспорно, платежная карта также является электронным средством платежа, тем более что сейчас возможна функция бесконтактного платежа. А использование электронных средств платежа как раз и предполагает бесконтактную форму взаимодействия клиента и оператора электронного средства платежа. Однако, как справедливо отмечает П. С. Яни, иногда суды квалифицируют подобные ситуации по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, обосновывая такое решение тем, что работник торговой организации не осознает незаконности изъятия имущества и обмана, так как не знает истинного владельца банковской карты. При предъявлении банковской карты сотруднику торговой организации без документа, удостоверяющего личность, владелец карты не обманывает сотрудника и не вводит его в заблуждение, хотя и умалчивает о своей личности [13]. Как видим, здесь существует ситуация, когда виновный использует поддельную или чужую карту для оплаты товаров через сотрудника торговой точки, умалчивая о незаконности владения ею. Проблема квалификации заключается в сложности в разграничении мошенничества (статья 159.3 УК РФ) и кражи (пункт «г» часть 3 статья 158 УК РФ). Ключевой вопрос здесь — был ли обман кассира, который мог не осознавать противоправность действий. Можно сделать вывод, что квалификация зависит от субъективного восприятия потерпевшего (кассира). Если обман установлен — мошенничество, если изъятие средств было тайным — кража.

Во-вторых, виновный использует поддельную или принадлежащую другому лицу платежную карту и получает в распоряжение чужие средства, сняв их в банкомате. Такие случаи традиционно квалифицируются как кража. В настоящее время необходимо вменять квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». При этом тайное хищение безналичных и электронных денежных средств приравнивается к краже в крупном размере, исходя из санкции части 3 статьи 158 УК РФ, хотя хищение и наличных, и безналичных, и электронных денежных средств по характеру и степени общественной опасности одинаково [10]. Здесь наблюдается ситуация, когда виновный снимает наличные с чужого счета с использованием поддельной или чужой карты через банкомат. Такие действия традиционно квалифицируются как кража с учетом признака «с банковского счета» (пункт «г» часть 3 статья 158 УК РФ). Однако возникает системная проблема: санкция за такую кражу строже, чем за мошенничество с электронными средствами платежа (статья 159.3 УК РФ) при схожей общественной опасности. Таким образом, налицо дисбаланс уголовной репрессии, при котором способ хищения (взаимодействие с банкоматом или человеком) необоснованно влияет на строгость наказания.

Однако мошенничество с использованием электронных средств платежа дифференцируется и в зависи-

мости от размера похищенного. И если по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ максимальное наказание в виде лишения свободы составляет 6 лет, то по части 1 статьи 159.3 УК РФ — всего 3 года, что представляется несправедливым при тайном хищении сумм менее крупного размера. Кроме того, банкомат также можно рассматривать как электронное средство платежа, поскольку он предоставляет возможность дистанционной выдачи распоряжения оператору по переводу денежных средств [1].

В-третьих, лицо обманым или иным путем завладевает личными данными держателя карты (номер карты, код ее верификации, логин, пароль и т. п.) и получает доступ к безналичным средствам потерпевшего. Верховный Суд Российской Федерации предлагает такие случаи также квалифицировать как кражу. Однако с введением пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ возникает вопрос о необходимости вменения данного признака в подобных ситуациях. Иногда в судебной практике имеют место ошибки при квалификации подобных деяний.

В случае с Б., который использовал сервис «Сбербанк Онлайн» для транзакции денежных средств с чужого банковского счета на счет продавца биткоинов и затем перевел криптовалюту на свой электронный кошелек, Енисейский районный суд Красноярского края изменил квалификацию происшествия. Ранее действия Б. рассматривались как кража, согласно пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, но теперь они переклассифицированы в соответствии с пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ. Основанием для изменения квалификации послужило отсутствие прямого незаконного воздействия на счет потерпевшего, из-за чего инцидент не может быть оценен как кража с банковского счета.

В данной ситуации кажется, что осуществлён был не-надлежащий подход к различению фактов кражи и мошенничества в области компьютерных данных. Законодательно указано, через фразу о том, что «при отсутствии признаков преступления по статье 159.3», подтверждается, что доступ к аккаунту был получен неправомерно и осуществлён без использования сложных информационных технологий [12]. Данный случай демонстрирует ошибочный подход. Получение доступа к онлайн-банку неправомерным путем и распоряжение средствами следует рассматривать как хищение с банковского счета, так как умысел виновного был направлен именно на эти безналичные средства.

В текущей юридической практике выделяется сложность точной классификации деликтов, связанных с кражей с банковских счетов, электронными денежными средствами, а также различными видами мошенничества, использующих электронные платежные системы или влияющих на компьютерную информацию. Это обусловлено однородностью целей атак и методов их реализации. В связи с этим, предлагается модифицировать Уголовный кодекс Российской Федерации: исключить пункты «г» части 3 статьи 158, статью 159.3 и статью 159.6, заменив их новой статьей, специализированной на преступ-

лениях против собственности с использованием информационных технологий.

Для более четкой интерпретации и квалификации случаев неправомерного обращения с электронными и безналичными финансовыми средствами, предлагается принять ряд изменений в Уголовный кодекс РФ. Планируется исключение пункта «г» части 3 статьи 158, статей 159.3 и 159.6, с заменой их на новый, отдельный вид преступления, названный «Хищение через информационные технологии». Это нововведение позволит объединить различные формы совершаемых хищений, категорированных по способу их выполнения, который представляет значительную социальную угрозу.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что существующая в настоящее время система уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за хищения с использованием информационных технологий, демонстрирует свою недостаточную эффективность и порождает системные проблемы правоприменения.

Анализ типичных способов совершения подобных преступлений (использование чужой карты через кассира, снятие средств через банкомат, неправомерный доступ к данным для дистанционного хищения) выявил устойчивую тенденцию к смешению и ошибочной квалификации составов кражи (пункт «г» часть 3 статья 158 УК РФ) и мошенничества (статья 159.3 УК РФ). Ключевыми проблемами являются:

– Сложность разграничения обмана и тайного хищения в условиях цифрового взаимодействия, когда отсутствует прямой контакт с владельцем имущества;

– Наличие законодательного дисбаланса в санкциях, при котором более строгое наказание за кражу с банковского счета по сравнению с мошенничеством при схожей общественной опасности деяния не имеет объективного обоснования;

– Противоречивость судебной практики, связанная с неадекватной оценкой дистанционных операций, что наглядно демонстрирует случай с перечислением средств через «Сбербанк Онлайн», ошибочно переквалифицированный из кражи в менее строгий состав.

Таким образом, результатом данного исследования является вывод о том, что дифференциация ответственности в зависимости от технических нюансов способа хищения, а не от его сути и размера причиненного ущерба, является архаичной и не соответствует реалиям цифровой экономики.

В качестве основного результата и пути решения выявленных проблем предлагается унификация уголовно-правового регулирования. Наиболее перспективным и логичным видится консолидация разрозненных составов (пункт «г» часть 3 статья 158, статья 159.3, статья 159.6 УК РФ) в единый специальный состав преступления — «Хищение с использованием информационных технологий». Введение такой нормы позволит устраниТЬ существующие противоречия в квалификации, обеспечить справедливую и соразмерную ответственность вне зависимости от избранного злоумышленником технического приема и создать адекватный правовой инструмент для противодействия современным киберугрозам в сфере собственности.

Литература:

1. Абрамова Е. Н. Электронное средство платежа как комплексный объект гражданских прав // Банковское право. 2018. № 1. С. 22–32.
2. Архипов А. В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4–9.
3. Головинов, О.Н., Погорелов, А. В. Киберпреступность в современной экономике: состояние и тенденции развития // Вопросы инновационной экономики. — 2016. — № 6(1). — С. 73–88.
4. Дементьева М. А., Лихачева В. В., Козырев Т. Г. Киберпреступления в банковской сфере Российской Федерации: способы выявления и противодействия // Экономические отношения. — 2019. — Т. 9, № 2. — С. 1009–1020.
5. Иванова Л. В. Хищение с использованием информационных технологий: проблемы квалификации / Л. В. Иванова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2020. — № 1. — С. 29–37.
6. Приговор Братского городского суда Иркутской области от 19 декабря 2020 г. N 1-558/2020// Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
7. Сводные статистические сведения МВД России за 2021 год // Официальный сайт МВД России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
8. Сводные статистические сведения МВД России за 2022 год // Официальный сайт МВД России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
9. Сводные статистические сведения МВД России за 2023 год // Официальный сайт МВД России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
10. Сводные статистические сведения МВД России за январь–октябрь 2024 год // Официальный сайт МВД России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 19.09.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с посл. изм. И доп. от 30 ноября 2024 № 421-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2025).

12. Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием ИТ-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. 2018. № 9. С. 43–47.
13. Яни П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30–35.

Понятие государственных и муниципальных нужд при изъятии земельных участков в российском законодательстве

Кутенкова Полина Витальевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В данной статье автор раскрывает понятие государственных и муниципальных нужд при изъятии земельных участков, подчеркивает необходимость баланса между публичными интересами и правами частных собственников, а также освещает сущность и проблемы процедуры изъятия земельных участков. Анализируется ключевая проблема — отсутствие в российском законодательстве четкого и единого определения понятий «государственные (муниципальные) нужды» и «публичные нужды», что приводит к правовой неопределенности, создает почву для злоупотреблений и затрудняет достижение справедливого компенсационного механизма. На основе проведенного анализа предлагается авторское определение публичных нужд.

Ключевые слова: земельные ресурсы, земельные участки, изъятие земельных участков, публичные нужды, государственные и муниципальные нужды, принудительное отчуждение, интересы общества, публичный интерес.

Правовое регулирование земельных ресурсов имеет первостепенное значение в силу их фундаментальной особенности — незаменимости. Земля представляет собой безальтернативный пространственный базис для существования как настоящего, так и будущих поколений, что и предопределяет ее сверхценность.

На сегодняшний день одна из приоритетных задач государства заключается в эффективном использовании земельных ресурсов, включая уже застроенные территории. Для успешной реализации больших инвестиционных и строительных проектов, размещения объектов государственного значения, а также организации крупномасштабных мероприятий необходимы земельные участки. Одним из актуальных способов достижения этой цели является процесс изъятия земель для общественных нужд.

Согласно исследованиям В. И. Сенчищева, лишение земельных участков в целях государственных (муниципальных) нужд является одним из основных способов прекращения права собственности в гражданском праве. Однако важным моментом здесь является принудительный характер такого прекращения. Таким образом, случаи, когда владельцы соглашаются на изъятие своих земельных участков, не рассматриваются, поскольку они основываются на другом способе прекращения права собственности — передаче имущества другим лицам посредством сделки [9].

Институт ограничения частной собственности в интересах общества является важным средством не только для регулирования процесса отчуждения частного земельного участка, но также для защиты прав собственников от произвола государственных органов. В своей сущности этот

институт представляет собой сбалансированную правовую конструкцию, объединяющую комплекс правовых и процессуальных инструментов, главной целью которых является предотвращение злоупотреблений и неправомерных действий со стороны властных структур в рамках процедуры изъятия частных земельных участков.

Однако на данный момент российским законодательством не определено единое понятие «общественных интересов», которые служат основанием для отчуждения частной земли. Это создает ряд проблем, которые мешают достижению гармонии между интересами частных лиц и общества в данной сфере [6].

При сравнении концепций «государственные-муниципальные нужды» и «публичные нужды», а также при рассмотрении практики публичных изъятий и решений судов, можно сделать вывод о необходимости ясного определения понятия «государственные-муниципальные нужды» (аналогичного американскому термину «публичные нужды») в российском законодательстве.

Для достижения этой цели необходимо ввести новое понятие — «публичные нужды», которое должно быть определено как текущая и постоянная потребность государства или муниципалитета (публичная потребность) в обеспечении определенного общественного блага или его сохранении для физических или юридических лиц. Это должно быть подтверждено законным решением государственного или муниципального органа. Данное определение «государственных и муниципальных нужд» является удобным, поскольку строится на общих принципах, предусмотренных конституцией и законодательством. Однако очевидно, что суть понятия публичных

нужд значительно расходится как с теоретическим пониманием, так и с практикой его применения [4].

Действующее законодательство Российской Федерации раскрывает содержание государственных нужд через систему ключевых направлений, таких как защита основ конституционного строя, обеспечение неприкосновенности государственных границ, содействие общественной безопасности, охрана жизни, здоровья и имущества граждан, а также сохранение экологической стабильности и охрана окружающей среды. В свою очередь, муниципальные нужды ориентированы на непосредственное повышение качества жизни населения в рамках компетенции органов местного самоуправления, определенной федеральным законодательством. Таким образом, механизм принудительного изъятия частных земельных участков применяется исключительно в случаях, когда их отчуждение преследует четко выраженную общественно полезную цель.

Понятие «государственные нужды» включает потребности как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях, что находит свое прямое закрепление в статье 49 Земельного кодекса РФ [2], которая объясняет положения статьи 35 Конституции РФ в контексте отчуждения земли [1].

Более подробно можно определить публичные нужды как объективные и релевантные для общества потребности, которые должны быть удовлетворены в соответствии с установленными правилами государственными организациями для множества людей [5]. В связи с этим отмечается, что понятие «публичные нужды» в том смысле, в каком оно применяется в российском законодательстве, не охватывает всей совокупности оснований для изъятия земельных участков, что обуславливает дискуссию о целесообразности использования более широких категорий — «общественные нужды» или «общественное использование» [10].

За исключением широкого спектра общественных потребностей, термин «публичные нужды» может не применяться к реальным потребностям общества. Некоторые цели использования земельных участков — например, строительство автомобильных дорог или освоение месторождений полезных ископаемых, — могут реализовываться не только государственными, но и коммерческими организациями или в интересах административно-территориальных образований, которые выступают в роли частных собственников [5]. В подобных ситуациях соответствие таких проектов критерию полной общественной полезности, являющемуся определяющим для «публичных нужд», вызывает обоснованные сомнения [7].

Понятия «публичные нужды» и «публичные интересы» связано с существующим в науке понятием «публичная собственность».

Как отмечает В. Н. Лисица, публичная собственность традиционно определяется как совокупность природных и имущественных объектов, доступных для всеобщего пользования обществом и каждым его гражданином.

Данная форма присвоения позволяет каждому члену общества иметь личный доступ к особо ценным материальным благам [8]. Таким образом, круг субъектов, уполномоченных инициировать принудительное изъятие земель для публичных нужд, логически не ограничивается исключительно публично-правовыми образованиями.

Статьей 56.4 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность изъятия земельных участков для публичных не только по инициативе уполномоченных органов публичной власти, но и по ходатайству организаций, перечисленных в Постановлении Правительства РФ от 6 мая 2015 года № 442 [3]. В данном случае, как полагается, суды должны руководствоваться мотивом принятия решения и обоснованием необходимости такого изъятия в правовых актах, а именно не только на получение прибыли хозяйствующим субъектом, но и на соответствие стратегическим целям и задачам государственной политики, а также достижению интересов общества.

Процесс изъятия земельных участков для публичных нужд несет в себе больше социальной значимости, чем заключается в ответственности собственников и владельцев, ибо тут имеет место наличие необходимых социальных потребностей, удовлетворение которых невозможно без изъятия земельного участка и его последующего использования для достижения значимых общественных целей и блага.

Идеальную гармонию интересов при изъятии земельных участков достигается сбалансированным правовым регулированием, которое включает упорядочение общественных отношений, возникающих при необходимости использовать участок земли в общественных целях, принадлежащий законно гражданам или компаниям, и направленное на максимальный учет прав и интересов последних, при условии сохранения правомочности публичной власти изымать земельные участки принудительно. Однако на практике отсутствие четких критерiev и процедур определения необходимости изъятия создает предпосылки для произвола и коррупционных действий, а собственникам земельных участков не всегда предоставляется справедливая компенсация, что вызывает недовлетворенность и несправедливость, причиной чего, является недостаточная прозрачность и открытость процесса изъятия земельных участков. Важно разработать прозрачные критерии и процедуры для определения необходимости изъятия участков и установить механизмы контроля и ответственности за неправомерные действия, а также обеспечить адекватную компенсацию собственникам земельных участков на основе справедливой оценки их стоимости, улучшить информационную прозрачность процесса изъятия земельных участков, давая общественности доступ к информации о планируемых проектах и принимаемых решениях, что поможет снизить вероятность коррупции и повысит доверие граждан к процессу изъятия земельных участков.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие выводы. Публичные нужды представляют собой

общественные значимые потребности, которые возникли на основании интереса широкого круга субъектов, в частности, целей и задач органов государственной власти и местного самоуправления, требующих соответствующего ресурсного обеспечения. То есть «государственные нужды» — это актуальные, длящиеся потребности государственные или муниципальные в обеспечении граждан определенными публичными благами или в их сохранении, подтвержденные вступлением в законную силу решения, вынесенного на основе плана по развитию, приня-

того в рамках надлежащей процедуры, предусмотренной в законодательстве.

Институт изъятия земельных участков для публичных нужд не относится к мерам юридической ответственности, поскольку его основанием выступает не совершение собственником и иным владельцем правонарушения, а наличие общественно значимых потребностей, реализация которых невозможна без изъятия земельного участка и его последующего использования в публичных интересах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2025).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
3. Постановление Правительства РФ от 06.05.2015 № 442 «Об утверждении перечня организаций, имеющих право на обращение с ходатайствами об изъятии земельных участков для федеральных нужд» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 05.10.2025).
4. Волков Г. А. Понятие недвижимого имущества: публично-правовой аспект // Экологическое право. 2018. № 4. С. 20–26.
5. Дибирдеев А. В. Проблемы определения публичных нужд при изъятии земельных участков // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1. С. 34–37.
6. Евсегнеев В. А. Собственность на землю в фокусе интересов // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 69–79.
7. Имекова М. П. Новеллы в правовом регулировании изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 109–115.
8. Лисица В. Н. Инвестиционное право / В. Н. Лисица. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. — 568 с.
9. Сенчищев В. И. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 108–136.
10. Храмова И. С. Защита прав собственников земельных участков при их изъятии для публичных нужд // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 13–14.

Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба

Лаптев Павел Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Стародубцева Олеся Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России

Объектом исследования выступают общественные отношения, характеризующие освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Автор определил освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба как альтернативу строгим мерам уголовно-правового воздействия, применяемую к виновным, осознавшим общественную опасность своих действий и предпринявшим меры по восстановлению нарушенного права потерпевшего. Данная мера позитивного воздействия способствует дезактивации конфликтов, снижению уровня жесткости наказания, стимулированию лиц, совершивших преступления, к сотрудничеству с правоохранительными органами, снижению нагрузки на пенитенциарную систему, созданию условий для социальной реабилитации виновного и реализацию принципов гуманизма в уголовном праве.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, гуманизм, общественная опасность, реализация принципа справедливости.

Освобождение от уголовной ответственности представляет собой сложный правовой институт, направленный на реализацию принципов гуманизма в уг-

ловном праве. Данный институт предполагает отказ государства от применения строгих мер уголовно-правового воздействия к лицу, совершившему преступление,

при наличии определённых условий, которые свидетельствуют об утрате общественной опасности, как самого деяния, так и личности виновного.

Обусловленность института освобождения от уголовной ответственности определяется комплексом факторов, которые находят отражение, как в теоретических основах уголовного права, так и в практических потребностях общества. Прежде всего, данный институт обусловлен необходимостью достижения справедливости в правоприменительной деятельности, что предполагает учет не только характера и степени общественной опасности совершенного деяния, но и личностных качеств виновного, а также его поведения после совершения преступления.

Среди обуславливающих факторов выделяются как объективные, так и субъективные аспекты. Объективная сторона заключается в оценке характера и степени общественной опасности совершённого деяния, а также последствий, которые могут быть устранины или компенсированы. Субъективная сторона связана с личностью виновного, его поведением после совершения преступления, включая готовность возместить причинённый ущерб или иным образом загладить вред. Особое значение в данном контексте приобретает анализ мотивации лица, что позволяет оценить степень его исправления и потенциальную возможность избежать рецидива.

В современной правовой системе институт, регулируемый ст. 76.1 УК РФ, получил название «освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». Ранее этот механизм именовался как освобождение по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Это название сохранило актуальность поскольку в современной правоприменительной деятельности реализуется в отношении лиц, совершивших экономические преступления.

Семантика слова «освобождать» в русском языке подразумевает избавление от чего-либо нежелательного или обременительного, включая обязанности отвечать за совершенные деяния. В свою очередь, термин «ответственность» трактуется, как необходимость нести бремя последствий за свои действия или решения [11]. Такая трактовка создает основу для понимания правовой природы освобождения от уголовной ответственности, которая напрямую связана с интерпретацией самой уголовной ответственности. Однако здесь возникают сложности, поскольку ни действующее законодательство, ни научное сообщество не предлагают единого подхода к определению данного явления.

В научной литературе представлены различные концепции понимания уголовной ответственности. Одни исследователи рассматривают ее как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения [4], в то время как другие воспринимают ее именно как форму государственного принуждения [6, с. 16]. Некоторые авторы акцентируют внимание на том, что уголовная ответственность представляет собой порицание со стороны государства за совершенное

преступление, сопровождающееся применением мер уголовно-правового воздействия [7, с. 21–22].

Таким образом, выбор конкретного подхода к пониманию уголовной ответственности влияет на формулировку и содержание самого института освобождения от нее. Естественно, разным, в зависимости от избранного подхода, будет и определение освобождения от уголовной ответственности.

В научной литературе существует множество подходов к определению освобождения от уголовной ответственности и его характеристик, что подчеркивает значимость данной проблемы, как с теоретической, так и с практической точки зрения. М. И. Федоров трактует освобождение от уголовной ответственности как формальное решение уполномоченного государственного органа об отказе от осуждения, порицания или применения мер принуждения в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления [15, с. 359].

Ю. И. Ткачевский рассматривал данный институт через призму прекращения уголовного преследования, включая как отказ от возбуждения дела, так и его окончательное прекращение на любом этапе [16, с. 349].

Согласно мнению В. В. Скибицкого, освобождение от уголовной ответственности представляет собой законодательно закрепленный механизм устранения ответственности за общественно опасное деяние, если цели наказания и задачи уголовного права могут быть достигнуты без применения мер правового принуждения [14, с. 25].

Р. Р. Галиакбаров акцентирует внимание на том, что освобождение от уголовной ответственности влечет за собой исчезновение правовых последствий совершенного деяния [7, с. 218].

С. Г. Келина, в свою очередь, подчеркивала, что данный институт выражается в отказе государства от негативной оценки личности виновного, если это предусмотрено законодательством [9, с. 25–31, 24, 90].

Рассмотренные выше позиции авторов позволяют рассматривать понятие освобождения от уголовной ответственности как институт прекращения уголовного преследования на основании устранения общественно-опасных последствий деяния и в связи с достижением цели уголовного наказания без принуждения.

Современное состояние института освобождения от уголовной ответственности характеризуется динамичным развитием и адаптацией к меняющимся условиям общественной жизни. Законом предусмотрены следующие виды освобождения, связанные с заглаживанием причиненного вреда:

1) Освобождение в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации), которое предполагает активные действия лица, направленные на заглаживание причиненного вреда. Такой подход позволяет оценить степень исправления виновного и его готовность к социальной реабилитации, что подчеркивается в научной литературе как важный элемент индивидуализации уголовной ответственности.

2) Примирение с потерпевшим (ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации) также рассматривается как значимый механизм, способствующий восстановлению нарушенных прав и укреплению доверия между участниками правоотношений. В данном случае акцент делается на защите интересов потерпевшего, что становится определяющим фактором для прекращения уголовного преследования.

3) Освобождение в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) направлено на достижение баланса между интересами общества, потерпевшего и лица, совершившего преступление, в случаях если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления возмещен в полном объеме.

4) Освобождение в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Возмещение ущерба потерпевшему появилось в результате расширения перечня оснований освобождения от уголовной ответственности при внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ)^[2] в период 2010–2015 годов. Эти изменения направлены на обеспечение баланса между интересами общества, потерпевшего и виновного, а также на снижение нагрузки на правоохранительную и судебную системы.

Особую значимость приобретает вопрос практического применения норм об освобождении от уголовной ответственности. Реальное применение данной нормы можно оценить по данным статистики, публикуемой Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба за 2018 г. [13] и статистики, публикуемой Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба за 2023 г. [14]. Так, по статьям УК РФ, предусмотренным в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», а именно согласно таблице отчета по статьям 169–200.7 УК РФ в 2018 г. было осуждено 7 717 человека, при этом освобождено в связи с возмещением ущерба только 31 человека. В 2023 году по статьям УК РФ, предусмотренным в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», а именно согласно таблице отчета по статьям 169–200.7 УК РФ было осуждено 11 071 человека при этом освобождено в связи с возмещением ущерба только 39 человека. Полученная информация дает возможность сравнить показатели с разницей в 5 лет и сделать вывод о том, что в 2018 году более чем 90 % случаев применялась именно ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, а в 2023 году та же статья применялась лишь в 56,5 % случаев. Следовательно, по полученным данным в настоящее время, в большинстве

случаев лица все-таки не возмещают причиненный преступлением ущерб.

Судебная практика демонстрирует, что данный институт активно используется в случаях, когда лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, проявляет инициативу к примирению с потерпевшим и возмещению ущерба. Однако на практике возникают сложности, связанные с интерпретацией законодательных норм и их применением в конкретных случаях. Например, отказ подозреваемого или обвиняемого от прекращения уголовного преследования может стать препятствием для реализации данного института. Это подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования, как законодательства, так и правоприменительной практики.

В научной литературе освобождение от уголовной ответственности рассматривается как один из механизмов реализации принципа справедливости в уголовном праве. Исследователи акцентируют внимание на том, что данный институт должен быть направлен не только на защиту интересов потерпевшего, но и на социальную реабилитацию виновного, что особенно важно в условиях растущей роли восстановительного правосудия.

Современные тенденции развития уголовного права свидетельствуют о постепенном переходе от репрессивной модели уголовной ответственности к более гуманной, ориентированной на восстановление нарушенных прав и укрепление доверия между участниками правоотношений.

Ключевым фактором, обуславливающим развитие института освобождения от уголовной ответственности, обеспечивая его соответствие современным требованиям справедливости и эффективности, выступает принцип гуманизма. Принцип гуманизма оказывает значительное влияние на развитие института освобождения от уголовной ответственности, формируя основу для более гибкого и справедливого подхода к лицам, совершившим преступления. Этот принцип направлен на защиту прав и свобод человека, что проявляется в стремлении минимизировать применение избыточных мер уголовно-правового воздействия.

Это не только снижает нагрузку на правоохранительную систему, но и стимулирует позитивное поведение виновного, способствуя его социальной реабилитации.

Однако реализация принципа гуманизма в данном институте сталкивается с рядом проблем, связанных с интерпретацией норм права и их применением. Например, несоответствие принципу гуманизма может наблюдаться при освобождении от уголовной ответственности по преступлениям в сфере экономической деятельности, где важно учитывать баланс интересов общества, потерпевшего и виновного.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в пункте 1 Постановления Пленума от 27 июня 2013 года № 19 [3], данный акт рассматривается как отказ государства от реализации мер уголовной ответственности, таких как осуждение или назначение наказания. Однако важно

отметить, что с формально-правовой точки зрения речь идет не об освобождении от самой уголовной ответственности (поскольку она возникает только с вынесением обвинительного приговора), а лишь от обязанности ее нести. Этот подход применим как на досудебных этапах, так и в суде [8, с. 20–26].

Автор данной работы разделяет мнение О. Н. Кузьминой, которая определяет понятие освобождения от уголовной ответственности как решение уполномоченного государственного органа или должностного лица о прекращении уголовно-правового отношения, возникшего в связи с фактом совершения лицом преступления, принимаемое на стадии предварительного расследования или судебного рассмотрения вплоть до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату, либо решение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, оформленные в соответствующем процессуальном или подзаконном акте, основанием для которых является положительное посткриминальное поведение лица или наступление определенных юридических фактов [10, с. 53].

Нормы, устанавливающие виды, основания и условия освобождения от уголовной ответственности, в своей совокупности представляют собой самостоятельный межотраслевой институт.

В целом, можно сделать вывод, что освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба способствует реализации принципа справедливости в уголовном праве. Данный институт направлен на достижение баланса между интересами общества, потерпевшего и лица, совершившего преступление, что подчеркивает его особую значимость в современной правовой системе. Сущность данного механизма заключается в отказе государства от применения мер уголовно-правового воздействия при условии, что лицо загладило причиненный вред путем полного или частичного возмещения ущерба.

Возмещение ущерба рассматривается как важное обстоятельство, которое снижает степень общественной опасности совершенного деяния и свидетельствует о позитивных изменениях в поведении виновного. Это позволяет пересмотреть необходимость применения уголовной ответственности, которая, по своей сути, является крайней мерой государственного принуждения. В научной литературе подчеркивается, что данный подход способствует не только восстановлению нарушенных прав потерпевшего, но и созданию условий для социальной реабилитации виновного.

Особое значение имеет анализ роли возмещения ущерба как условия освобождения от уголовной ответственности. В ряде случаев законодательство предъявляет строгие требования к исполнению этого условия, например, обязательное перечисление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации при совершении экономических преступлений. Такие требования направлены на обеспечение эффективности правоприме-

нительной практики и недопустимость злоупотребления данным институтом.

Сущность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба также проявляется в его влиянии на развитие системы восстановительного правосудия. Современные тенденции свидетельствуют о постепенном переходе от репрессивной модели к более гуманной, ориентированной на примирение сторон и восстановление нарушенных прав. Возмещение ущерба становится ключевым элементом данного процесса, так как оно способствует укреплению доверия между участниками правоотношений и снижению уровня конфликтности в обществе.

Таким образом, сущность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба заключается в его функциональной направленности на достижение справедливости, защиту прав потерпевшего и гуманизацию уголовного права. Данный институт демонстрирует адаптивность уголовного законодательства к изменяющимся условиям общественной жизни и играет важную роль в обеспечении эффективности правоприменительной практики.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба характеризуется как институт, направленный на минимизацию последствий совершенного деяния путем компенсации причиненного вреда. Это особенно актуально в случаях экономических преступлений, где законодательство предъявляет строгие требования к выполнению данного условия.

Вышеуказанный институт способствует достижению целей уголовного правосудия и адаптации к современным условиям развития общества.

В отличие от таких видов освобождения, как деятельное раскаяние или примирение с потерпевшим, данный механизм акцентирует внимание на материальной стороне заглаживания вреда, причиненного преступлением. Возмещение ущерба выступает ключевым условием прекращения уголовного преследования, что подчеркивает его практическую значимость, особенно в случаях экономических преступлений, где перечисление средств в бюджетную систему Российской Федерации становится обязательным. Возмещение ущерба выступает не только способом заглаживания последствий преступления, но и демонстрирует готовность лица к позитивному поведению, что является важным аргументом для прекращения уголовного преследования.

Системный характер данного вида освобождения определяется также его связью с принципами справедливости и целесообразности. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба рассматривается как механизм, направленный на восстановление нарушенных прав потерпевшего и общественных интересов, а не только как способ смягчения ответственности виновного. Оно особенно значимо в случаях экономических правонарушений, где перечисление средств в бюджетную систему Российской Федерации становится

обязательным условием. Это подчеркивает уникальность данного механизма в сравнении с другими видами освобождения, которые чаще основываются на морально-правовых аспектах.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба — это реализация принципов гуманизма в уголовном праве за счет отказа от применения уголовного наказания в тех случаях, если виновный осознал свои действия и предпринял меры по их исправлению, а именно к восстановлению нарушенного права потерпевшего без необходимости применения

строгих мер уголовно-правового воздействия, тем самым стимулируя лиц, совершивших преступления, к сотрудничеству с правоохранительными органами, что, в свою очередь, способствует снижению нагрузки на пенитенциарную систему и созданию условий для социальной реабилитации виновного.

Данный институт занимает важное место в системе видов освобождения от уголовной ответственности, дополняя их и обеспечивая баланс между защитой прав потерпевших, интересами государства и возможностью социальной реабилитации лица, совершившего преступление.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, (с учетом поправок, внесенных Законом о поправках к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2014. № 31. Ст. 4398; // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 8.
4. Астемиров З. А. Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права: в 35 т. / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2007.
5. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.
6. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности (с учетом обобщения судебной практики): науч.-практич. пособие. М., 2010.
7. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Краснодар, 1999.
8. Звечаровский И. Э. О практике освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. 2023. N 5. С. 20–26.
9. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А. А. Пионтковский. М., 1974.
10. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 2020. — 210 с. 53
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2003.
12. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Дата обращения: 01.04.2025 г.).
13. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823> (Дата обращения: 01.04.2025 г.).
14. Скибицкий В. В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев, 1987.
15. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. М., 1977.
16. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера, В. Н. Кудрявцева, В. Д. Меньшигина. М., 1974.

Проблемы защиты прав потребителей медицинских услуг

Леонтьева Анастасия Юрьевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем, возникающих в сфере защиты прав потребителей при оказании медицинских услуг. Автор рассматривает специфику медицинской услуги как объекта гражданско-правового регулирования, выделяя её ключевые особенности: высокую степень неопределенности результата, зависимость от индивидуальных особенностей пациента, информационную асимметрию и публично-правовую природу деятельности медицинских организаций. На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации, включая Закон РФ «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», а также судебной практики, выявляются системные противоречия. Основное внимание уделяется проблемам квалификации отношений как потребительских, доказывания вины медицинской организации, определения размера и взыскания компенсации морального вреда, а также недостаткам досудебного порядка урегулирования споров. В заключении формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности механизмов защиты прав пациентов.

Ключевые слова: защита прав потребителей, медицинские услуги, пациент, медицинская организация, врачебная ошибка, гражданско-правовая ответственность, моральный вред, доказывание, законодательство о здравоохранении.

Сфера здравоохранения обладает высокой социальной значимостью, а право на охрану здоровья гарантировано Конституцией Российской Федерации в качестве одного из основополагающих прав человека. Ускоренное развитие медицинских технологий, рост коммерциализации в данной области и повышение уровня правовой грамотности населения обусловливают увеличение количества судебных разбирательств, связанных с оказанием медицинской помощи ненадлежащего качества. Несмотря на сформированную законодательную базу, правоприменительная практика в сфере защиты прав потребителей медицинских услуг характеризуется наличием системных проблем, вызванных спецификой предмета данных правоотношений.

Цель исследования заключается в выявлении и комплексном анализе ключевых проблем в механизме защиты прав потребителей медицинских услуг с последующей разработкой практических рекомендаций по их разрешению.

Задачи исследования:

1. Установить правовую природу медицинской услуги и определить применимость законодательства о защите прав потребителей.
2. Провести анализ проблемных аспектов процесса доказывания по спорам, возникающим из ненадлежащего оказания медицинской помощи.
3. Исследовать особенности взыскания компенсации морального вреда по данной категории дел.
4. Оценить эффективность досудебного порядка урегулирования соответствующих споров.

Центральной проблемой защиты прав потребителей медицинских услуг является правовая квалификация отношений между пациентом и медицинской организацией. В силу ст. 2 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1], под потребителем понимается гражданин, приобретающий или использующий услуги исключительно для личных нужд. Медицинская услуга, оказываемая как на

платной основе, так и в системе обязательного медицинского страхования (где финансирование осуществляется через фонд, а пациент является конечным потребителем), соответствует данному определению.

Вместе с тем, медицинская услуга характеризуется рядом особенностей, создающих сложности в применении общих норм потребительского законодательства:

1. Отсутствие гарантированного результата. Исход лечения объективно зависит не только от качества оказанной услуги, но и от ряда внешних факторов (тяжесть заболевания, индивидуальные особенности организма), что противоречит стандартным для потребительских отношений ожиданиям конкретного результата.

2. Информационная асимметрия. Пациент, не обладающий специальными познаниями, находится в заведомо неравном положении по отношению к исполнителю. В связи с этим особую значимость приобретает обеспечение права пациента на полную и достоверную информацию об услуге, включая связанные с ней риски (ст. 10 Закона «О защите прав потребителей»).

3. Публично-правовая составляющая. Деятельность медицинских организаций строго регламентирована (лицензирование, клинические рекомендации, порядки оказания медицинской помощи). Нарушение данных предписаний служит одним из ключевых оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

В соответствии со ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ [2], бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о ненадлежащем качестве услуги, возлагается на истца (пациента), что создает основную процессуальную трудность.

От пациента требуется доказать комплекс обстоятельств:

1. факт оказания услуги;
2. факт причинения вреда жизни, здоровью или имуществу;

3. причинно-следственную связь между действиями (бездействием) медицинского персонала и наступившими негативными последствиями;

4. вину причинителя вреда (по деликтным искам).

Установление причинно-следственной связи и вины necessitates проведение судебно-медицинской экспертизы, однако и здесь возникают системные проблемы:

1. Качество экспертных заключений: зачастую они носят вероятностный характер и не содержат однозначных выводов.

2. «Ведомственная солидарность»: эксперты, являющиеся практикующими медиками, могут занимать сторону медицинской организации.

3. Ненадлежащее ведение медицинской документации: неполнота или некорректность записей лишает экспертов объективной основы для исследования.

В качестве одного из путей преодоления данных проблем рассматривается последовательное применение презумпции вины причинителя вреда (п. 2 ст. 1064 ГК РФ [3]) и нарушителя договорных обязательств (ст. 401 ГК РФ), а также распространение на данные отношения правил ст. 6 Закона «О защите прав потребителей», согласно которой бремя доказывания отсутствия вины лежит на исполнителе.

Компенсация морального вреда является основным способом защиты при причинении вреда здоровью пациента. Основная сложность заключается в определении размера компенсации, который, согласно ст. 151 ГК РФ [3], устанавливается судом с учетом характера и степени страданий, степени вины причинителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Судебная практика демонстрирует значительный разброс присуждаемых сумм. За отсутствием четких критериев, суды нередко присуждают символические компенсации, неадекватные перенесенным страданиям. Отдельную сложность представляет оценка морального вреда, причиненного родственникам в случае смерти пациента, что требует от судов особо взвешенного и аргументированного подхода.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ароцкер, Л. Е. Судебно-медицинская экспертиза по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников. — М.: Медицина, 2019.
6. Безгодов, Д. С. Защита прав потребителей медицинских услуг: теория и практика. — М.: Статут, 2021.
7. Кабанов, Р. Э. Проблемы доказывания по делам о возмещении вреда, причиненного при оказании медицинской помощи // Медицинское право. — 2020. — № 4. — С. 15–21.
8. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей медицинских услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 3.

Для споров в системе ОМС установлен обязательный досудебный порядок обращения в страховую медицинскую организацию или Росздравнадзор. Однако его эффективность остается низкой. Проверки зачастую проводятся формально, с привлечением лиц, потенциально заинтересованных в скрытии нарушений. Ощущение бесправия в досудебной процедуре побуждает пациентов обращаться непосредственно в суд, минуя нерезультативные стадии.

Проведенный анализ позволяет констатировать наличие комплекса системных проблем в области защиты прав потребителей медицинских услуг, обусловленных спецификой медицинской деятельности, пробелами в правовом регулировании и сложностями правоприменения.

Для повышения эффективности защиты прав пациентов целесообразно реализовать следующие меры:

1. Законодательное закрепление презумпции вины медицинской организации с возложением бремени доказывания надлежащего исполнения обязательств на исполнителя услуги.

2. Совершенствование судебно-экспертной деятельности, включая формирование независимых экспертных центров и разработку унифицированных критериев оценки действий медицинских работников.

3. Разработка примерных методик для судов по определению размера компенсации морального вреда, учитывающих тяжесть вреда, длительность лечения и степень утраты трудоспособности.

4. Повышение эффективности досудебного порядка за счет внедрения института независимых экспертов при проведении проверок и усиления общественного контроля.

Реализация предложенных мер будет способствовать не только восстановлению нарушенных прав пациентов, но и стимулированию медицинских организаций к неукоснительному соблюдению установленных стандартов и норм, что в конечном итоге позитивно скажется на качестве медицинской помощи в целом.

Понятие и основные черты судебного следствия

Лой Диана Игоревна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены различные научные подходы к определению стадии судебного следствия. Анализируются основные черты судебного следствия.

Ключевые слова: судебное следствие, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство.

Судебное разбирательство структурно представляет собой пять взаимосвязанных и последовательно сменяющихся частей: подготовительная, судебное следствие, судебные прения, последнее слово подсудимого и вынесение приговора.

Судебное следствие занимает центральное место в судебном разбирательстве, на данной стадии суд с участием обвинителя, подсудимого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей исследует доказательства, представленные в суд, собранные на предварительном следствии, а также собранные и самим судом.

В уголовно-процессуальном законодательстве не дано понятия судебного следствия, однако механизм осуществления подробно регулируется в статьях 273–291 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — Уголовно-процессуальный кодекс).

В научной литературе встречается множество работ, дающих определение данной стадии, например:

Судебное следствие — центральный этап судебного разбирательства, в котором производится состязательное исследование имеющихся в деле и собирание вновь предоставленных доказательств [3].

Судебное следствие — это период окончательного производства, в течение которого суд знакомится с доказательствами по делу и при участии сторон проверяет их [5].

М. С. Стrogович же пишет: «Центр тяжести всего уголовного процесса лежит на стадии судебного разбирательства, именно в этой стадии осуществляется правосудие» [2].

Как считает С. А. Александрова, «судебные действия — это процессуальные действия, связанные с осуществлением полномочий суда в уголовном судопроизводстве (в ходе досудебного и судебного производства), производимые в судебном заседании судом (судьей) либо иными участниками уголовного судопроизводства под организационным руководством суда (судьи) в порядке, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством РФ» [1].

Таким образом, проанализировав указанные точки зрения, можно сделать вывод, что судебное следствие — это основная часть судебного разбирательства, регламентированная процессуальным законом, в котором при участии сторон происходит исследование всех собранных доказательств для установления наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для определения

виновности подсудимого в совершении преступления, на основе чего суд выносит решение.

Особое место судебного следствия, на наш взгляд, определяется тем, что на этой стадии процесса разрешаются вопросы о виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом ему деянии и о назначении виновному установленной законом меры наказания.

Все дела рассматриваются с соблюдением общих правил и принципов судебного разбирательства, большинство из них содержится в главе 35 Уголовно-процессуального кодекса, которая и называется «Общие условия судебного разбирательства».

Общие условия судебного разбирательства — это требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законом к процедуре рассмотрения уголовного дела и принятию решений в судебном заседании, несоблюдение которых влечет признание принятых в результате судебного разбирательства решений незаконными.

К таковым относятся: непосредственность и устность; гласность; неизменность состава суда; равенство прав участвующих сторон.

Правовые нормы, определяющие общие условия судебного разбирательства, распространяются на весь ход судебного процесса. Данные элементы характеризуют судебное разбирательство и являются его основными чертами.

Судебное следствие начинается с изложения обвинителем обвинения, предъявленного подсудимому. После этого председательствующий выясняет у подсудимого, понятно ли ему обвинение, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению [4].

Так, к основным судебным действиям, осуществляемым в процессе доказывания в судебном следствии, являются: допрос подсудимого, потерпевшего, свидетеля; оглашение показаний подсудимого, потерпевшего, свидетеля, а также протоколов следственных действий и иных документов; производство судебной экспертизы; осмотр вещественных доказательств, местности и помещения; оглашение протоколов следственных действий и иных документов (глава 37 Уголовно-процессуального кодекса).

Специфика судебного следствия заключается в том, что суд создает условия для реализации прав сторон, так как именно они в условиях состязательности производят допросы и исследуют все доказательства.

На основе вышесказанного следует отметить, что принятие решения по всем вопросам основывается на всесто-

роннем, полном, непосредственном и объективном исследовании судом всех обстоятельств уголовного дела.

Основной задачей судебного следствия является непосредственное исследование всех доказательств, проверка всех версий и событий, исследование доказательств всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, на основе чего суд принимает решение.

Как мы уже говорили, судебное следствие занимает особую роль в судебном разбирательстве. Данный этап не

является повторением исследования, которое проводится на предварительном расследовании, здесь проводится полное, всесторонне, объективное исследование доказательств, содержащихся в материалах дела, а также представленных сторонами в суд.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что судебное следствие проводится в целях установления всех обстоятельств, необходимых для правильного разрешения дела по существу.

Литература:

1. Александрова С. А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим: дис. канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. URL: <https://www.dissertcat.com/content/sudebnye-deistviya-osushchestvlyayemye-sudom-pervoi-instantsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-r>
2. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. — Ростов на/Д. 2015.
3. Курс уголовного процесса: учебное пособие / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко — 2-е изд., испр. — Москва: СТАТУТ, 2017. — ISBN 978-5-8354-1335-5. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/113590>.
4. Уголовный процесс. Краткий курс: учебное пособие для среднего профессионального образования / под ред. А. В. Гриненко, О. В. Химичевой. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.
5. Хайдаров А. А. Проблема соотношения понятий «судебное заседание», «судебное разбирательство» и «судебное следствие» в уголовно-процессуальном законе // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2011. № 5.

Становление и развитие учения о продолжаемом преступлении в отечественной уголовно-правовой доктрине

Малый Алина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лапунин Михаил Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует процесс развития института продолжаемого преступления в отечественной юридической науке и его отражение в законодательстве и уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: уголовное право, продолжаемое преступление.

Институт продолжаемого преступления в российской уголовно-правовой системе занимает совершенно особое место, представляя собой уникальный правовой феномен. Его парадоксальность заключается в широчайшем и повседневном применении в следственной и судебной практике при полном отсутствии легальной дефиниции в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). Данное обстоятельство превращает продолжаемое преступление в экстра-легальную, по своей сути, доктринально-судебную конструкцию, содержание и признаки которой формируются не волей законодателя, а совокупностью научных воззрений, выработанных на протяжении полутора веков, и разъяснений высшей судебной инстанции, вынужденной компенсировать законодательный пробел.

Такая ситуация, когда фундаментальный для квалификации многих деяний институт не имеет нормативного закрепления, неизбежно порождает правовую неопределенность, становится источником противоречивой правоприменительной практики и, как следствие, актуализирует необходимость глубокого ретроспективного анализа. Обращение к генезису данного института, к его интеллектуальным истокам, является не просто данью исторической традиции, а необходимым методологическим инструментом, позволяющим понять причины современных проблем его квалификации. Целью настоящего параграфа является исследование интеллектуальной генеалогии учения о продолжаемом преступлении, от его зарождения в трудах дореволюционных юристов, через нормативную и доктринальную институционализацию в советский пе-

риод, до современных научных дискуссий, определяющих векторы его дальнейшего развития.

Доктринальные предпосылки формирования учения в дореволюционном уголовном праве (середина XIX — начало XX вв.)

Отечественное уголовное законодательство имперского периода, вплоть до его упразднения в 1917 году, не знало формализованного понятия продолжаемого преступления. Ни Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в его многочисленных редакциях, ни Уголовное уложение 1903 г., представлявшее собой наиболее прогрессивный для своего времени акт кодификации, основанный на достижениях классической школы уголовного права, не оперировали данной категорией. Законодатель того времени мыслил преимущественно категориями единичного действия и их механической совокупности. Однако именно в рамках юридической науки, переживавшей в тот период свой расцвет, были заложены концептуальные основы для будущего учения. Проблема разграничения единого преступления и множественности действий (*concursum delictorum*) стала предметом глубокого анализа в трудах ведущих российских юристов.

Ключевой фигурой в этом процессе, заложившей теоретический фундамент для всей последующей доктрины, безусловно, является Н. С. Таганцев. В своем фундаментальном труде «Русское уголовное право» он, анализируя единство преступного действия, хотя и не использовал современную терминологию, фактически с непревзойденной точностью описал его сущностные признаки. Рассматривая случаи, когда «преступное действие слагается из нескольких отдельных актов, из коих каждый сам по себе представляет самостоятельное целое», он указывал, что для признания их единым преступлением необходимо «единство решимости», охватывающей все эти акты, которое делает их «лишь моментами одного и того же целого» [3]. По мнению Н. С. Таганцева, именно эта субъективная связь, общая цель и единая воля виновного трансформируют ряд разрозненных, физически обособленных действий в одно продолжаемое посягательство, единое в юридическом смысле. Он подчеркивал, что такая конструкция возможна лишь там, где отдельные действия являются однородными и направлены на один и тот же объект.

Схожую, но несколько иначе акцентированную позицию занимал Н. Д. Сергиевский. Он подчеркивал, что совокупность преступлений отсутствует, когда несколько действий являются лишь «осуществлением одного и того же намерения» и посягают на одно и то же правоохраняемое благо [4]. Приведенный им классический пример о хищении дров из одного и того же сарая в течение нескольких ночей подряд, объединенном общим намерением похитить определенный объем, до сих пор используется в учебной литературе для иллюстрации продолжаемого преступления, демонстрируя поразительную

живучесть доктринального образа. Взгляды Н. С. Таганцева и Н. Д. Сергиевского развивал и И. Я. Фойницкий, который также указывал на то, что несколько последовательных действий могут рассматриваться как единое преступление, если они представляют собой «выполнение единого преступного предприятия» [5].

Важно отметить, что дореволюционная доктрина акцентировала внимание именно на субъективном критерии — «единстве решимости», «одном и том же намерении», «едином предприятии». Именно этот внутренний, психологический элемент рассматривался как основной демаркационный признак, отделяющий сложное единое преступление от идеальной или реальной совокупности. Объективные признаки, такие как тождество способа, места и времени совершения, рассматривались как вторичные, производные, служащие лишь внешним проявлением и важнейшим доказательством этого внутреннего единства. Отсутствие законодательного закрепления приводило к тому, что признание действия продолжаемым оставалось целиком на усмотрении суда, который руководствовался своим «внутренним убеждением», сформированным на основе доктринальных представлений. Таким образом, к началу XX века российская уголовноправовая мысль уже сформировала зрелый теоретический прототип продолжаемого преступления, однако он так и не получил законодательного воплощения, оставшись в плоскости «профессорского права» и немногочисленных решений Правительствующего Сената.

Институционализация понятия в советский период: от судебной практики к теории

Кардинальные социально-политические изменения после 1917 года и принятие новых уголовных кодексов РСФСР 1922 г., 1926 г. и, впоследствии, 1960 г. не привели к немедленной законодательной регламентации продолжаемого преступления. Однако потребности новой, централизованной и жестко унифицированной судебной системы, столкнувшейся с необходимостью квалификации массовых, серийных однотипных хищений социалистической собственности, должностных злоупотреблений и иных действий, порожденных новой экономической реальностью, настоятельно требовали выработки единых и обязательных для всех судов подходов. В этих условиях, когда законодатель бездействовал, роль «квазинормативного» регулятора взяла на себя высшая судебная инстанция.

Поворотным моментом, формально легитимировавшим институт продолжаемого преступления в советском праве, стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» [2]. Данный документ, преследовавший сугубо утилитарные, практические цели (определение начального и конечного моментов преступления для исчисления сроков), впервые на официальном уровне

ввел в юридический оборот термин «продолжаемое преступление». Пленум определил его как «действие, слагающееся из ряда тождественных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление». Это определение, несмотря на свою лаконичность и некоторую абстрактность, заложило незыблемую основу для всей последующей доктринальной и правоприменительной практики. Оно четко закрепило два ключевых признака, ставших «визитной карточкой» института: объективный (ряд тождественных действий) и субъективный (общая цель). С этого момента продолжаемое преступление перестало быть исключительно доктринальной категорией и превратилось в действующий инструмент судебной практики.

Судебная практика, в свою очередь, стимулировала бурное развитие теории. Одним из первых советских ученых, кто системно проанализировал данный феномен на основе нового законодательства и судебных разъяснений, стал А. Н. Трайнин. В своем учении о составе преступления он рассматривал продолжаемое действие как одну из форм единого сложного преступления и подчеркивал, что его сущность заключается в том, что «отдельные действия виновного, каждое из которых содержит признаки данного состава преступления, объединены единым умыслом» [6]. Развивая эти положения, В. Н. Кудрявцев в своих работах по теории квалификации преступлений уделял особое внимание психологическому содержанию единого умысла. Он справедливо отмечал, что этот умысел должен возникнуть у лица до начала совершения первого из тождественных действий, охватывая в общих чертах весь план будущей преступной деятельности [7]. Этот тезис имеет колossalное практическое значение, поскольку ограничивает продолжаемое преступление от совокупности, при которой умысел на совершение каждого последующего преступления возникает заново.

Значительный вклад в разработку проблемы внесли и другие видные советские ученые. Так, М. И. Ковалев детально анализировал объективные критерии, в частности, понятие «тождественности» действий, приходя к выводу, что оно не означает абсолютной идентичности, а допускает некоторую вариативность в способе совершения, если она не меняет юридической сущности посягательства [8]. Б. А. Куринов исследовал вопросы разграничения продолжаемых преступлений и совокупности, подчеркивая, что при продолжаемом хищении умысел направлен на завладение имуществом в определенном, заранее задуманном размере, который достигается путем совершения нескольких эпизодов [9]. Я. М. Брайнин, в свою очередь, анализировал связь продолжаемого преступления с объектом посягательства, отмечая, что все эпизоды должны быть направлены на один и тот же родовой или видовой объект [11]. Примечательно, что даже Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., который считался одним из самых систематизированных и полных в мире, не считал нужным включить определение продолжаемого преступления в Общую часть, что свидетельствует о полном доминировании док-

тринально-судебного подхода к его регулированию и уверенности законодателя в том, что существующая практика является достаточной.

Современное состояние доктрины: сохранение преемственности и углубление научных дискуссий

Действующий Уголовный кодекс РФ 1996 г. полностью унаследовал «молчание» законодателя по данному вопросу, тем самым консервируя экстра-легальный статус продолжаемого преступления и перенося бремя его толкования на плечи правоприменителя и доктрины. Современная российская уголовно-правовая наука, с одной стороны, сохраняет неразрывную преемственность по отношению к советской школе, признавая выработанные ею классические объективные и субъективные признаки. С другой стороны, правовая неопределенность, порождаемая отсутствием законодательной нормы в условиях усложнения общественных отношений и появления новых форм преступности, вызывает все более острую и многоаспектную научную полемику. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, усмотрение правоприменителя в условиях отсутствия нормативных ориентиров трансформируется из инструмента гибкости, необходимого для индивидуализации ответственности, в источник правовой неопределенности и судебного произвола [10].

Основные направления современных научных дискуссий можно сгруппировать следующим образом. Во-первых, продолжаются споры о содержании и моменте формирования единого умысла. Является ли обязательным наличие у виновного конкретизированного плана (например, похитить 1 миллион рублей путем 10 краж по 100 тысяч) или достаточно общего, неконкретизированного намерения (например, «воровать с этого склада по мере возможности, пока не уволят»)? Судебная практика склоняется ко второму, более широкому подходу, что критикуется рядом ученых как создающее риск необоснованного объединения разрозненных деяний.

Во-вторых, активно обсуждается содержание объективных признаков. Критерий «тождественности» деяний все чаще предлагается заменить на критерий «однородности», что позволило бы объединять в одно продолжаемое преступление действия, несколько различающиеся по способу совершения (например, несколько хищений, совершенных путем кражи и мошенничества, но с единой целью). Наибольшие споры вызывает оценочный признак «незначительного разрыва во времени». Что считать таким разрывом — дни, недели, месяцы? Отсутствие четких критериев приводит к тому, что в одних случаях суды признают продолжаемым преступление, эпизоды которого отстоят друг от друга на полгода, а в других — квалифицируют как совокупность действия, совершенные с разницей в несколько дней.

В-третьих, все громче звучат голоса сторонников законодательной регламентации. Ряд ученых, в частности, А. И. Рарог, А. В. Наумов, настаивают на необходимости

скорейшего дополнения Общей части УК РФ статьей, содержащей легальное определение продолжаемого преступления и его ключевых признаков [12]. Разрабатываются и предлагаются авторские редакции таких норм, которые, по мнению их создателей, могли бы внести ясность и обеспечить единообразие практики.

Таким образом, историко-правовой анализ генезиса учения о продолжаемом преступлении позволяет сделать вывод о его сложном и противоречивом пути: от умозрительной конструкции в трудах дореволюционных ученых через прагматическую потребность и судебное признание в советский период к современному состоянию общепри-

занной, но юридически не закрепленной доктринальной категории. Отсутствие легальной дефиниции, являясь исторически сложившейся особенностью российского уголовного права, на современном этапе развития правовой системы выступает его системным недостатком. Этот недостаток подрывает фундаментальный принцип правовой определенности (*nullum crimen sine lege*), чрезмерно расширяет границы судебского усмотрения и создает объективные предпосылки для разнородной, а порой и взаимоисключающей судебной практики, что требует незамедлительного научного осмысления и выработки конкретных предложений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.
2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1957 гг. М.: Госюриздан, 1958. (Документ утратил силу, однако сохраняет доктринальное и историческое значение).
3. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001.
4. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. 11-е изд. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Добросвет, 2000.
6. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздан, 1957.
7. Куряяцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.
8. Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987.
9. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
10. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2019.
11. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967.
12. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (592) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.10.2025. Дата выхода в свет: 29.10.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.